Биография создателя Гарри Поттера Дж. К. Ролинг, написанная

Шон Смит

SHOUT
SHARE
IT

•

Шон Смит

Биография создателя Гарри Поттера Дж. К. Ролинг, написанная Шоном Смитом

Благодарность

Н

аписать эту книгу было бы невозможно без помощи многих людей. Надеюсь, я никого не забыл. Некоторые из них пожелали сохранить анонимность, и это их право. Я благодарю всех и надеюсь, что они будут довольны тем, что получилось.

Вот имена людей, кого мне хотелось бы отметить особо: Андреа Эндрюс, Дженни Браун, профессор Кейт Кэмерон, Кен Каррутерс, Уильям Кларк, Таня Каулес, Иветт Каулес, Сьюзи Кросс, Барри Каннингхэм, Рэй Дэвисон, Ричард Истон, Уильям Форд, Линдси Фрэзер, Жиль Гордон, Тим Грей, Алан Холл, Хелен Холл, Линда Хэй, Кэтрин Джонс, Чарльз Льюис, Сильвия Льюис, Зое Лонгбридж-Берри, Матильда Митчелл, Джон Неттлшип, Дэйл Ньюшвондер, Алистер Патерсон, Джилли Пикок, Ян Поттер, Руби Поттер, Джон Пауэл, Ребекка Рэмптон, Дэй Рис, Найджел Рейнолдс, Дэннис Райс, Джефф Роузер, профессор Мартин Соррелл, Мойра Стюарт, Кейт Уитли, Паула Уайтхаус, Элиан Уайтлоу и Иаред Уилсон.

Я хотел бы поблагодарить Эмилию Сондерс и туристическое агентство «Эйр Португал» за организацию поездки в Порто; Стива Кэссиди и Марию Инес Агвиар из «Энкаунтер Инглиш Скул» за оказанное мне гостеприимство. Также благодарю за содействие «Дэвид Хайэм Ассоушиэйтс» и центр «Йэйт Хэритидж».

Не могу не выразить огромную признательность издательству «Майкл О’Мара Букс», в частности Майклу О’Мара, утвердившему выпуск этой книги; Хелен Камбербэтч за кропотливую редакторскую работу; Габриэль Мэндер и Тоби Бучана за полезные советы и Джудит Палмер за подбор фотоматериала. Особое спасибо Брайони Эвене за сотрудничество и проявленный энтузиазм.

Я также признателен Зое Лоуренс за помощь в работе с рукописью.

И, наконец, хочу поблагодарить Дж. К. Ролинг, вдохновившую меня.

Введение

Г

арри Поттер обошел меня стороной. Был октябрь 2000-го, вот уже три года книги о мальчике-волшебнике стояли на полках в

каждом магазине и почти в каждом доме. Но не в моем.

Я повсюду встречал мгновенно ставшие популярными иллюстрации Томаса Тейлора к первой книге и гадал, кого тот пытался на них изобразить, — не маленького ли Джона Леннона или, может, Элвиса Костелло? Я изучал рейтинги бестселлеров в воскресных газетах и с завистью отмечал, как неделю за неделей «Гарри Поттер» с легкостью опережает Джеффри Арчера, Джоанну Троллоп, Ника Хорнби и прочих фаворитов. Я даже поймал себя на желании тоже написать сказку — да хоть бы о Волшебном Коте, моем «пушистике», который сидит, позевывая, у меня на коленях, пока я стучу по клавиатуре компьютера. Но это лишь следствие того ошеломления, которое вызвал у меня всеобщий бум вокруг «Гарри Поттера». Я не имел ни малейшего представле-

ния, кто такая Дж. К. Ролинг, полагая, что это псевдоним, скрывающий некую добренькую тетеньку, которая выращивает розы в своем садике где-нибудь в Суррее.

Все изменилось, когда однажды утром, сидя в местном кафе в западном Лондоне за чашкой кап- пуччино, я просматривал газету «Сан». На первой странице приложения «Сан Вумен»[1] (чтива, надо сказать, весьма содержательного и для любого мужчины) была помещена статья «Я — мать-одиночка» за подписью автора «Гарри Поттера» — Дж. К. Ролинг. Я прочитал ее от первой до последней строчки. Начиналась статья с сообщения о том, что ныне Джоанна Ролинг — самая высокооплачиваемая женщина Великобритании, за предыдущий год заработавшая более 20 миллионов фунтов стерлингов (30 миллионов долларов). А между тем всего каких-нибудь шесть лет назад она, оставшись после развода одна с маленьким ребенком на руках, в ужасных бытовых условиях, жила на социальное пособие и не могла поправить свое материальное положение без риска лишиться этого единственного средства к существованию.

Джоанна рассказывала, как однажды снежным декабрьским днем ей пришлось вследствие краха семейных отношений переступить порог эдинбургского офиса службы социального обеспечения: «Я поняла, что теперь мне предстоит жить на 70£ (105$) в неделю. Каких-то жалких 70£ на все — кормить и одевать себя и дочурку и оплачивать все счета». Можно считать, что Джоанна, которой было тогда двадцать семь лет, находилась, по сравнению с некоторыми, в более или менее терпимом положении. Ей пока еще удавалось вносить плату за арендованную квартиру (одна спальня и совмещенная с кухней гостиная). «Единственное, что мне нравилось в той дыре, — вспоминает писательница, — это сознание, что у нас есть крыша над головой. Надо было очень постараться, чтобы не обращать

внимания на звуки мышиной возни за плинтусами».

Судьбоносное решение далось не сразу, не было возгласа «Эврика!», после которого строки «Гарри Поттера» золотым дождем посыпались на бумагу.

Людям, живущим на государственное пособие, двери в более достойные жилищные условия наглухо закрыты политикой домовладельцев. Еще хуже дела обстоят с возможностью заработать. Официально трудиться в качестве секретаря Джоанне разрешалось всего два часа в неделю и получать за это 15£ (22,50$), потому что любой недельный заработок, превышающий эту сумму, автоматически вычитался из пособия. Казалось, вся бюрократическая система специально нацелена на то, чтобы отнять последнюю надежду у людей, попавших в капкан нищеты. И во главе всей этой пирамиды социальной несправедливости стоял сам премьер-министр, Джон Мэйджор, который позорно заявлял, что в плохом воспитании современных детей повинны лишь сами родители-одиночки.

В статье меня глубоко тронули два момента. Во-первых, рассказ Джоанны о том, как она впервые пришла на почту получать денежное пособие: «Я чувствовала себя так, будто над моей головой горела огромная неоновая стрелка, указывающая всем на меня. Депозитную книжку я достала, только когда подошла к самому окошечку, и быстро-быстро сунула ее кассиру, чтобы никто не успел разглядеть — что это».

Во-вторых, эпизод с раздачей «гуманитарной помощи» — старых, потрепанных игрушек. Маленькой Джессике предназначался такой грязный затасканный медвежонок, что Джоанна отказалась взять его для своей дочери. «Если я чувствовала себя униженной и раньше, то прежнее унижение было ничто по сравнению с тем, что я ощутила, увидев этого медвежонка».

Джоанне Ролинг повезло. У нее были друзья, помогавшие ей материально. Она сумела разорвать замкнутый круг нищеты и получить квалификацию педагога. Если бы тогда же не возник феномен Гарри Поттера, Джоанна все равно избежала бы клейма отброса общества благодаря упорному труду и целеустремленности: «Сказать, что большинство матерей-одиночек не столь удачливы, — это чудовищное преуменьшение. Шесть из десяти неполных семей в Британии живут в нищете».

Целью критической статьи в «Сан» было стремление рассказать людям о том, что происходит в современной Британии, где социальный статус определяется уже не столько классовой принадлежностью, сколько финансовым положением. В статье Джоанна выступала как представитель недавно

сформированного Национального совета по делам неполных семей. Меня потрясло желание этой женщины использовать свою известность и влияние на благо общества. Захотелось больше узнать об авторе статьи.

Долго ждать не пришлось. Однажды воскресным утром я включил радиоприемник и услышал беседу Джоанны Ролинг и Сью Доли, ведущей «Дезерт Айленд Диске»[2]. Выбор Джоанной музыкальных композиций поразил меня отражением ее искренности. Например, «Everybody Hurts» (REM) прозвучала как отголосок унижения и отчаяния молодой женщины в то памятное Рождество в Эдинбурге, когда она впервые оказалась в офисе службы социального обеспечения. Но еще важней было услышать то, что сама Джоанна рассказывала о себе в перерывах между звучанием мелодий. Оказывается, мама Джоанны умерла в возрасте сорока пяти лет от рассеянного склероза в прогрессирующей форме. Этот страшный диагноз, как приговор, врачи вынесли ей, когда Джоанне было всего пятнадцать. «Находиться дома было трудно», — призналась она.

Для тех, кого это интересует, — как заинтересовало меня, — приведу список выбранных

Джоанной музыкальных композиций: «Битлз» — «ComeTogether», «Смите» — «BigmouthStrikes Again», Бетховен — соната «Аппассионата», Чайковский — концерт для скрипки ре мажор, «REM» — «Everybody Hurts», Мэриэнн Фэйзфул — «Guilt», Джими Хендрикс — «All Along the Watchtower» и Моцарт — Реквием ре минор, ее любимое произведение. Ролинг производила впечатление скромной, вдумчивой и приятной собеседницы. Я был увлечен ее рассказом о том, как, слушая «Аппассионату», Джоанна представляет, что она на сцене в бальном платье исполняет сонату на рояле, а аудитория завороженно внимает ей. Да, Дж. К. Ролинг не откажешь в богатой фантазии.

Вот так наметились первые штрихи к картине жизни, больше напоминающей сюжет романа, где героине приходится хлебнуть немало горя, прежде чем наступает сладостный миг торжества над врагами и завистниками. Настало время вплотную заняться тем, чтобы воссоздать эту картину полностью. Первым источником, к которому я обратился, был Интернет. Наткнувшись на статью, озаглавленную «Ничем не примечательная жизнь Дж. К. Ролинг», я удивился. Наверное, здесь какая-то ошибка! Вряд ли можно вообразить историю более яркую и драматичную, чем биография этой женщины. Она, конечно, не сражалась в окопах Первой мировой войны и не открыла лекарство от оспы. Однако по накалу эмоций, испытанных ею, и по силе воображения, на

которое она оказалась способна, Джоанне не было равных. Стандартный биографический очерк едва ли отражал всю многогранность ее личности, но по крайней мере представил четкие этапы жизни писательницы: родилась в Чиппинг Содбери, до девяти лет жила в Бристоле, затем в деревушке близ Чепстоу, закончила общеобразовательную школу, университет Эксетера; потом — смерть матери, отъезд в Португалию в качестве преподавательницы английского языка, замужество и рождение дочери, возвращение в Британию, «Гарри Поттер».

Что я могу сказать о «Гарри Поттере»? Я разом купил первые четыре книги и прочитал их так быстро, что даже огорчился, когда дошел до конца. Главное в «Гарри Поттере» — это доступность не только детскому, но и взрослому восприятию. Он из тех произведений детской классики, которые хочется перечитывать снова и снова. Я до сих пор люблю «Ветер в ивах» Кеннета Грэхема, «Уильяма» Ричмэл Кромптон, чью утонченную иронию не мог оценить в семилетнем возрасте. Полагаю, в этом и кроется секрет долголетия детских книг: когда мы становимся старше и, возможно, мудрее, то открываем в них для себя что-то новое. Десятилетнего ребенка в «Гарри Поттере» прежде всего привлекают извечная борьба героев и злодеев, сказочные чудеса. Для меня же Гарри Поттер — пример того, как обычный мальчик, когда ему неожиданно представилась такая возможность, сумел изменить свою несчастливую судьбу.

Тогда и определилась цель этой моей книги — проследить этапы жизни Джоанны Ролинг и попытаться понять, что способствовало появлению Гарри Поттера, Гермионы, Рона, Хагрида, Снейпа (Снегга)[3] и других персонажей. Выяснить, кто же это на самом деле — Гарри Поттер. Мне предстояло увлекательнейшее расследование. Писательница сказала Сью Лоли, что газетные статьи о ней — это приукрашенная полуправда. У меня сложилось впечатление, что сама Джоанна Ролинг как личность намного интереснее даже созданного ее собственным воображением персонажа — Гарри Поттера.

От статьи о Джоанне в «Who's Who»[4] («Кто есть кто») 2001 г. тоже проку было мало: 111 слов, из которых, может быть, только 40 имели конкретный смысл, не помогли мне восполнить пробелы в биографии Джоанны. Там не говорилось ни где она родилась, ни в какую ходила школу; после упоминания о ее замужестве в 1992 г. — ни слова о последовавшем затем разводе. Так что работы предстоял непочатый край. Прежде всего я выбрал отправную точку своих поисков: Чиппинг Содбери. Проблема была только в том, что, как выяснилось, Дж. К. Ролинг родилась вовсе не в Чиппинг Содбери и никогда там не жила...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первые шаги

«Джоанна наверху, она пишет»

М

истер и миссис Ролинг из дома номер 109 по Сандридж-Парк всегда с гордостью заявляли, что они, слава богу, абсолютно нормальные люди. Это был их первый дом с тех пор, как молодожены из Лондона, ожидающие ребенка, отправились навстречу судьбе.

Все происходило очень быстро: юная пара познакомилась лишь немногим больше года назад, в поезде, идущем с вокзала «Кингс-Кросс» в сторону Арброта, что находится в 500 милях к северу, на восточном побережье Шотландии. Невысокого роста, темноволосый новобранец с прической в стиле Клиффа Ричарда протиснулся в купе старого образца на сиденье рядом с миловидной военнослужащей женской вспомогательной службы ВМС. Оба направлялись к новому месту назначения — в 45-й диверсионно-десантный отряд. Тогда, в начале шестидесятых, до Шотландии было девять часов езды, а это — целая куча времени для восемнадцатилетних юноши и девушки, чтобы познакомиться и сблизиться. Вскоре они уже сидели в обнимку, укутавшись шерстяным пальто Пита, и смотрели на проплывающие за окном сельские пейзажи.

Через несколько месяцев Пит Ролинг и Энн Волант, чьи отношения расцветали с каждым днем, пришли к выводу, что жизнь военнослужащих на море не для них. Энн забеременела, а для армейской среды, да и общества в целом тогда, в 1964 г., это было более серьезным событием, чем в наши дни.

Они решили последовать примеру отца Пита — Эрни и попытать счастья где-нибудь вдали от Лондона: оба хотели, чтобы их ребенок рос и получал традиционное воспитание в сельской местности. В свое время Эрни перебрался из Уолтэмстоу, ничем не примечательного северо-восточного лондонского пригорода, славящегося разве что собачьими бегами, в деревушку Уэстмур близ Борнмута, где открыл бакалейную лавку, впоследствии ставшую одним из источников творческого вдохновения его внучки Джоанны. По специальности Эрни был наладчиком машинного оборудования, — Пит и здесь решил пойти по стопам отца и податься в машиностроение. Он устроился учеником на конвейерную линию завода «Бристол Сиддли» в Филтоне, районе Бристоля, чтобы потом «пустить корни» в Западной Англии. Но прежде надо было сделать еще кое-что: пожениться.

Приходская церковь Всех Святых была поблизости от дома

родителей Энн, стоявшего на Фэармед-Роад, в Тафнелл-Парк, в то время еще далеко не фешенебельном жилом районе северного Лондона. Только через двадцать с лишним лет, с наплывом сюда молодых специалистов, просторные дома с террасами превратились в престижные и потому дорогостоящие. Уродливое здание 1884 г. в викторианском стиле, которое принадлежало церкви Всех Святых на Тайзертон-роад, было таким огромным, что здесь без помех могли венчаться сразу две или даже три пары. Интересно, что впоследствии у церкви отобрали часть помещений, и теперь в них восемь шикарных квартир с отдельными входами с разных сторон этого внушительного сооружения.

Ко времени венчания 14 марта 1965 г. Энн была на пятом месяце беременности, но это не бросалось в глаза. Свадьба состоялась через две недели после двадцатилетия жениха и через шесть недель — после ее собственного. Такие молодые, а уже с ребенком на руках! Они могли бы легко потеряться в этой жизни, но энергичный и трудолюбивый Пит был не намерен допускать, чтобы его семью затянула трясина лондонских будней.

На плечи молодоженов, едва вышедших из нежного возраста, лег тяжкий груз ответственности, и потому «бурные шестидесятые» незаметно промелькнули мимо. В воспоминаниях о прошлом временные границы часто стираются, а ведь всего одно поколение отделяет шестидесятые от Второй мировой войны. Энн и Пит появились на свет в последний военный год и воспитывались в стране, медленно возвращавшейся к жизни после шести лет разрухи. Когда они поженились, хит-парады возглавлял молодой уэльсец Том Джонс с композицией «It’s Not Unusual», которого вскоре потеснили с вершины «хулиганы» музыкальной сцены «Роллинг Стоунз» с «The Last Time». Джоанна Ролинг впоследствии рассказывала, что ее родители любили «Битлз» — покупали все их пластинки и танцевали под их песни в гостиной. Это напоминало им

о юности, когда они еще не превратились в «солидную супружескую пару». Жизнь в Йэйте, где они обосновались, даже с большой натяжкой вряд ли можно было назвать «бурной».

Йэйт, в десяти милях к северо-востоку от Бристоля, самого крупного индустриального центра Западной Англии, представляет собой постепенно расширяющийся «новый город». Принято считать, что у таких современных новообразований нет ни сердца, ни души, ни чувства сплоченности. В 1965 г. для Йэйта период бурного жилищного и промышленного строительства был еще впереди, и, когда Энн с Питом въехали в свой первый скромный одноэтажный дом, здесь еще витал дух деревни. Улица

Сандридж-Парк была просто мощеной дорогой среди полей. В конце дороги, в 300 метрах от дома Ролингов, находилась единственная окрестная «достопримечательность» — открытый за год до того Торговый центр Йэйта, разрекламированный для привлечения покупателей из Бристоля как «первый загородный в Соединенном Королевстве». Как и сам город, центр со временем сильно разросся, и теперь на его территории располагается более ста магазинов.

Дж. К. Ролинг любит говорить, что она родом из Чиппинг Содбери, и это связано с ее пристрастием к эксцентричным именам и названиям. Чиппинг Содбери, аристократичный сосед Йэйта, заполонен антикварными лавками и старинными постоялыми дворами. Он недаром слывет городом снобов, и для агентов по недвижимости старинный Чиппинг Содбери — настоящее золотое дно. Однако и Йэйту, несмотря на его современный облик, более двух тысяч лет. Его название (Yate) — это искаженное саксонское «Gete», «Geate» или «Giete», что означало «врата» — в данном случае в лес, в королевские охотничьи угодья. Местные краеведы ведут историю поместья Йэйт от саксонской хартии 778 г., согласно которой Оффа, король Мерсии, даровал Вустерскому аббатству десять окрестных «домов».

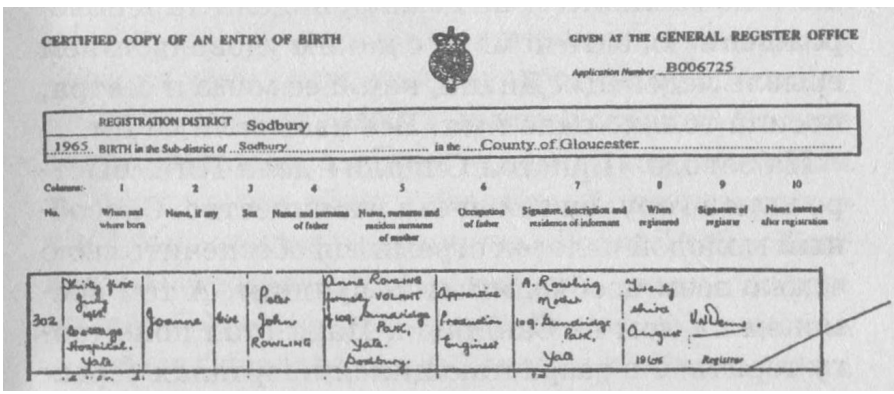
Во время Второй мировой войны Йэйт оказался в списке объектов, подлежащих уничтожению, поскольку в городе находился авиазавод «Парналл Эйркрафт». По данным из немецких военных архивов, в августе 1939 г. Йэйт был сфотографирован с воздуха нацистским самолетом- разведчиком за пять дней до объявления войны. В следующем феврале немецкий бомбардировщик, один, без прикрытия, пролетел над городом и сбросил бомбы на завод. Во время налета погибли пятьдесят два из 4000 находившихся в здании рабочих. Три из шести сброшенных снарядов не разорвались, иначе жертв и разрушений было бы еще больше. Жителей Йэйта потрясла внезапность и наглость нападения: ведь самолет с ясно обозначенной свастикой на фюзеляже среди бела дня беспрепятственно пролетел над крышами их домов, а после того, как сбросил смертоносный груз, бесследно исчез в облаках.

Дом номер 240 по Стэйшн-роад изначально был частным жилым особняком под названием Мелроуз-Хаус. В 1920 г. местный Военный мемориальный фонд решил в память о жертвах Первой мировой войны 1914—1918 гг. основать госпиталь для города и инвестировал приличную по тем временам сумму 2000£ (3000$) для устройства в этом коттедже больничных палат. В главном зале на огромной деревянной мемориальной доске

перечислены имена погибших из девятнадцати деревень. В 1951 г. госпиталь в основном был переведен в Бристоль, и все здание целиком заняло родильное отделение.

В те годы не существовало современной, «конвейерной» системы медицинского обслуживания. Роженицам разрешали оставаться в отделении на десять дней и давали список вещей, которые нужно было взять с собой: «Матери: 2 ночные рубашки, халат, тапочки, туалетные принадлежности, 2 полотенца, 2 бюстгальтера,

1 упаковка женских прокладок, карточка группы крови, книжка талонов на молоко. Ребенку: присыпка, мыло, 2 муслиновых подгузника и английские булавки». Посещение было разрешено только мужьям, ежедневно с 7 до 8.15 вечера. Внизу печатной инструкции стояло строгое предупреждение: «Дети не допускаются».


CERTIFIED COPY OF AN ENTRY OF BIRTH

GIVEN AT THE GENERAL REGISTER OFFICE

Application Number B006725

REGISTRATION DISTRICT Sodbury

1965 BIRTH in the Sub-district of Sodbury in the County of Gloucester

Columns:	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
No.	When and where born	Name, if any	Sex	Name and surname of father	Name, surname and maiden surname of mother	Occupation of father	Signature, description and residence of informant	When registered	Signature of registrar	Name entered after registration
302	July 31st Cottage Hospital. Yate	Joanne	Girl	Peter John ROWLING	Anne Rowena formerly VOLANT 31 Q. Annadridge Park, Yate. Sodbury.	Apprentice Production Engineer	A. Rowling Mother 10 Q. Annadridge Park, Yate	Twenty-third August 1965	Registrar

Копия свидетельства о рождении Джоанны Ролинг

Энн Ролинг поступила в родильное отделение в конце июля 1965 г. Ей была отведена одна из двенадцати кроватей в палате, находившейся под неусыпной опекой матроны — мисс Ирэн Нортон, которую все ласково звали Нелли. Между молодыми мамами в палате установились добрые товарищеские отношения. 31 июля Энн родила девочку, по словам самой Джоанны Ролинг, «толстенькую и беленькую». Энн с Питом решили назвать ее Джоанной — и никак иначе.

Одно из первых воспоминаний малышки — рождение сестры Дианы. Новый член семьи Ролингов появился на свет в родительской спальне в доме номер 109 по Сандридж-Парк. Это произошло 28 июня 1967 г. Джоанна рассказывала Линдси Фрэзер в «Беседах: Интервью с Дж. К. Ролинг»: «В день, когда она [Диана] родилась, отец дал мне конфету на палочке, чтобы чем-нибудь занять меня, пока он бегал в спальню и из спальни. Я не помню,

видела ли я новорожденную, зато помню, с каким удовольствием грызла леденец». Диана, как и ее мама и сестра, носила только одно имя. Все называли ее Ди.

На заводе «Бристол Сиддли» дела Пита быстро шли в гору, он закончил ученичество. Способный молодой человек стремился обеспечить свою семью всем необходимым и лучшим. А тем временем их дом на Сандридж-Парк стал понемногу теряться в разрастающихся кварталах серых жилых домов. Не в такой среде Ролинги хотели растить своих дочерей.

В четырех милях от Йэйта находился Уинтерборн. Слишком крупный для деревни и слишком маленький для города, сегодня он скорее напоминает обширный пригород. Исторически Уинтерборн сложился как сельскохозяйственный и горнодобывающий центр. Здесь больше, чем в Йэйте, ощущался дух сплоченности. И Пит Ролинг перевез семью на Николлс Лэйн — улочку с аккуратными домиками из местного камня, постройки 1963 г. Новые, они стоили 2999£ (4499$). Пит, заплатив немногим больше, купил у Кена и Ровены Эванс их дом, номер 35. Может быть, не совсем о таком жилье мечтали они с женой, но все же это был шаг в верном направлении. Алан Холл, живший через два дома, вспоминает: «Когда мы только приехали сюда, вокруг простирались поля. В конце улицы стояли старый деревенский сарай и лавка кузнеца».

Энн и Пит, общительные и дружелюбные, удачно вписались в космополитическое, по сути, общество: в близлежащих городках и деревнях оседали люди, приехавшие работать на бристольских заводах из разных уголков страны. Многие устраивались на «Бристол Сиддли», который несколько раз менял хозяина, пока наконец в 1971 г. не влился в компанию «Роллс-Ройс». Вопреки распространенному мнению, завод, где трудилось более десяти тысяч рабочих, не выпускал роскошные автомобили, а специализировался на авиационных моторах. Пит работал в сборочном цехе, где монтировались двигатели «Пегас» для военных истребителей «Харриер». Часто рабочие задерживались и после окончания смены, продолжавшейся с 7.30 утра до 5.00 вечера, не желая оставлять работу недоделанной и уходить домой, не выполнив норму. Пит вскоре начал продвигаться вверх по служебной лестнице и ушел со сборочного конвейера.

Ролинги и Холлы подружились. Все четверо прошли армейскую школу: Энн и Пит в Королевском Флоте, а Алан и Хелен Холл в ВВС Великобритании. Алан тоже каждое утро отправлялся на «Бристол Сиддли», а по воскресеньям вместе с Питом шел в трактир «Уитшиф Инн» на Хай-стрит выпить кружечку пива, пока их жены готовили традиционный воскресный

ланч. «Я всегда вспоминаю, как мы с ним беседовали о политике, — говорит Алан. — По своей сути он был тихим парнем, который ко всему относился очень серьезно, и, наверное, Джоанна унаследовала это от отца. Она и внешне — просто его копия».

На Николлс Лэйн жили приветливые, отзывчивые люди. Хэлен Холл вспоминает, как однажды, когда Энн слегла с воспалением легких, ее семье помогали все соседи — ходили в магазин, готовили, присматривали за Ди и Джоанной. В канун Нового года Холлы приглашали всех к себе. Хэлен — шотландка, и праздник на Николлс Лэйн всегда имел национальный оттенок. Заходили к ним и Энн с Питом и, устроившись вместе со всеми друзьями на полу, встречали Новый год.

Пит много работал, и сперва воспитанием девочек занималась одна Энн, ради дочерей отказавшаяся от карьеры. «Она решила посвятить себя семье и дому, — говорит Джоанна, — и я ни разу не замечала, чтобы впоследствии она сожалела, что рано вышла замуж». Энн любила читать и привила любовь к книгам всей семье. Именно на Николлс Лэйн пробились первые ростки творческого воображения Джоанны.

Одной из книг, запомнившихся Джоанне, стала сказочная повесть «Ветер в ивах», которую читал ей отец, пока она болела корью. Джоанна так до сих пор и не объяснила, почему дала лучшему другу Гарри Поттера фамилию Уизли, созвучную с названием этой болезни[5]. Первые книги оказывают большое влияние на детские умы. Пит Ролинг придвигал стул к кроватке своей четырехлетней дочки и читал об увлекательных приключениях Крыса, Крота, м-ра Жаба, Барсука. Животные играют очень важную роль и в повестях о Поттере, особенно в раскрытии темы нравственности и непостоянства человеческих чувств. Этот художественный прием использовал в своих сказках еще Кеннет Грэхем. Что-то от Жаба, жутко тщеславного и глупого хвастунишки, есть в чванливом Златопусте Локонсе (Локхарте), преподавателе защиты от Темных Искусств в повести «Гарри Поттер и тайная комната». А директор «Хогвартса» Альбус Дамблдор своей сентиментальностью, наверное, немного напоминает Барсука. Поразительно, что и Дикий лес Грэхема, и Запретный лес Ролинг тоже несут схожую смысловую нагрузку: это нечто темное, пугающее, опасное для героев и всех хороших людей в целом.

В доме номер 29 жил Ян Поттер, который был на год младше Джоанны. «Когда входишь к Ролингам, видишь всюду шкафы с книгами», — вспоминает он. Его мать Руби и Энн часто обменивались книгами. Больше всего они любили исторические романы современных авторов, таких как Виктория Холт. «Энн

много читала своим дочерям. Она была убеждена, что чтение — неотъемлемая часть воспитания детей», — говорит Руби Поттер.

Совсем маленькую Джоанну совершенно не трогали книги Эниды Блитон о Нодди. Приключения этого героя, всегда ходившего в остроконечной шляпе с колокольчиком, и его друзей не будили ее воображения. Иное дело герои Ричарда Скарри — еще один пример того, насколько дети любят читать о животных, наделенных человеческими качествами. В своих книгах, впервые увидевших свет в конце 1960-х гг., Скарри блестяще использует образы кошек, мышей, свиней, собак и других всевозможных животных, которые «помогают» рассказывать детям об окружающем мире. Его ставшие почти классикой книжки «Самые занятые люди» и «Что люди делают весь день?» пользуются огромной популярностью, и в последние годы переиздавались несколько раз. Поезда, которые всегда играли важную роль в жизни и творчестве Дж. К. Ролинг, встречаются практически в каждой книге Скарри (как правило, машинистами в них служат лисы). В поезде познакомились родители Джоанны, в поезде родилась идея «Гарри Поттера», сказочный поезд «Хогвартс-экспресс» переносит Гарри из несчастий реального мира — мира «маглов» — в спасительный мир магов и волшебников.

В детстве Джоанна Ролинг любила книги Скарри, именно они вдохновили ее в шестилетнем возрасте взяться за перо и написать свой первый рассказ. Он назывался «Кролик». Герой- эпоним сидел дома и болел корью, а его навещали и веселили друзья, включая гигантскую пчелу, которую так и звали: мисс Пчела. Джоанне всегда нравились кролики. Для своей сестренки она сочиняла забавные истории о том, как Ди провалилась в кроличью нору и семейство кроликов угостило ее земляникой. Терьер Ролингов был назван Тампером в честь шустрого кролика из диснеевского фильма «Бэмби». Маленькие сестры Ролинг очень хотели иметь крольчонка и завидовали Поттерам — в их семье жил черно-белый Фламп, которого девочки кормили травкой.

«Кролик», по признанию Джоанны, был отчасти подражанием Ричарду Скарри (в одном из его рассказов крольчонок лежит в больнице), но необычно то, что шестилетней девочке захотелось самой сочинить историю. Хелен Холл вспоминает, как однажды она зашла к Энн и на вопрос о ее старшей дочери получила гордый ответ: «Джоанна наверху, она пишет». Чего бы только ни отдали большинство родителей, чтобы их ребенок спокойно сидел в своей спальне и что-нибудь читал или сочинял.

Первой историю Джоанны услышала ее сестра, которая потом так и оставалась ее главным критиком на протяжении тридцати лет. Восторженное отношение Ди к сочинениям Джоанны сыграло

не последнюю роль в творческой судьбе писательницы. Мама тоже любила слушать истории дочери, и первую книгу о Гарри Поттере Джоанна посвятила им обеим. Благодаря поддержке семьи маленькая Джоанна обрела уверенность в себе и не утратила желания сочинять истории и читать их окружающим. Богатое воображение сделало ее главной заводилой среди детей на Николлс Лэйн, которые любили играть в чьем-нибудь саду. Между садами на улице не было изгородей, и соседи запросто заходили друг к другу перекинуться парой слов за чашечкой чая, а их дети — поиграть в злых и добрых волшебников, игру, придуманную Джоанной.

Тогда не было ни компьютерных игр, ни мобильных телефонов, которые дети могли бы использовать для развлечений, и Джоанна, Ди, Ян Поттер и его сестра Викки совершали набеги на гардероб и чуланы Энн Ролинг. «Дети постоянно умыкали из сарая метлу, воображая, что это помело», — вспоминает Руби Поттер. — «И всякий раз главной выдумщицей была Джоанна». В придуманной ею игре девочки одевались волшебницами, а мальчики — волшебниками (обычно это был Ян, но иногда к нему присоединялся еще один соседский мальчик, Кристофер Уайт). Друзья усаживались под деревом, и Джоанна изображала колдунью, которая произнося заклинания, варит свое зелье из разных омерзительных ингредиентов. «Я надевал задом наперед длинный папин плащ — костюм волшебника, — вспоминает Ян. — Кажется, были еще очки — такие же, как у Гарри. Джоанна и для нас изобретала заклинания и придумывала истории, в которых главными героями были мы». Друзья Джоанны говорят, что она постоянно что-то сочиняла. И хотя писательница до сих пор немного стесняется своих творений, она не утратила дара поражать знакомых своими фантазиями.

Лидером в выдумках была Джоанна, но пару раз проявил себя и Ян Поттер. Однажды днем после чая он убедил Джоанну, что жирный, скользкий слизень — аппетитное лакомство... Неудивительно, что, когда после выхода в свет «Гарри Поттера» ее спросили, в какое животное она хотела бы превратиться, писательница ответила: «Я хотела бы стать выдрой, это мое любимое животное. Было бы впору удавиться, если бы я превратилась в слизня или подобную гадость*. Во второй главе («Исчезнувшее стекло») повести «Гарри Поттер и философский камень» она пишет: «Дарсли часто говорили о Гарри так, словно его не было рядом или он был какой-нибудь мерзостью вроде слизня и не мог понять, что речь идет именно о нем». На самом же деле слизня больше напоминает отвратительный Дадли

Дарсли (Дурсль) с большой толстой головой.

Однажды в выходные отец Яна Грэхем и его дядя Роджер в новом гараже рядом с домом Поттеров укатали пол мокрым цементом. В этот раз коварный Ян сумел подговорить Джоанну, Ди и свою сестру Викки оставить на цементе следы, как это делают голливудские звезды на бульваре Сансет. В итоге рассерженный Пит Ролинг вынужден был помогать соседям выравнивать пол. Самое забавное то, что сегодня, когда все словно помешались на коммерции, отпечаток ноги маленькой Джоанны Ролинг стоил бы больше, чем целый новый гараж.

Было еще кое-что, чего Джоанна терпеть не могла. Пауки! Руби Поттер запомнилось это ее отвращение, потому что так же относилась к этим насекомым и ее дочь. Даже теперь, когда Джоанну Ролинг спрашивают, что она больше всего ненавидит, она неизменно отвечает: «Пауков». Поэтому неудивительно, что им отведена столь значительная роль в ее книгах, где их панически боится друг Гарри Рон. Детские кошмары Джоанны воплотились в «Тайной комнате»: Рон и Гарри идут в Запретный лес разыскивать Арагога и набредают на пауков — «размером с ломовую лошадь, восьмиглазых, восьмилапых, черных, волосатых, гигантских». Если бы Джоанна Ролинг повстречалась с Буккартом, существом, превращающимся в то, чего больше всего боится увидевший его человек, она уверена: он бы принял обличье паука наподобие Арагога.

ГЛАВА ВТОРАЯ
Книжный ребенок

«Джоанна всегда была серьезнее... подбородок опущен, смотрит прямо, совсем как взрослая»

К

огда Джоанна праздновала в 1970 г. свой пятый день рождения, не было еще ни «Макдоналдс», ни «Бургер Кинг» — излюбленных мест паломничества маленьких лакомок. Так что дети в праздник садились за стол дома, и Энн или Руби подавали им желе, мороженое, сэндвичи и сказочно вкусные торты. Энн Ролинг отменно готовила. «Ей это нравилось, — говорит Руби. — Тогда не было ресторанов быстрого питания. С другой стороны, и денег-то не было. Нам было не по карману покупать в супермаркете готовую еду, чтобы накрыть стол. Приходилось стряпать самим. Энн часто пекла торты, тушила овощи, — и без всяких микроволновок. Все было такое свежее! Мы ходили в местный магазинчик «Салливане» и все нужное покупали там — картошку, овощи, фрукты...»

«Мы не считали деньги друг друга, обе были мамами и обе

сидели дома. Если у вас была семья, значит, вы занимались детьми и хозяйством. Не то что сегодняшние женщины: они вынуждены идти зарабатывать, чтобы обеспечивать семью».

Совместные трапезы устраивались у Ролингов не только по праздникам. Энн старалась, чтобы все в семье ели вместе, и когда Пит возвращался с работы, если только не задерживался допоздна, Джоанна и Ди тут же прекращали играть и шли домой ужинать. В «Философском камне» Гарри Поттер, оказавшись в Хогвартсе, обрадовался обилию вкусной еды, поданной ученикам во время первого школьного пира: «ростбиф, жареный цыпленок, свиные и бараньи отбивные, сосиски, бекон и стейки, вареная, печеная и жареная картошка, йоркширский пудинг, горох, морковь, мясные подливки, кетчуп». Ни пиццы, ни хотдогов, ни бигмаков или всяких там «бургеров» — исключительно традиционные блюда английской кухни, которые готовила мама Джоанны. А на десерт подали «яблочные пироги, фруктовые торты, шоколадные эклеры и пончики с джемом, бисквиты, клубнику, желе, рисовые пудинги...».

Через два месяца после дня рождения Джоанна пошла в школу. Школа Церкви Св. Михаила находилась на Хай-стрит, рядом с «Уитшиф Инн», в пяти минутах ходьбы от дома. В первый учебный день Энн провожала старшую дочь до школы, как потом делала это почти всегда, даже когда та подросла. Джоанна выглядела очаровательно в новенькой школьной форме: красный верх, серая юбка.

Уильям Уилберфорс, известный как член парламента, возглавивший в 1788 г. кампанию за отмену рабства, в начале девятнадцатого века побывав в окрестностях Бристоля, решил, что Уинтерборну необходима школа. В итоге в 1813 г. было выделено сто фунтов на открытие школы Св. Михаила. Сначала дети занимались в клубной комнате трактира «Зеленый Дракон», вплоть до 1867 г., когда школу перевели в здание по соседству с «Уитшиф Инн». Похоже, властям казалось, что добропорядочным джентльменам из Уинтерборна сподручнее пропускать стаканчик-другой на глазах у 300 ребятишек. В 1970 г. подготовительные классы все еще размещались на Хай-стрит, где дети учились два года до перевода в начальную школу в Линден-Клоуз. Это тоже было в пяти минутах ходьбы от Николлс Лэйн, только, выходя из дома, нужно было повернуть не направо, а налево.

Джоанна сразу же полюбила школу. Ей понравилось само здание — с большими эркерами, похожее на маленькую викторианскую часовню. Правда, в первый же день учебы, когда после утренних занятий за Джоанной пришла мама, чтобы забрать ее на ланч, девочка решила, что больше сюда не вернется.

«Я думала, все закончилось, я всему научилась, — рассказывала она писательнице Линдси Фрэзер, — и мне больше не нужно ходить в школу». В этой гениальной наивности есть что-то очаровательное, напоминающее Лори Ли из «Сидр с Роузи». Маленькая Лори в первый день учебы в деревенской школе, рассердившись, что не получила «обещанного» подарка, жаловалась своим сестрам: «Они сказали: «Ты ведь Лори Ли, не так ли? Веди себя хорошо, и будет нам всем подарок». Я просидела там весь день, но мне так ничего и не дали. Я больше туда не вернусь!»

Преподавание в школе Св. Михаила осуществлялось в лучших провинциальных традициях. Как считает нынешний директор, Кен Каррутерс, «тогда у детей было больше возможности ощутить себя детьми».

Директором начальной школы, куда перевели Джоанну в сентябре 1972 г., был Альфред Данн, весьма уважаемый человек, несмотря на его внешнее сходство с одним из известных в прошлом комиков. Имя мистера Данна, которому было под девяносто, не раз поминалось в газетах и телепередачах, ибо журналисты подметили, что его инициалы совпадают с инициалами директора школы «Хогвартс» Альбуса Дамблдора, и заключили, что именно он явился прототипом мудрого и благородного персонажа «Гарри Поттера». На самом же деле у Дамблдора намного больше общего с отцом Джоанны Ролинг и директором ее следующей школы.

Мистер Данн руководил школой, в которой до утверждения единой государственной программы главными предметами считались английский и математика. Он не помнит Джоанны. Она была одной из самых младших в классе, потому что родилась в последний день июля, и в школе вела себя тихо и смирно. Но, как и другие дети, любила майское дерево[6], которое устанавливалось на школьном дворе, и ежегодную ярмарку, которую устраивали на Михайлов день 29 сентября. «У нас в школе есть традиция, — объясняет м-р Каррутерс. — В этот день каждый ребенок в награду за хорошее поведение получает яблоко. Что-то вроде сделки».

Как ни удивительно, с тех пор в школе Св. Михаила мало что изменилось. Правда, помещения подготовительных классов теперь отвели под приют для престарелых. Но в начальной школе — ив ее коридорах, и во дворе, где весь асфальт исчерчен мелом для «классиков», — полно детворы в джемперах все такого же ярко-красного цвета. Ученики все так же резвятся на переменках и боятся опоздать на урок после того, как прозвенит звонок. И он все тот же — старый медный колокольчик с выгравированными

буквами «A.R.P.» («Air Raid Patrol»[7]), заслышав трезвон которого, Джоанна со всех ног бежала в класс, прервав игры на пустыре. Том самом поросшем травой пустыре, по которому каждое утро вместе с мамой и Ди они шли с Николлс Лэйн в Линден-Клоуз.

Уинтерборн — тихое и спокойное местечко. Энн Ролинг и Руби Поттер часто вместе поджидали своих дочерей после уроков. Девочки выходили из школы, как всегда, взявшись за руки. Детей водили на пруд в центре деревни полюбоваться на уток или в конюшни посмотреть на лошадей и ослов, а иногда в доки, где вставали на якорь большие суда. Энн и Пит Ролинги гордились тем, что могут дать своим дочерям традиционное воспитание в здоровой среде.

Идиллия кончилась, когда Джоанна перешла в следующий класс начальной школы, под неусыпное око м-с Сильвии Морган. Можно проследить связь людей и фактов реальной биографии Дж. К. Ролинг с персонажами и событиями саги о Гарри Поттере. Некоторые черты тяжелого характера м-с Морган воплотились в образе хогвартского преподавателя волшебного зельеварения, профессора Северуса Снейпа (Снегга). Еще более любопытны другие параллели. Так, например, Дарсл, название безобидного глостерширского городка Dursley, превратилось в фамилию ужасных родственников Гарри, «маглов», которые поселили мальчика в чулане под лестницей и обращались с ним хуже некуда. В географическом справочнике Британии на той же странице можно отыскать и Дадли, городок на западе Средней Англии. Именно так, Дадли Дарсли, зовут одного из самых известных ныне отрицательных персонажей детской литературы.

Если с Дадли все ясно, то как появилось имя главного героя, школьника-очкарика Гарри Поттера, до сих пор неизвестно. Как и следовало ожидать, все решили, что его прототипом послужил друг детства Джоанны, Ян Поттер с Николлс Лэйн в Уинтерборне. Беспардонные газетчики начали осаждать «настоящего Гарри Поттера», который, однако, не имеет ничего общего со своим однофамильцем. В настоящее время Ян — семейный человек, который живет и работает в Йэйте. Он гордится знакомством с Джоанной, и сама она не отрицает, что фамилией «Поттер» Гарри, возможно, обязан семье, жившей по соседству. Но с тем же успехом ее герой мог быть назван и в честь Денниса Поттера, известного писателя из Динского леса, куда позже переехали Ролинги.

Когда книги о Гарри Поттере впервые увидели свет, Руби Поттер написала Джоанне, поздравляя ее с творческой удачей. В пришедшем с «совиной почтой» ответе, который Джоанна написала собственной рукой, она благодарила Руби и уверяла ее,

что Гарри — это вовсе не Ян. Джоанна даже как-то призналась, что «позаимствовала» фамилию Поттер просто потому, что она всегда ей нравилась больше, чем Ролинг (свою собственную фамилию она почему-то терпеть не могла).

★

Поттеры расстались со своими соседями в 1974 г., когда Пит и Энн решили переехать в деревушку по другую сторону Севернского моста. На новом месте девятилетняя Джоанна почувствовала себя на седьмом небе от счастья. С ее фантазией здесь есть где развернуться! Прямо за дорогой B4228 между деревнями Татшилл и Сент-Бриавелс начинается крутой откос, с которого открывается потрясающий вид на извилистую речку Уай. Одна из многочисленных местных легенд гласит, что во время гражданской войны в Англии сэр Джон Уинтерс спрыгнул с этой скалы прямо в седло и, переплыв на коне устье реки, ушел от погони армии Кромвеля. Здесь на отрезке, называемом Подковой, Уай течет мимо руин церкви Лэнкорт Черч, где Джоанна и ее подруги-скауты теплыми летними вечерами устраивали пикники и смотрели на кружащих в небе воронов и ястребов. Легко представить, как вместе с птицами воспаряло ввысь воображение девочки. В детстве, рассказывала Джоанна, она мечтала летать и, став взрослой, воплотила эту свою мечту в книгах о Гарри Поттере.

Чтобы добраться до излюбленного места пикников девочкам из Второго скаутского отряда прихода Тайденхэм (Св. Марии) нужно было свернуть с дороги и пройти мимо Дамбы Оффы (сейчас по этой тропинке любят гулять местные жители), затем — мимо Спиттл Минд, бывшей колонии прокаженных, и, наконец, через лес, наполненный пением птиц. Что могло быть увлекательнее для юных искательниц приключений?

Дальше — пещеры Барсучьей Норы, длинные лабиринты подземных ходов, проложенных под ипподромом Чепстоу, и Сент-Арванс. В «Узнике Азкабана» Гарри, блуждая по извилистым коридорам подземелья, напоминающего гигантскую кроличью нору, с помощью Карты Грабителя обнаруживает ход из Хогвартса в сказочную деревушку Хогсмид. Татшилл, тихая, не затронутая современными нововведениями деревушка, была для впечатлительных юных умов хранилищем тысячи тайн и несметных сокровищ.

Впервые Пит и Энн Ролинг оказались в этой деревушке случайно, когда, переправившись по Севернскому мосту, ехали мимо пограничного городка Чепстоу вверх по течению реки в Динский лес. Мост, построенный через реку Северн по указу королевы в 1966 г., открыл новый путь в Бристоль, и теперь

дорога на завод «Роллс-Ройс» в Филтоне занимала не более получаса. Когда Ролинги увидели на краю деревни выставленный на продажу оригинальный каменный коттедж, они решили, что пришло время расстаться с Уинтерборном.

Продать дом на Николлс Лэйн оказалось проще простого. Случилось так, что молодожены Таня и Дэйв Каулес, осматривая окрестности, заметили напротив дома номер 35 табличку «Продается» и поняли, что хотят поселиться именно здесь. Таня вспоминает, что, когда они зашли к Ролингам, Энн пылесосила. Приветливая хозяйка показала им дом, где, было видно по всему, жила дружная и счастливая семья, и кладовую с грудой велосипедов, а потом провела их в сад — предмет ее гордости — и подарила Тане цветочный горшок с белыми фиалками. Таня, тоже увлекающаяся садоводством, говорит, что в саду до сих пор остались два растения, посаженные более четверти века назад Энн Ролинг, — папоротник и куст Розовой вейгелы. Каулесы, которым не терпелось побыстрее справить новоселье, предложили Ролингам за дом хорошие деньги —

11 000£ (16 500$).

Для сестер Ролинг (одной тогда было девять, другой — семь лет) переезд стал началом новой жизни. Их ждали новые друзья, новый дом и, что очень важно, новая школа. Одной из главных причин, по которым их отец решил продать милый и уютный, но невзрачный домик в Уинтерборне, был, собственно, сам Черч-Коттедж. В то время как дома на Николлс Лэйн были построены в 1963 г., у Черч-Коттеджа была долгая история, не говоря уже об открывавшихся из его окон фантастических видах на устье Северна. Уникальная особенность Татшилла — в географическом положении: между двух крупных рек, Уай и Северна, на границе Англии и Уэльса. Чепстоу, что в миле от Татшилла, находится в низине, на территории Уэльса, а сам Татшилл относится к английскому графству Глостершир, хотя и здесь ощущается мощное влияние уэльсской культуры.

Несмотря на красивейшие пейзажи, деревушка Татшилл, вытянувшаяся узкой полосой вдоль главной дороги, не похожа на идиллические английские виды с подарочных открыток. Здесь в основном живут семьи среднего достатка. По словам Дэя Риса, директора деревенской школы с 1971 по 1991 гг., «Татшилл был своего рода центром торговли, куда приезжали за покупками со всей округи». В десяти минутах ходьбы пролегает автотрасса М4, но Татшилл оставляет впечатление уединенности. Совсем рядом с деревней вздымаются вековечные дубы, буки и ели овеянного мифами и легендами благословенного Динского леса.

Черч-Коттедж стоит по соседству с церковью Св. Луки, по

другую сторону от которой — татшиллская Школа англиканской церкви, где продолжалась учеба Джоанны. Черч-Коттедж был знаменит тем, что именно в этом доме в сентябре 1848 г. было оборудовано первое классное помещение школы. Здесь же до освящения построенной в 1853 г. церкви Св. Луки проводились церковные службы (в деревенском приходе было около 120 прихожан). Коттедж оставался главным учебным корпусом вплоть до 1893 г., пока не стал слишком тесным для учащихся, количество которых перевалило за сотню.

Изначально это была школа для детей малоимущих прихожан Тайденхэма. Коттедж, строительство которого обошлось в 250£ (375$), возводился на пожертвования и деньги, вырученные от продажи теологических трактатов сочинения местного викария, преподобного Джона Армстронга. Согласно архивам, на содержание школы, включая зарплату учительницы, ежегодно выделялось 30£ (45$) из специального фонда, который составляли добровольные вклады прихожан, гонорары викария, взносы, называемые «школьными пенсами» (еженедельно с каждого ученика взималось одно старое пенни) и деньги, «присылаемые издалека» неким анонимным лицом.

После выхода Указа об образовании 1880 г. обучение стало обязательным для детей до десяти лет. В этом возрасте ребенок мог прекратить учебу (но только при условии, что до этого он регулярно посещал школу) и начинать работать на местных предприятиях. Если же ребенок, согласно классному журналу, часто пропускал занятия, срок обязательного образования продлевался до тринадцати лет. Кристина Лейтон в своих школьных хрониках сообщает, что чаще всего ученики пропускали уроки из-за плохой погоды либо по болезни. Кроме того, дети не ходили в школу также во время сенокоса, посадки и уборки картофеля, сбора яблок и ежегодной июньской шерстяной ярмарки в Чепстоу. Один раз им выпал свободный день по случаю венчания преподавательницы рукоделия мисс Мэгги Эванс, которая вышла замуж 12 мая 1885 г. В то утро дорожка к церкви была устлана цветами, специально собранными учениками.

Черч-Коттедж вызывал некоторое недовольство Джоанны и Ди своим, может быть, слишком близким соседством со школой, зато у отца девочек он пробуждал пламенный энтузиазм. Алан Холл, их прежний сосед по Николлс Лэйн, вспоминает, как пришел к Ролингам на новоселье, и Пит, показывая ему новые владения, с воодушевлением делился своими планами: «Он с радостным рвением выискивал, что нужно перестроить и изменить, был весь в предвкушении предстоящей работы». До переезда в Татшилл Ролинги жили в современных домах, которые

не нуждались в ремонте. Черч- Коттедж дал Питу возможность осуществить свой давний замысел — иметь дом, сочетающий старинный облик с новыми идеями. Один из его друзей вспоминает, что именно у Ролингов в первый раз увидел газовую плиту — печь с «неживым» (не каминным) огнем. Другой знакомый был поражен еще больше, когда Пит закатал ковер в гостиной и показал люк в каменном полу, за которым был скрыт старинный колодец.

★

От Черч-Коттеджа до школы было всего двадцать ярдов. В первый осенний день 1974 г. Джоанна Ролинг вошла в распахнутые школьные ворота. Если бы она обернулась, то за голубой оградой увидела бы зеленеющие поля, протянувшиеся до самого Северна, бескрайнее небо — свободу. Во дворе собрались чистенькие, умытые и причесанные девочки и мальчики в новеньких школьных формах. Джоанна в голубой кембриджской блузе и синих оксфордских кардигане с юбкой чувствовала себя скованно и очень волновалась, переступая порог унылой классной комнаты м-с Сильвии Морган. Позже она вспоминала, что все там было «вполне по-диккенсовски»: деревянные парты старого типа, чернильницы.

Миссис Морган приводила в трепет всех детей Татшилла. Преподаватель старой закалки, она требовала строгого соблюдения дисциплины. Дэю Рису приходилось успокаивать родителей школьников, переходивших в класс м-с Морган: «Ученики ее очень боялись, в некоторых случаях — до умопомрачения. Встревоженные родители жаловались мне: дети до того не хотят учиться у нее, что дело доходит даже до слез и скандалов. Я им говорил: «Ничего, это только пока, подождите, что будет дальше. Пройдет какое-то время, они привыкнут и увидят, какой она хороший педагог» . И несмотря на страх и неприязнь, ученики в конце концов понимали, что ее требовательность направлена в их пользу. Она устанавливала высокие планки и никогда не опускала их, что было большим плюсом». Но эти лестные отзывы директора о м-с Морган — старомодной, набожной, властной даме родом из Уэльса — служили слабым утешением маленькой, хрупкой, немного застенчивой Джоанне Ролинг.

По воспоминаниям одного из школьных друзей писательницы, м-с Морган была «низкорослой, полной женщиной, с обвисшей до талии грудью, огрубевшим, неизменно хмурым лицом. Когда она была чем-нибудь недовольна, а это случалось довольно часто, то бормотала себе под нос: «Стадо баранов». Я не помню, чтобы кто-нибудь из учеников любил ее. Все ее очень

боялись».

Первым делом м-с Морган делила класс, обычно из 35—40 человек, на сильных и слабых учеников. Отбор она производила с помощью арифметического теста, который называла «ежедневной десяткой». В то утро м-с Морган проверяла навыки устного счета и знание дробей, в чем Джоанна еще плохо разбиралась. Зато ей пригодились воспоминания об этом нелегком испытании, когда писалась глава «Распределяющая шляпа» из первой книги о Гарри Поттере. Гарри до смерти боялся предстоявшей по прибытии в Хогвартс процедуры отбора: он совсем ничего не понимал в магии и даже не представлял себе, на какие вопросы сможет ответить. К счастью, все оказалось не так страшно.

В первом тесте Джоанна получила средний балл и подумала, что это в принципе не так уж плохо; ей было отведено место на последней парте в правом ряду. В то время она еще не знала, что у м-с Морган это был ряд тупиц. Джоанна не плакала в классе. Не плакала она, и когда сама в свое время стала учительницей. В ее жизни через двадцать лет еще будет отчаяние, гораздо большее, чем придирки этой строгой классной дамы, настолько безысходное, что слезы сами хлынут из глаз.

Теперь же девочка задалась целью изменить мнение м-с Морган о своих способностях. Помимо «ежедневной десятки», каждую неделю устраивались контрольные, которые давали возможность блеснуть не только в математике. «М-с Морган была сильна в английском языке, — вспоминает Дэй Рис, — и еще в рукоделии и ремеслах. В школе она вела все «девчачьи» предметы». Философия преподавания м-с Морган базировалась на трех «китах»: чтении, чистописании и арифметике, хотя сторонний наблюдатель решил бы, что ее методике более пристал бы принцип «Повторение — мать учения». Даже лояльный м-р Рис признает, что «запугивая детей, можно заставить их выучить таблицу умножения, но от этого они становятся словно попугаи, и возникает иная проблема: практическое применение полученных знаний».

К концу учебного года Джоанна переместилась в левую часть класса, к сильным ученикам. «Способности у нее были явно выше среднего», — говорит м-р Рис. Постепенно это поняла и м-с Морган. «Меня пересадили на вторую парту в левом ряду, — позже вспоминала Джоанна. — Но это досталось мне дорогой ценой. М-с Морган велела мне поменяться местами с моей лучшей в то время подругой. Так что, сделав всего несколько шагов по классу, я, может быть, и стала умнее, но хорошее отношение к себе потеряла».

Хотя м-с Морган в глазах Джоанны не обладала ни единым

достоинством, она тоже сыграла свою роль, когда создавался преподавательский состав Школы чародейства и волшебства «Хогвартс»: «Образ Снейпа сформировался под влиянием нескольких человек, и одним из них определенно была эта дама. В ней всегда было что-то отталкивающее». Сомнительной чести стать образцом для хогвартского преподавателя зельеварения удостоился впоследствии и учитель химии из школы, где Джоанна училась в старших классах. Некоторые черты м-с Морган угадываются и в характере заместителя директора, профессора МакГонагалл, которая в повести «Гарри Поттер и философский камень» говорит своим ученикам: «Любое нарушение дисциплины на моих уроках — и нарушитель выйдет из класса и больше сюда не вернется. Я вас предупредила».

Радость по окончании учебного года в классе м-с Морган была еще больше оттого, что в следующем году одноклассникам Джоанны предстояло учиться под началом ее мужа Джона, с 1952 г. исполнявшего обязанности заместителя директора. Джон Морган был высокий, худой, уже стареющий мужчина, добродушный и приятный в обращении. Один из школьников вспоминает, что м-ра Моргана, одетого неизменно в светло-серый костюм, многие считали «весьма душевным человеком и редко кто боялся».

Набожный, как и его жена, Джон многие годы состоял церковным старостой Татшилла. Такой же строгий и старомодный во взглядах на преподавание, он, однако, пользовался куда большей любовью, чем его супруга. «М-р Морган не занимался муштрой, — рассказывает Дэй Рис. — Он тоже принадлежал к старой школе, но был не такой резкий, как жена. Дети любили его». Другая учительница из Татшилла, м-с Никки Форд, вспоминает, что «м-с Морган всех запугивала, но Джон Морган был чудесный человек. После ланча дети выстраивались во дворе в два ряда, чтобы он, возвращаясь, проходил между ними, словно сквозь почетный караул».

Сильвия Морган умерла в 1989 г. (муж последовал за ней в 1998 г.). Больше некому было отстаивать прежние педагогические принципы. Возможно, кое-кто, ностальгируя по прошлому, и считает ее старомодные методики большой потерей. Однако не стоит забывать, что они больше годились для поднятия общего уровня успеваемости в классе, чем для развития талантов отдельных одаренных учеников. Вне школы Морганы пользовались уважением. «Они всегда могли составить приятную компанию — гостеприимные, с радостью участвовавшие в любой затее, — вспоминает их подруга Сильвия Льюис, руководившая скаутским отрядом. — Наши дочери дружили с дочерью

Морганов, и мы часто собирались вместе, устраивали фейерверки. Но Сильвия была прежде всего классной дамой, и это всегда накладывало свой отпечаток ».

Наверное, м-с Морган вряд ли узнала бы свою школу в 2001 г. Старый унылый класс был отремонтирован родителями учеников, и теперь, по словам нынешнего директора Линды Хэй, «в нем стало приятно находиться». Сегодня это одна из лучших начальных школ Глостершира. Ее команда в 2000 г. выиграла в викторине по естествознанию, организованной глостерширским обществом «Уайлдлайф Траст», первый приз — «Сову», что примечательно в свете той роли,

какую играют совы, символ мудрости, в книгах о Гарри Поттере. Второе же место по любопытному стечению обстоятельств заняла школа англиканской церкви из Дарсли.

Старшие ученики все так же читают младшим детям, только теперь наибольшей популярностью пользуются книги о Гарри Поттере. Школа принимает активное участие в общественной жизни: ученики собирали деньги для «Комик релиф» и Фонда нуждающихся детей, перечислили больше тысячи фунтов для отделения новорожденных одной из больниц в Литве и посылали гуманитарную помощь детям Уганды. Жаль, что годы учебы Джоанны омрачились пребыванием под строгим надзором м-с Морган и школа Татшилла оставила у нее куда менее радужные воспоминания, чем первая школа в Уинтерборне, которую она так любила.

Когда школа Татшилла в 1998 г. отмечала свой 150-летний юбилей, администрация просила Джоанну Ролинг помочь в организации праздника и по этому случаю провести в школе презентацию третьей книги, «Гарри Поттер и узник Азкабана». Ведь она не только была ученицей школы, рассуждала дирекция, но и прожила много лет в Черч-Коттедже. Писательница не откликнулась на эту просьбу, и Татшилл даже не удостоился упоминания в посвященной Ролинг статье справочника «Who's Who». Судя по всему, Джоанна не из тех, кто предается сентиментальным воспоминаниям.

Фактически, единственный раз в контексте творчества Джоанны Ролинг школа Татшилла «засветилась» в небольшой книжке — К. Уисп «Квиддич сквозь века» (о ней еще будет сказано дальше). В ней татшиллская «Торнадо» фигурирует в списке команд Великобритании и Ирландии по квиддичу. Как напоминание о том, что в этой школе училась знаменитая писательница, члены команды одеты в «небесно-голубую форму с двумя темно-синими буквами «Т» на груди и спине».

★

В детстве Джоанна тяжело пережила потерю любимых морских свинок, которых загрызла лиса. Но что такое смерть близкого человека, впервые по-настоящему узнала, когда ей исполнилось девять лет: в больнице Пула, Дорсет, скончалась от инфаркта бабушка Кэтлин, мать ее отца. Ей было всего пятьдесят два, и эта смерть потрясла Джоанну до глубины души: «Я обожала бабушку, ее кончина — самое печальное событие тех лет». Она почтила память бабушки, приняв второе имя, Кэтлин, которое представлено в знаменитом «Дж. К. Ролинг».

Джоанна и Ди любили гостить в Уэстмуре, недалеко от Уимборна. (Среди команд Великобритании и Ирландии по квиддичу упоминается в том числе и «Уимборн Уоспс».) На улице Стэйшн-роад у Кэтлин и ее мужа Эрни был бакалейный магазинчик «Гленвуд Сторз». Бабушка и дедушка жили в уютной квартире над магазином. Больше всего девочкам нравилось играть в продавцов. Если в магазине не было покупателей, им разрешали «торговать» настоящей едой: консервированной фасолью, супом и сардинами, хрустящим картофелем, всевозможными сладостями. Они играли часами: Джоанна-продавец тщательно взвешивала продукты, а Ди была придирчивым покупателем. Взрослые наверху тем временем могли наслаждаться тишиной и покоем. Свой плюс был и в том, что девочки не сидели весь день, уткнувшись в телевизор, хотя Джоанна, по собственному признанию, питала слабость к мультфильмам.

Школы чародейства и волшебства «Хогвартс» не коснулись современные реалии. Общая гостиная Гриффиндора не содрогалась от саундтрека к сериалу «Соседи» или шума на скандальных телешоу Джерри Спрингера. Когда Гермиона Грэйнджер, Рон Уизли и Гарри Поттер искали в школьной библиотеке информацию о Николасе Флэмеле, в их распоряжении не было обширной компьютерной базы. Один за другим они снимали с полок покрытые пылью тома книг. Влияние семейного воспитания Джоанны проявлялось в трех основных аспектах: чтение, общение и совместные обеды. И все это нашло отражение в Хогвартсе. Даже воспитывавшегося в реальном мире «маглов» Гарри Поттера не интересуют ни футбол, ни последние музыкальные сенсации.

С материнской стороны у Джоанны были дедушка Стэнли и бабушка Фрида Волант. Они жили в одном и том же доме на Тафнелл-парк более тридцати лет, до смерти Стэнли в 1977 г. Джоанна называла атмосферу, царившую в их доме, «хаосом», а их брак — «неудачным». Она не испытывала особой привязанности к бабушке Фриде, которая детям предпочитала

свору визгливых собачонок и отчасти стала прототипом невыносимой тети Мардж, которая однажды нагрянула в дом Дарсли в книге «Гарри Поттер и узник Азкабана». Тетя Мардж любила поучить других житейской мудрости: «Одно из первых правил воспитания. Наглядный пример — собаки. У плохой суки не бывает хорошего щенка». Джоанна никогда не упоминала о неприязненных отношениях бабушки Фриды с ее родителями. Тем не менее чувствуется, что эпизод, где Гарри надувает тетю Мардж, словно воздушный шар, доставил ей огромное удовольствие.

Однако обоих дедушек Джоанна любила. В «Беседах: Интервью с Дж. К. Ролинг» Джоанна поведала Линдси Фрэзер, что «оба они были уникальными личностями». Стэнли, инженер по профессии, в последние годы, просто чтобы не сидеть без дела, работал почтальоном при больнице. «Он был большой фантазер и много времени проводил в сарае в саду, постоянно что-то мастерил», — вспоминает Джоанна. Дань уважения дедушкам она отдала в «Узнике Азкабана», изобразив их как Стэна и Эрни — водителей автобуса «Ночной рыцарь», который спасает Гарри Поттера.

Конечно, в жизни девочек в Татшилле было больше светлых моментов. Они любили свой скаутский отряд, хотя Ди готовилась к вечерним встречам (отряд собирался по вторникам) с большим энтузиазмом, чем ее сестра. Вспоминает «Коричневая Сова»[8] Сильвия Льюис: «Ди всегда переполняла радость. Она врывалась к нам, хохотала и не могла дождаться, когда все начнется. Джоанна же была серьезнее — наклонит голову под беретом, подбородок опущен, смотрит прямо, совсем как взрослая. Они были совершенно разные, эти девочки». Директор Татшилла Дэй Рис тоже помнит живую, черноволосую Ди: по сравнению с сестрой «она была более резвой».

Джоанну м-с Льюис записала в свой Второй отряд скаутов прихода Тайденхэм (Св. Марии) в сентябре 1975 г. На вступительном «экзамене» было четыре задания:

Основное: Клятва скаута («Клянусь не жалеть сил, честно исполнять свой долг перед Богом и королевой; каждый день помогать людям, особенно своим родным».); Устав («Скаут подчиняется старшему товарищу, не допускает самовольства».); Девиз («Протяни руку помощи»);

Приветствие; Улыбка; Хороший поступок;

Кольцо скаута; Магическое кольцо.

Завязать и развязать галстук.

Заплести косу.

Вымыть посуду после чаепития.

Самым трудным и самым важным заданием было завязать и развязать галстук. «Девочки должны были уметь быстро снять галстук, чтобы с его помощью в случае, если вдруг кто-то сломает руку, сделать перевязку, — объясняет м-с Льюис. — В отряд никого не записывали до тех пор, пока он не научится правильно завязывать галстук. Семилетним девочкам было непросто освоить эту науку». К десяти годам Джоанна в этом деле достигла совершенства. За то время, пока она состояла в скаутах, девочка получила три знака отличия: за сигналы, семафор и оказание первой помощи. Мама однажды даже дала ей тридцать пять пенсов на покупку у м-с Льюис книжки о первой помощи.

Для сестер Ролинг скаутский отряд был хорошим развлечением — невинным и достойным, прививающим чувство товарищества и ответственности перед обществом. Раз в неделю двадцать четыре девочки из деревни собирались на два часа в церкви и занимались своими делами. Вместе со всеми Джоанна копила пенни в трубочке из-под «Смартиз»[9]. Четверть века спустя она была удостоена Золотой премии «Трипл Смартиз» за вклад в детскую художественную литературу. Этот престижный приз ей вручили в 1999 г. Скауты занимались организацией различных мероприятий вроде Рождественских вечеров или спектаклей для деревенских пенсионеров. В тот год, когда Джоанну приняли в скауты, ее отряд был награжден специальным призом Круглого стола Динского Леса за помощь пожилым прихожанам. Пенсионеры в знак благодарности устроили вечеринку для скаутов в местной школе. В жизни скаутов были и другие развлечения: празднование Хэллоуина, барбекю и, конечно, летние пикники у церкви Лэнкорт Черч.

Магическая тема всегда окружала маленьких добровольных помощниц. Отряд Джоанны подразделялся на звенья: «Волшебницы», «Феи», «Эльфы», «Гномы», «Чертята» — наверное, именно это вспоминала Джоанна, когда писала о домовых-эльфах Добби и Уинки и вредителях- гномах в саду Уизли.

Энн Ролинг, одна из самых молодых мам в деревне, с готовностью помогала скаутам и в организации других детских мероприятий. Сильвия Льюис вспоминает, как в Черч-Коттедж часто устраивали благотворительный «утренний кофе». Ролинги также разрешали школе подключаться к своей электросети во время ежегодных праздников и спортивных мероприятий, хотя ни в одном из них Джоанна не могла проявить себя: она не была спортивным ребенком. Другое дело — народные танцы, которые в обязательном порядке преподавали в школе Татшилла. Каждое лето Джоанна была «звездой» представлений, которые ученики школы давали для жителей деревни.

Окунувшись с головой в новую жизнь, Джоанна не забыла о своем увлечении. После первой пробы пера («Кролик») она написала коротенький рассказ под названием «Семь проклятых алмазов», хотя в то время она думала, что сочинила повесть. Эту сказку отчасти можно считать подражанием Эдит Несбит, автору «Детей железной дороги» и «Истории о кладоискателях» . С этой детской писательницей уже взрослая Джоанна сравнивала себя чаще других: «Она говорила, что ей посчастливилось сохранить в памяти все свои детские мысли и ощущения. Я тоже помню себя в каждом возрасте, с одиннадцати до двадцати лет, и, на мой взгляд, «Кладоискатели» — это поучительный пример для тех, кто берется писать детские книги, забыв, что такое быть ребенком».

Черч-Коттедж, как и прежний дом Ролингов в Уинтерборне, был полон книг, и не только потому, что сестра Энн Ролинг служила корректором в «Миллз энд Бун» и регулярно раз в пару месяцев присылала большие коробки любовных романов. Джоанна вспоминала в передаче «С большим удовольствием» (на Би-би-си-Радио-4): «Еще в довольно юном возрасте я познакомилась с «героическими поступками» мужчин с квадратными челюстями, широкими плечами и в перманентом состоянии едва сдерживаемой эрекции. Затем я снова вернулась к детским книгам — к «Что делала Кэти», к Эниде Блитон и к привычному К. С. Льюису».

«Привычный К. С. Льюис» — это классические «Хроники Нарнии», оказавшие заметное влияние на Дж. К. Ролинг. Это особенно очевидно в сравнении «Гарри Поттера и философского камня» со «Львом, колдуньей и платяным шкафом». В обеих повестях есть портал, через который герои попадают в фантастический мир. В случае с Гарри — это платформа «Номер Девять и Три четверти» на вокзале «Кингс-Кросс». Героиня Льюиса по имени Люси попадает в страну Нарнию через платяной шкаф, где ее встречает фавн, мистер Тамнус: «Это страна Нарния, — сказал фавн, — где мы сейчас находимся; все, что лежит между фонарным столбом и великим замком Каира Паравэла на восточном море. А ты? Ты — из Диких лесов Запада? »

«Я... я из платяного шкафа в комнате для гостей», — отвечала Люси».

Персонажи Льюиса — сказочные существа, включая фавнов и так называемое пугало, а также различные говорящие животные, в том числе лев Аслан. У м-ра Тамнуса есть в спальне целая библиотека, похожая на библиотеку Хогвартса: «Жизнь и переписка Силенуса», «Нимфы и их пути», «Люди, монахи и егеря», «Трактат по популярной мифологии», «Человек: миф или реальность? » Брат Люси Эдмунд получает колдовской напиток из

рук злой Белой колдуньи: «Он еще никогда не пил ничего подобного: это было что-то очень вкусное, густое и пенное, согревшее его до кончиков пальцев». Гарри испытывает подобные же ощущения после первой кружки горячего напитка в «Трех метлах»: «Никогда он не пробовал ничего вкуснее, эта жидкость согрела изнутри каждую частичку его тела».

★

Искренняя и прямая Джоанна всегда открыто признавала влияние других писателей на свое творчество и самокритично оценивала себя в подростковом возрасте. В радиопередаче «С большим удовольствием» она рассказала: «Я была воплощением «книжного» ребенка: маленькая, сутулая, в очках с толстыми линзами, живущая в мире собственных грез, без конца что-то сочиняющая и время от времени возвращающаяся к реальности, чтобы помучить бедняжку-сестру, которую я заставляла выслушивать мои сочинения и играть в придуманные мною игры». Услышав такую откровенную и нелестную характеристику, можно было предположить, что как раз сама писательница и стала ролевой моделью главной героини в книгах о Гарри Поттере — Гермионы Грэйнджер, дочери «маглов»-дантистов. Джоанна этого и не отрицает: «Образ Гермионы сложился очень легко, потому что она — это я одиннадцатилетняя. Она — пародия на меня. Как и Гермиона, я была просто помешана на учебе, но за этим скрывалась неуверенность в себе. Мне кажется, это ощущение знакомо всем «сереньким мышкам».

Подобно Джоанне, Гермиона бьет все рекорды по чтению. Во время первой встречи с Гарри Поттером она говорит ему: «Я купила несколько книг, которых не было в списке, просто для дополнительного чтения, и твое имя упоминается в «Современной истории магии», и в «Развитии и упадке Темных Искусств», и в «Величайших событиях волшебного мира в двадцатом веке». В «Таинственной комнате» Рон Уизли замечает: «Мне кажется, она собирается к Рождеству перечитать всю библиотеку».

«Я всегда стремилась проявить себя, всегда первой тянула руку и всегда обязана была оказаться правой», — признается Джоанна. Эта черта в Гермионе доведена до комизма, что особенно заметно на уроках ужасного Снейпа, специалиста по зельеварению, который постоянно игнорирует попытки Гермионы привлечь его внимание, когда она знает ответ на заданный вопрос.

Гермиона до смерти боится допустить ошибку, но, в отличие от Джоанны, с ней этого не происходит. В то время как Джоанна получила всего лишь средний балл в первой «ежедневной десятке» м-с Морган, Гермиона хвастается Гарри и Рону, что

профессор Флитвик, преподаватель заклинаний, поставил ей целых 112 баллов. Она — лучшая ученица факультета. Примечательно, что если Гермиона, по крайней мере вначале, больше напоминает карикатурный собирательный образ зубрилы-всезнайки, то именно Гарри Поттер отражает неуверенность одиннадцатилетней девочки, Джоанны. Это его по прибытии в Хогвартс терзают страхи по поводу предстоящего отбора. Это он страдает на уроках Снейпа, как Джоанна — в классе учителя химии Джона Неттлшип в новой, Уайденской общеобразовательной школе. Это Гарри так тоскует по своей маме — совсем как Джоанна после смерти Энн.

Более глубокая, эмоциональная сторона характера Гермионы проявляется в конце «Философского камня», когда девочка желает Гарри удачи в предстоящем испытании: «Что я — ум и книги, вот и все! Но, оказывается, есть куда более важные вещи — например дружба и храбрость. И, Гарри... будь осторожен!»

Таковы были нравственные ценности поколения Энн Ролинг, внушенные ею своим дочерям. Когда Джоанне было девять, Энн дала ей книгу, которая заслужила искреннюю похвалу писательницы: «Это всем книгам книга, она оказала прямое влияние на «Гарри Поттера». Речь идет о повести «Белый Жеребенок» Элизабет Гудж, после выхода которой в 1946 г. она была награждена медалью Карнеги за вклад в детскую литературу. Телепостановка Би-би-си носила название «Мунакр», для привлечения интереса мальчишек, которые, наверное, не стали бы смотреть спектакль с «девчачьим[10] названием* . На обложке издания 2000 г. — цитата Дж. К. Ролинг: «Я просто обожала «Белого Жеребенка». Какой замечательный сюжет... Местами страшно, местами — романтично, и такая волевая героиня».

У героини с чисто «поттеровским» именем, Марии Меррривэзер, может быть, и впрямь волевой характер, но по большей части этот вывод Джоанны Ролинг проистекал из того, что девочка была неказистой и рыжеволосой: «Ей было тринадцать лет, все считали ее некрасивой: странные, серебристо-серые выпуклые глаза, прямые рыжие волосы и худое бледное лицо с ненавистными веснушками».

Человек, собирающийся написать детскую повесть, вряд ли нашел бы лучший образец для подражания, чем «Белый Жеребенок». Некоторые существенные моменты непроизвольно отложились в сознании маленькой Джоанны Ролинг, чтобы впоследствии, через пятнадцать лет, когда рождался Гарри Поттер, сыграть свою благодатную роль. У персонажей звучные и необычные имена. Помимо Марии Меррривэзер, в «Белом

Жеребенке» есть гувернантка мисс Гелиотроп, мсье Кок де Нуар и карлик Мармадук Скарлет, который, как и эльф-домовик Добби в саге о Поттере, прислуживает на кухне: готовит, моет, убирает.

Мария — сирота, которая, подобно Гарри, оказывается в незнакомом мире. Она едет из Лондона с мисс Гелиотроп и Уиггинсом в замок своей кузины, стоящий в красивой и загадочной долине Мунакр. Путь к замку лежит через подземный ход. «Персонаж» Уиггинс — маленькая шалость Элизабет Гудж, юмор которой по достоинству оценила Джоанна Ролинг. Уиггинс «жадный, самонадеянный, эгоистичный, вздорный и ленивый». Так почему же Мария отправляется с ним в путь? Ответ мы находим буквально на следующей странице: Уиггинс — это породистый спаниель.

В «Белом Жеребенке» важную роль играют животные, хотя они, как и в «Гарри Поттере», часто производят обманчивое впечатление. Рольф, огромный рыжий пес, оказывается львом. Он защищает Марию. Кот Захария очень умен и своим хвостом выводит на золе, покрывающей очаг, иероглифические письмена. Заяц Серена тоже наделен мудростью. В книгах о Гарри Поттере есть умный кот Гермионы Косолап, который распознает в питомце Рона — крысе Коросте (Скабберс) подлого зверомага Петтигрю.

А вот и сам Белый Жеребенок — летит стрелой по сосновому бору: «Он повернул свою красивую голову и посмотрел на нее [Марию], и она даже нисколько не удивилась, увидев во лбу у него маленький серебряный рог. Белый скакун оказался единорогом». Гарри тоже видел это мифическое существо в Запретном лесу: «От земли исходило белое сияние. Они подошли ближе. Перед ними лежал единорог, он был мертв. Гарри никогда не видел такой прекрасной и такой печальной картины». Единорог упоминается и в изданной «Комик Релиф» книге Ньюта Скамандера «Фантастические животные и места их обитания», из которой мы узнаем, что «он очень быстрый, поэтому его очень трудно поймать».

Но самые поразительные параллели повести Гудж с «Гарри Поттером» угадываются в описании еды: «Там был внушительных размеров сливовый торт, а еще шафрановый торт, вишневый пирог, восхитительное мороженое, эклеры, имбирное печенье, меренги, взбитые сливки, миндальные пальчики, карамельные пирожные, шоколадные пирожные, пряники, рожки с кремом, девонширские сладости, корнуоллские пирожки, бутерброды с джемом, сэндвичи с лимоном и творогом, сэндвичи с латуком, хрустящие хлебцы с корицей и медовые тосты — еды человек на двадцать, а то и больше». Нет, это не пир в Хогвартсе, это строки из последней главы «Белого Жеребенка». Джоанна Ролинг с

гордостью признает, что в своей повести отдала дань памяти любимой книге детства.

Элизабет Гудж родилась в 1900 г. и принадлежала к более благородному кругу, чем семья Ролингов, но склонность к литературному творчеству и скромность оценки своих достижений роднят ее с писательницей, на чье творчество она оказала столь заметное влияние. Гудж была наполовину француженка; родители ее матери, как они утверждали, вели свой род от виночерпия самого Вильгельма Завоевателя. В жилах матери Джоанны Энн, в девичестве Волант, тоже текла галльская кровь.

Отец Элизабет был главой теологического колледжа при кафедральном соборе в Вэллсе, Сомерсет. Семья жила в старинном доме «с резными ангелами по углам комнат, с темными нишами и коридорами, где хорошо играть в прятки». Мать Элизабет, инвалид, по словам дочери, была «самой чудесной рассказчицей в мире». В детстве Элизабет много моментов, сближающих ее с Джоанной. Самый явный из них — влияние матери. Кроме того, если детство Элизабет Гудж пришлось на более романтический период — она росла в Англии эпохи короля Эдуарда, то маленькая Джоанна жила рядом с Динским лесом, в окрестностях которого время тоже словно бы остановилось.

Элизабет не училась в начальной школе, зато ее гувернантка мисс Лэвингтон отличалась весьма крутым нравом и так же, как и м-с Морган с ее «ежедневной десяткой», «вдалбливала» науку в голову своей маленькой воспитанницы, пока та не «выучила наизусть даты правления английских монархов со времен Вильгельма Завоевателя и всю таблицу умножения».

Единственный ребенок в семье, Элизабет днем **играла** в компании друзей у кого-нибудь из них в саду. Семья обычно отдыхала на острове Гернси, где были «глубокие ручьи, сбегающие в скалистые бухты с островками морских водорослей — настоящий рай для ребенка». После того, как отец Элизабет стал каноником кафедрального собора в Или, Кембриджшир, родители переехали в настоящий «дом с привидениями». Этот дом во времена, когда в Или еще существовал монастырь, был частью монастырского лазарета. «Почти у каждого дома в окрестностях собора была своя легенда, — вспоминает Элизабет. — Я так часто видела прогуливающийся по дому призрак серого монаха, что перестала его бояться».

Все эти детские впечатления в той или иной форме нашли свое выражение в творчестве Гудж. Она была чрезвычайно застенчива, особенно в том, что касалось школьных сочинений по

английскому языку. В школе-интернате ее работы зачитывали в классе, а сама Элизабет, по ее воспоминаниям, «сидела с пылающими ушами, скромно потупив взгляд, но в душе раздуваясь от гордости». В начале творческой карьеры Элизабет постигла та же участь, что и Джоанну Ролинг: первые ее произведения были отвергнуты миром литераторов. Она преподавала рукоделие, а свободное время посвящала своему увлечению. «Утром я вставала рано, писала до завтрака, допоздна вечером, в редкие часы досуга». Первую свою повесть Элизабет сожгла, решив, что она ужасна, а ее вторую книгу, «Волшебный остров», о Гернси, отвергли два издательства, пока в итоге не приняли в «Джеральд Дакворт и К». Очень похоже складывалась и творческая биография Джоанны Ролинг. По невероятному совпадению обе добились литературного признания в возрасте тридцати двух лет.

На этом этапе Гудж обратилась к взрослым романам, лучшим из которых стал «Край Зеленого дельфина», основанный на реальной истории жизни человека с Нормандских островов, эмигрировавшего в Новый Свет. Разбогатев, он написал отцу девушки, которую любил, и попросил ее руки, но по нелепой случайности перепутал имена двух сестер и впоследствии, так и ясенившись на другой, ни разу не обмолвился супруге о роковой ошибке. Самые известные из детских книг Элизабет, «Белый Жеребенок» и «Долина Песни», появились после Второй мировой войны, и, по скромному признанию самой писательницы, их она «стыдится меньше всего».

Биографические параллели в жизни этих двух женщин достаточно любопытны, хотя и не так важны, как очевидное влияние, оказанное Элизабет Гудж на творчество Дж. К. Ролинг. Обе писательницы обладают, согласно Национальному биографическому справочнику, «плодотворным воображением прирожденного сочинителя».

Разумеется, они не зеркальное отражение друг друга. Элизабет Гудж, убежденная христианка, вела скорее аристократический образ жизни, ее не коснулись нищета, отчаяние и одиночество. Основываясь на собственном жизненном опыте, она писала о том, что хорошо знала. Ее перу принадлежат шестнадцать романов и шесть книг для детей, и благодаря Джоанне Ролинг они имеют шанс вновь обрести былую популярность.

Девиз Мерривэзер из «Белого Жеребенка» — «Да правят королевством сильный дух, чистая душа, веселое и любящее сердце» — звучит словно гимн отваге Гарри Поттера и вере Гермионы Грэйнджер в дружбу и храбрость.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В тихом омуте...

«Молодым людям абсолютно нечем заняться»

Старшеклассниц из общеобразовательной школы «Уайден» можно было условно отнести к пяти категориям: зубрилки, вертихвостки, хулиганки, ябедницы и, наконец, обычные дети, из которых получаются рядовые добропорядочные граждане. Джоанну, или Джо, как теперь она предпочитала именоваться среди друзей, одноклассницы однозначно определили в разряд зубрил-интеллектуалок. Потребовался не один год, чтобы изжить имидж этакой Гермионы Грэйнджер, но к пятнадцати годам Джоанна начала превращаться из «школьной отшельницы» в более общительную девочку, настолько заслужившую признание одноклассниц, что в последнем классе была избрана старостой. На оказанную ей честь она отреагировала своеобразно: «Все лучше, чем в тюрьму». Такая оценка очень многое говорит о ее отношении к этой школе. Сама Джоанна утверждает, что «в общем-то, любила среднюю школу», но одна из ее подруг рассказывает совсем иное: «В Уайдене было ужасно. Вы **даже** представить себе не можете, как мы с Джо **мечтали** побыстрее закончить последний класс».

В подростковом возрасте Джоанна стала более открытой и раскрепощенной. Почти все ее сверстники после Татшилла продолжали учебу в Уайдене. В 1976 г. это была современная общеобразовательная школа, только что переведенная в новое здание в соседней деревне Седбери, в двух милях от дома Ролингов. Сегодня вдоль дороги от Черч-Коттеджа до школы стоит столько домов, что трудно понять, где кончается одна деревня и начинается другая. Отличить Седбери можно разве что по разросшемуся школьному городку да находящимся по другую сторону улицы Бичли-роад армейским казармам. В Уайден принимали без вступительного экзамена всех, кто жил в этом районе, и, как и в других государственных школах, обучение здесь было бесплатным. «У нас учились ребята со всей округи, из самых разных слоев», — говорит Джон Неттлшип, бывший учитель химии Джоанны. Здесь были дети и из семей коренных местных жителей, составлявших различные прослойки трудящихся, и из семей переселенцев вроде Ролингов, которые хотели, чтобы их дети росли в здоровой среде.

Для Джоанны перевод в Уайден означал расставание с Морганами. Но еще предстояло знакомство с новыми учителями, с которыми, возможно, тоже будет непросто поладить. Директором школы был Кен Смит — по словам м-ра Неттлшипа, «истинный джентльмен». У одной

же из сверстниц Джоанны сохранились о нем более прозаические воспоминания: «сухарь с палкой ».

Если принять во внимание, что именно Кен Смит восстановил в своей школе телесные наказания, то не стоит даже сравнивать его с Альбусом Дамблдором, директором Хогвартса. Однако Джон Неттлшип утверждает, что мистер Смит был больше сродни Альбусу Дамблдору, чем могло показаться на первый взгляд. «Странно, что Дамблдор, один из самых могущественных волшебников в мире, не пытается использовать свой авторитет, — говорит мистер Неттлшип. — Он потворствует школьному самоуправству. Кен Смит был очень скромный человек и также полагал, что каждому учителю следует предоставить свободу действий. Благодаря этому преподаватели относились к своей работе с большим рвением и энтузиазмом, но, с другой стороны, это было чревато внутренними конфликтами — что характерно и для Хогвартса». Одна из подруг Джоанны не разделяет мнения м-ра Неттлшипа: «Я считаю, что у Смита с Дамблдором нет ничего общего».

Как староста, Джоанна больше других была знакома с деятельностью школьной администрации и директора. Возможно, какие-то личные качества мистера Смита и нашли отражение в образе Альбуса Дамблдора, но по сути директор Хогвартса объединяет черты нескольких реальных лиц. Если Дамблдору присуща спокойная рассудительность Кена Смита, то это никак не означает, что последний был единственным прото**типом** этого персонажа. Дамблдор, скорее, больше похож на отца Джоанны Пита, который, по **словам** все того же м-ра Неттлшипа, «был очень **мудрый** человек».

Куда очевиднее сходство самого Неттлшипа со Снейпом, хогвартским специалистом по волшебному зельеварению. Неттлшип вдумчив, немногословен, прозорлив и обладает способностью видеть корень проблемы, что, должно быть, и вызывало неприязнь его менее уверенных в себе учеников. «Язва», как прозвали его в школе, доволен и даже горд тем, что явился ролевой моделью самой неприятной личности среди преподавателей Гарри. Химия была не тем предметом, в котором могла блеснуть Джоанна Ролинг, девочка гуманитарного склада. Периодическая таблица изгладится из ее памяти быстрее, чем зарубцуется раненое на уроках Неттлшипа самолюбие «Я имел обыкновение задавать вопросы ученикам по очереди, — объясняет он, — а Джоанну вызывал чаще других, потому что считал ее одной из самых способных в классе».

Гарри часто становится жертвой придирчивого профессора Снейпа; он смущенно ерзает на стуле, не зная, что ответить на

немыслимые вопросы учителя: «Поттер! — неожиданно произнес Снейп. — Что получится, если я смешаю измельченный корень асфодели с настойкой полыни?» Гарри — это отчасти отражение внутреннего мира Ролинг, поэтому легко представить себе, что чувствовала Джоанна каждый раз, входя в класс, где ее ожидали целых два урока химии. «Мне кажется, •— говорит м-р Неттлшип, — что неуверенность Гарри — это ощущения самой Джоанны в отношении некоторых аспектов обучения».

Неттлшип признает, что, может быть, именно ему Снейп обязан своим мрачным чувством юмора: «Я считаю, что персонажи Ролинг — это сложная смесь, но я нахожу в Снейпе кое-что и от себя. Сначала я тешил себя мыслью о своем сходстве с Альбусом Дамблдором, но потом меня стали осаждать репортеры с одним и тем же вопросом: «Вы ведь Снейп, не так ли?» И моя жена Ширли сказала: «Мне не хотелось, чтобы ты об этом знал, и поэтому я молчала». Думаю, многие ученики считали меня очень строгим, особенно классы 1970-х гг. Но, как говорится, пожалеешь розгу — испортишь ребенка».

«Для меня главное, что Снейп — это человек, который доставляет неприятности не столько окружающим, сколько себе самому, и мне кажется, что к концу седьмой книги «Гарри Поттера» многое разъяснится, а я, возможно, к тому времени научусь проще смотреть на вещи. Может быть, я тоже сумею проявить себя с хорошей стороны».

Джон Неттлшип сыграл особую роль в судьбе семьи Ролингов. Энн решила вскоре после перевода Ди в Уайден, где к тому времени уже учи**лась** Джоанна, устроиться на работу в школу ла**боранткой. И** именно Неттлшип, как заведую**щий** химической лабораторией, проводил с ней собеседование. Сначала Энн не приняли.

«Инициатива исходила от меня, — признает м-р Неттлшип. — Моя жена Ширли была главной лаборанткой, и мы искали ей помощницу. Мне пришлось выбирать между Энн и еще одной женщиной, которая много лет работала на этой должности. Мне тогда казалось, что следует отдать предпочтение человеку с опытом. Ширли была со мной не согласна. Но с той женщиной нам не повезло. Вскоре ей надоела эта работа, и она ушла от нас. Тогда мы предложили это место Энн. Для нас это оказалось настоящей удачей, потому что она превосходно справлялась со своими обязанностями».

Для Энн, любившей бывать в компании молодежи, эта работа была идеальным вариантом. Когда ее дочери вышли из скаутского возраста, она с энтузиазмом стала участвовать в деятельности Молодежного клуба Татшилла, собрания которого

проходили в холле старой церкви. Энн отлично играла на гитаре и стремилась передать свое умение старшей дочери, которая, как и многие ее ровесницы, мечтала стать рок-звездой.

Энн, Джоанна и Ди напоминали, скорее, сестер, чем мать и дочерей. По утрам они вместе шли в Уайден, а после уроков возвращались домой, по пути забегая в магазины купить что-нибудь к ужину. Первым в их списке значился «Дж. и П.

Роузер», бакалейный и мясной магазин, лицензированный поставщик дичи и первосортных колбас лучших сортов, производившихся в Глостершире. «Когда они заходили к нам, — вспоминает Джефф Роузер, — Джоанна всегда вела себя тихо. У них была очень дружная семья. В выходные они приходили вместе с отцом. Энн и Пит были очень хорошей парой». В те времена в Татшилле мало у кого были машины. Нагруженные покупками, Энн и девочки возвращались домой пешком, по пути пересказывая друг другу свежие школьные сплетни.

Энн, наделенная исключительным чувством юмора и способностью видеть смешную сторону вещей, однажды рассказала дочерям о случае, произошедшем в школьной биологической лаборатории с новым учителем и его питомцами-жуками. «Это было ужасно, — вспоминает Джон Неттлшип. — Однажды жуки расползлись, а учитель, их хозяин, сбежал, предоставив бедной Энн самой разбираться с ними. Эти мерзкие существа были повсюду — даже на потолке. К счастью, они не расползлись дальше лаборатории». Энн все это показалось очень забавным, и за то время, пока она в течение дня рассказывала и пересказывала подробности происшествия, двухдюймовые жуки превратились уже в шестидюймовых чудовищ. А уж по дороге домой, когда эту историю услышали девочки, они, без сомнения, достигли и вовсе гигантских размеров. Джоанна, у которой была отличная память, что очень пригодилось ей в дальнейшем, включила подобный эпизод в повесть «Гарри Поттер и кубок огня». Незадачливый Хагрид опрометчиво приносит на занятия по уходу за волшебными животными огнеплюев-мантикрабов. Детям полагалось вывести их на прогулку, но трехфутовые взрывающиеся огнеплюи, «нечто среднее между гигантскими скорпионами и вытянутыми в длину крабами», были неуправляемы, и все закончилось тем, что класс стал носиться за своими подопечными по всему пришкольному участку.

В Уайдене Джоанна всегда поражала преподавателей английского языка своим творческим подходом к заданиям. Особенно сильное впечатление она произвела на молодого американского студента Дэйла Ньюшвондера, который за год до того пересек Атлантический океан, чтобы получить практические

навыки преподавания в английской государственной школе: «По сочинениям ей не было равных в классе. Жаль, что я не сохранил ее эссе (оцененное на «А с плюсом») «Мой необитаемый остров», которое она написала на уроке литературы на тему выживания в трудных условиях. В то время мы читали такие книги, как «Повелитель мух» Уильяма Голдинга и «Прогулка» Джеймса Венса Маршалла». Спустя много лет, в гостях у передачи «Дезерт Айленд Диске», Джоанна сказала, что взяла бы с собой на необитаемый остров «Руководство по поведению в экстремальных ситуациях». «Шекспир, Библия и прочая литература — это все хорошо, не спорю, но мне- то ведь надо выжить...»

М-р Ньюшвондер вспоминает, что Джоанна, хотя и участвовала в устных дискуссиях, предпочитала выражать свои мысли в письменной ' форме: «Казалось, что она вполне уверена в своих способностях, хотя иногда была, может быть, чересчур застенчива». Не менее сильное впечатление произвела на него школьная учительница, которая сыграла важную роль в развитии литературного дарования юной Джоанны. Когда Джоанна поступила в Уайден, Люси Шеферд было чуть больше двадцати, и она горячо отстаивала право женщины на общественную самореализацию. «Она отдавала преподаванию всю свою душу, — говорит м-р Ньюшвондер, — относилась к ученикам с уважением, прививая им любовь к знаниям и закладывая фундаментальные навыки, которые в будущем помогли бы развить их собственный творческий потенциал».

«Люси отличалась принципиальностью, но дети не боялись ее, поскольку чувствовали искреннее отношение к себе. Она была совершенно лишена честолюбия и как никто умела создать серьезную учебную атмосферу благодаря отличным организаторским способностям и стремлению добиться от учеников качественной работы. Я нисколько не сомневаюсь, что Люси оставила глубокий отпечаток в жизни Джоанны Ролинг».

Джон Неттлшип также с уважением отзывается о мисс Шеферд: «У Люси были очень высокие стандарты преподавания. Мне у нее тоже было чему поучиться, хотя бы потому, что мне было трудно подбирать учебный материал. Я всегда суетился, пытался форсировать учебный процесс. В то время английские общеобразовательные школы современного типа стремились привлекать в штат творческих людей, которые искали возможности опробовать новые методы преподавания. Такой была и Люси».

Джоанна признает, что мисс Шеферд вызывала у нее большое доверие, но даже она не знала, что ее ученица питает честолюбивые мечты стать писательницей. Однако именно

благодаря ей Джоанна поняла, что нельзя ничего добиться без внимания к деталям и тщательно продуманной структуры. В «Беседах: Интервью с Дж. К. Ролинг» Джоанна сказала, что мисс Шеферд завоевала уважение к себе в первую очередь своим необыкновенным отношением к работе. Она была феминисткой. Раньше подобные женщины Джоанне не встречались. «Помнится, я что-то машинально рисовала во время урока, пока она объясняла материал, и тогда она сказала, что это очень невежливо. «Но я же слушаю», — возразила я, на что она ответила, что я все равно веду себя неуважительно. Это очень подействовало на меня».

К сожалению, Люси Шеферд, весьма своеобразный человек, ушла из школы и теперь работает в одном книжном магазине в Бристоле. Джоанна очень дорожит письмом, полученным от нее после выхода в свет «Гарри Поттера и философского камня»: мисс Шеферд понравилась книга бывшей ученицы.

★

Юная Джоанна Ролинг начала осознавать, что мир гораздо шире, чем тесный мирок Уайдена. Впервые она оказалась в незнакомой среде в тринадцатилетнем возрасте, когда вместе с классом в рамках программы культурного обмена отправилась на экскурсию в маленький городок в окрестностях Лилля. «На нас экскурсия не произвела никакого впечатления, — вспоминает бывшая одноклассница Джоанны. — Было очень скучно. Мы с Джо думали: надо же, во Франции столько красивых, интересных мест, а нас занесло именно сюда, в этот бедный, невзрачный шахтерский городишко». Зато девочек до глубины души потрясли местные туалеты: они находились на улице, и «удобства» представляли собой яму за едва закрывающимися дверями.

О Динском лесе есть известная поговорка: «Благословенный рай между Северном и Уай». Но местная молодежь придерживалась, видно, совсем другого мнения и переиначила эту фразу на свой лад — «Потерянный рай» и т. д. До Дж. К. Ролинг самым знаменитым из здешних писателей считался драматург Дэннис Поттер, автор «Поющего детектива» и «Пенни с неба».

Писатель с той самой, по мнению Джоанны, «лучше звучащей» (не то, что Ролинг) фамилией родился и вырос в Берри-Хилл близ Коулфорда, в десяти милях от Татшилла. На его творчество, наверное, в гораздо большей степени, чем на творчество Ролинг, оказала влияние среда, окружавшая его детство. Он всегда воздавал дань признательности «этому волшебному и красивому краю». В 1994 г. в последнем интервью незадолго до смерти Поттер так описывал родные места:

«уродливые деревушки на фоне красивейшего ландшафта меж двух рек, почти отрезанные от остальной Англии».

Правда, молодежь Уайдена скорее согласилась бы с мнением девочки, разговор с которой, случившийся в кофейне Синдерфорда, Поттер описывает в своих мемуарах «Меняющийся лес». Писатель спросил ее, что она думает об этих местах, о Лесе, и она ответила: «Вы имеете в виду эту дыру... Здесь нет жизни, вот что. Кругом одни дряхлые старики. Совершенно нечем заняться. Сплошная нищета и старые байки...»

Даже секретарь директора школы Паула Уайтхаус сетует на то, что «молодым людям абсолютно нечем заняться». В Чепстоу, ближайшем от Уайдена и Татшилла городе, нет даже кинотеатра. Это один из тех тихих провинциальных городков, где подростки, еще недостаточно взрослые для посещения пабов, бесцельно шатаются по округе, собираются на автостоянках у супермаркетов, покуривают и катаются на скейтбордах.

Молодые люди чувствуют себя здесь словно за решеткой. Школьная форма Уайдена, унылое сочетание желтого и коричневого, немногим отличалась от тюремной робы и являлась предметом всеобщих насмешек. Джоанна до сих пор не терпит эти цвета в своем гардеробе.

Ближайший кинотеатр находился в Коулфор- де, и именно там Джоанна вместе с подругами впервые посмотрела «Бриоллин», который тогда был признан картиной года. Все мальчики воображали себя Джоном Траволтой, а девочки — Оливией Ньютон-Джон, хотя Джоанна уже тогда начала проявлять независимость во взглядах: ей больше пришлась по душе Риццо — героиня с очень неоднозначным характером, роль которой исполняла Стоккард Ченнинг. Именно с Риццо впоследствии сравнивали Джоанну ее университетские подруги. В «Бриоллине» местом действия была средняя школа пятидесятых годов, притом где-то за тысячи миль — в Америке, и единственной ниточкой, связывающей кино с реальностью, для Джоанны стала Риццо, девушка, тщательно скрывающая свою ранимость под маской развязности.

Несмотря на всю популярность Джона Траволты, мужчиной номер один в Уайдене в том году был Лейф Гарретт, кудрявый блондин-сердцеед, фотографии которого украшали комнаты многочисленных поклонниц по всей стране. В 1979 г. в британских чартах один его хит, «I Was Made for Dancin*, занимал четвертую строчку, а другой*, «Feel the Need», дошел до тридцать восьмой позиции. Но увлечение Лейфом Гарреттом было недолгим: его вскоре потеснили другие любимцы публики. В случае Джоанны ими стали «Клэш», кумиры приверженцев

интеллектуальной панк-музыки, признанные лучшей группой этого жанра. В это время Джоанна переживала период влюбленности. Вспоминает ее школьная подруга, Андреа Эндрюс: «Она сидела и не сводила взгляда с нашего одноклассника, за которым увивалась и еще одна девочка. Для своих пятнадцати лет он был высокого роста, блондин, поэтому нравился многим». Сама Джоанна пришла к такому выводу: «Если у тебя есть мозги, это не значит, что ты лучше управляешь своими чувствами, чем остальные».

Что касается развлечений, и в частности танцев, с этим было туго. «Был молодежный клуб в Вудкрофте, — вспоминает Андреа, — иногда устраивались дискотеки в «Дрилл-Холл» в Чепстоу. Для нас это было целым событием: там мы могли достать выпивку и потолкаться среди «взрослых» шестнадцатилеток. Очень редко бывали танцы в школьном актовом зале. Вот и все». Джоанна полюбила дискотеки, и этому своему увлечению смогла от души предаваться в будущем, во время поездки за границу.

Современные подростки из Лондона или других крупных городов Британии пришли бы в полное недоумение, узнав о совершенном отсутствии развлечений в жизни провинциальной молодежи.

Сверстники Джоанны могли собираться только в кофейне «Мартинс» да в булочной «У Грегга». Вход в «Лив энд лет лив», обшарпанный, но пользующийся любовью молодежи придорожный кабачок между Татшиллом и Уайденом, был Джоанне закрыт. После переезда из Уинтерборна в Татшилл Пит и Энн редко выходили на люди, разве что в гости к близким друзьям. Джефф Роузер, мясник, говорит, что за все это время ни разу не видел Ролингов в пабе.

Как и многим интеллигентным, но застенчивым девочкам, Джоанне были ближе более радикальные аспекты молодежной культуры, отсюда и ее любовь к «Клэш». Период увлечения панком не прошел бесследно: следующие десять лет она предпочитала яркий экстравагантный макияж, густо подведенные глаза.

По воспоминаниям одноклассников, Джоанна всегда была «тихой и робкой». В компании же близких подруг она чувствовала себя более раскованно и не уставала поражать их рассказами собственного сочинения, героинями которых становились сами девочки. «Джоанна забавляла нас своими остроумием и интересными историями, — говорит одна из них. — Она была очень умной и изобретательной, «гадала» нам на картах таро и по руке и при этом закручивала такие сюжеты, что, несмотря на всю их абсурдность, мы верили ее «предсказаниям», а потом сами же

над ними смеялись. Сдержанность и одновременно ироничность изложения присущи и ее книгам.

Может быть, она и начала выбираться из своей раковины, прощаясь с детством, но не распрощалась с присущим ей с детства даром непревзойденной рассказчицы». Как и ее герой Гарри Поттер, Джоанна еще не раскрыла всех граней своей неординарной личности: как говорится, в тихом омуте...

★

Джоанна продолжала поглощать массу литературы — от книг о Джеймсе Бонде до романов Джейн Остин, которая до сих пор остается одной из ее любимых авторов. «Эмму» она перечитывала около двадцати раз. Когда же ей исполнилось четырнадцать лет, она получила в подарок от тети юмористическую автобиографию Джессики Митфорд. Джоанна была просто очарована книгой: это было не только забавное и увлекательное чтение, но и история жизни реального человека. Джессика стала любимой героиней впечатлительной девочки и в значительной степени повлияла на ее мировоззрение: «Она стала для меня примером во всем — сильная личность с собственными идеалами; эти качества восхищают меня больше всего».

Несмотря на социальные различия, юная Джоанна ощутила внутреннее родство с мисс Митфорд. Джессика родилась в 1917 г. Она была шестым ребенком лорда Редсдейла. Одна ее сестра, Нэнси, была автором нашумевших романов «Погоня за любовью» и «Любовь в холодном климате»; другая, Дайана Митфорд, вышла замуж за британского фашиста сэра Освальда Мосли, который якшался с берлинскими нацистами и был другом самого Гитлера. Джессика, социалистка и феминистка, была по натуре бунтовщицей — и именно это больше всего привлекало в ней Джоанну.

В первом же абзаце автобиографии читатель встречает живописные названия исторических деревушек Котсуолда — края, где родилась Джессика: Стоу-на-Уолде, Чиппинг Нортон, Минстер Лавелл, Берфорд. Джоанна Ролинг всегда питала слабость к причудливым названиям. Может быть, именно поэтому она предпочитает считать местом своего рождения Чиппинг Содбери, а не старый безликий Йэйт. Да и имена действующих лиц «Гарри Поттера» дают газетчикам богатую пищу для пересудов. Наверное, после Диккенса, придумавшего Пексниффа, Квилпа, Юрай Хипа, никто из писателей не изобретал столь красочных имен для своих персонажей.

Описание деревушки Суинбрук, в которой она родилась, Митфорд начинает с сообщения о том, что на маленькой местной почте продавались «четыре вида конфет: ириски, монпансье,

эдинбургская карамель и жженый сахар, — в выставленных в витрине больших стеклянных банках». Перед кондитерским лотком разносчицы в поезде у Гарри Поттера голова идет кругом от экзотических сладостей из мира волшебников: драже на любой вкус, взрывающаяся жевательная резинка, лакричные волшебные палочки, шоколадные лягушки.

У сестер Митфорд было веселое детство: они наделяли окружающих смешными именами, придумывали всякие забавы и проказы, терроризируя бедных гувернанток. Однажды их мама устроила соревнование с призом в полкроны тому из детей, кто составит лучший бюджет для молодоженов, живущих на 500£ (750$) в год: «Нэнси сразу же лишилась шансов на победу, начав список расходов с пункта: «Цветы… 490£». Сестры Митфорд сочиняли истории, одевались в костюмы и даже изобрели собственный язык под названием будлдидж. Они придумывали странные игры и еще более странные прозвища: Дебо, Боуд, Декка (Джессика), Таддеми (их единственный многострадальный брат Том).

Самое главное, Джессика Митфорд не забыла, что такое быть ребенком. «Я завидовала детям из книг, — писала она, — с которыми постоянно приключались разные интересные вещи. Как повезло Оливеру Твисту, что он жил в том чудесном приюте!» Джессика не только читала взахлеб, как Джоанна, она увлекалась сюжетом книг и воображала себя их главной героиней, в своих фантазиях становясь то Джейн Эйр, «болезненно худой и бледной, но сильной духом», то «высокой, серьезной кареглазой старостой шестого класса» из школьных рассказов Анжелы Брэзил.

Любопытно, что когда Джессике исполнилось четырнадцать лет — столько же, сколько было Джоанне, когда та прочитала ее автобиографию, — Декка до глубины души была тронута антивоенным романом Беверли Николса «Немой крик», где автор изображал ужасы Первой мировой войны и призывал к полному разоружению: «На меня произвели сильное впечатление оригинальность суждений и сила аргументов». Джессика Митфорд задыхалась в Суинбруке так же, как Джоанна — в Татшилле. Она «видела иной мир — мир лондонской элиты, студентов, писателей… мир новых и разных идей… мир, по сравнению с которым Суинбрук казался сущим анахронизмом, пережитком феодальных времен».

Суинбрук конца 1920-х гг., наверное, мало чем отличался от Татшилла конца 1970-х. Джоанна Ролинг поистине нашла родственную душу. Поступок, совершенный в итоге Джессикой Митфорд, покорил воображение четырнадцатилетней Джоанны.

Движимая любовью и светлыми идеалами, Джессика сбежала из дома в Испанию, где шла гражданская война. Предметом ее страсти был Эсмонд Ромилли, племянник Уинстона Черчилля, сторонник коммунизма и в глазах Джессики романтический полубог. Перед отъездом они, собираясь стать военными репортерами, купили в армейском магазине дорогую камеру и записали ее на счет отца Декки. Джоанна восхищалась смелостью героини и втайне мечтала отважиться на столь же безрассудный шаг.

Десять лет спустя Джоанна тоже отправится в теплые края — в Португалию. Но пока все это в будущем. Наверное, она обратила внимание, что история большой любви героини обрывается на **печальной** ноте: Эсмонд Ромилли погибает во время боевых действий в ноябре 1941 г. в возрасте двадцати трех лет.

★

Ощущение расширяющихся горизонтов способствовало внутреннему развитию Джоанны, несмотря на неважную успеваемость в школе Уайдена. Ей пришлось испытать на себе все издержки британской системы образования. «Всех, у кого была светлая голова или честолюбие, — вспоминает одна из школьных подруг Джоанны, — в лучшем случае игнорировали, в худшем — унижали и дразнили зубрилами, причем даже сами преподаватели». Джоанна не избежала и других неприятностей. Как-то в школе одна девочка, видимо, из категории хулиганок, начала к ней придираться. Джоанна была невысокой (и сейчас ее рост всего 5 футов 4 дюйма) и защищалась, как умела. Позже она вспоминала: «У меня не было выбора. Я должна была ответить либо распластаться на полу и притвориться мертвой. На несколько дней я стала школьной знаменитостью, потому что той девочке не удалось сбить меня с ног. На самом же деле я просто прислонилась спиной к своему шкафчику и только потому не упала».

После этого инцидента Джоанна Ролинг несколько недель жила в постоянном страхе, избегая встреч со своей обидчицей. На утренней переменке она убегала из школы в лабораторный корпус под благовидным предлогом — попросить у мамы денег на ланч. Неудивительно, что с тех пор у нее родилось стойкое отвращение к хамству в любой его форме — будь то со стороны учеников, преподавателей или, уже в зрелом возрасте, мужчин.

Герои книг Ролинг, Гарри и Рон Уизли, ведут непрестанную борьбу со школьным хамством в лице учеников факультета Слизерин (Слайзерин) — задиры Драко Малфоя и двух его туполобых прихвостней Крэбба и Гойла. Драко — прямое

доказательство психологической теории, что все хамы в душе трусы. Узнав, что ему предстоит поход в страшный Запретный лес, он обнаруживает свою истинную сущность: «В лес? — переспросил он, и голос у него был совсем не такой самоуверенный, как обычно. — Но туда нельзя ходить ночью! Там опасно. Я слышал, там даже оборотни водятся». А затем... «Малфой, издав дикий крик, бросился бежать».

Вместе с Джоанной в Уайдене учился невысокий белокурый мальчик. Одноклассница Джоанны рассказывала, что он, «с ореолом курчавых светлых волос и ангельским личиком, выглядел еще моложе своих лет и напоминал мальчика из хора. Он был очень робкий и говорил тихо-тихо,

и, как можно догадаться, ужасно от этого страдал. Над ним постоянно издевались, и в школе ему приходилось туго». Наверное, отчасти именно он стал прототипом хилого, боязливого и рассеянного Невилла Лонгботтома (Долгопупса), одного из персонажей книг о Гарри Поттере.

Еще больше огорчений доставляли Джоанне Ролинг издевательства со стороны учителей. Она всегда считала, что это «самая подлая вещь на свете». Уайденская школа и с этой стороны внесла свою лепту в создание личности Снейпа. Учитель может быть суровым и строгим, и даже резким, но при этом не позволять себе хамства. Люси Шеферд, любимая учительница Джоанны, была довольно жесткой в обращении, но никогда не унижала учеников. Джоанна хорошо знает, что «легко быть хамом», особенно на месте учителя.

Администрация Уайдена считает, что школьное хамство — это серьезная проблема, с которой необходимо бороться. Во время последнего социологического опроса две учительницы признались, что их самих третировали в школе. Одна из них сказала, что ей «жаль задир, потому что их никто не любит». Показательно, что из преподавателей в опросе принимали участие только женщины, хотя проблема эта касается не только девочек, но и мальчиков. Это беда всей школьной системы. И даже вымышленный Хогвартс здесь не исключение.

Хогвартс — весьма любопытное учреждение. Поскольку это интернат, многие ошибочно считают его частной школой. Джон Неттлшип, напротив, полагает, что Хогвартс, по сути, — это государственная общеобразовательная школа: обучение в ней, видимо, бесплатное, ученики не сдают вступительного экзамена. Едва ли у Уизли, которые отдали в Хогвартс всех семерых детей, нашлось бы на обучение хотя бы два «сикля». В платную частную школу «Вонингс», alma mater его папаши, ходит отвратительный Дадли Дарсли. По словам м-ра Неттлшипа, «Джоанна говорила,

что каждый видит в ее книгах то, что хочет увидеть, поэтому те, кому по душе частные школы-пансионаты, причисляют к ним и Хогвартс. Но сама Джоанна всегда была за государственные школы, так что вывод напрашивается сам собой».

Джоанна никогда не хотела учиться в школе- интернате и говорила об этом не раз, как и о том, что ни за что не отдаст в подобное заведение свою дочь. Но по иронии судьбы книги о «Гарри Поттере» косвенно способствовали росту популярности, после двадцатилетнего упадка, именно британских школ-интернатов. В частности, значительно увеличилось число учащихся женских пансионов. Ник Уорд, председатель Ассоциации школ-интернатов, подтверждает, что многие заинтересованные родители ссылались на «Гарри Поттера». Может быть, свою роль сыграло и наблюдающееся в последние годы в Британии повышение среднего уровня заработка: у людей по**явились** деньги, которые они могут потратить на обучение своих детей.

Джоанна Ролинг сделала Хогвартс интернатом прежде всего потому, что иначе у нее возникли бы трудности с построением сюжетной линии. Признавая преимущества школ именно пансионного типа, она в интервью журналу «Салон» сказала: «Это все равно что получить некоторую свободу, обрести новую семью, где привязанности не столь крепки и, наверное, более четко обозначены границы». В Уайдене свободу, хотя бы творческую, Джоанна чувствовала на уроках резьбы по дереву и металлообработки. Даже несмотря на то что в этом она была безнадежна. Как и все примерные матери, Энн Ролинг бережно хранила и с гордостью демонстрировала знакомым уродливую, плоскую ложку, старательно выкованную дочерью из куска металла. Конечно, она не годилась для того, чтобы положить в чай сахар, зато ею можно было мешать и даже использовать ее в качестве отвертки. Рамка для фотографий, перемазанная клеем, указывала на то, что руки Джоанны нельзя назвать умелыми. Что тут говорить, если уж она умудрилась сломать руку в игре, считающейся неконтактным видом спорта, — нетболле[11] . В каком- то смысле она последовала примеру своей любимой героини: Джессика Митфорд тоже дважды ломала руку в десятилетнем возрасте.

Вверху и внизу: Джоанна в любимом джинсовом жакете, с густо подведенными глазами, в компании новых друзей в университете Эксетера

Вверху: Джоанна в черном неуверенно смотрит в камеру. Фотография сделана 16 октября 1992 г., в день ее свадьбы с Хорхе Арантесом. На снимке: Джоанна, жених и его семья

Внизу: Джоанна, Хорхе и их новорожденная дочь Джессика

Справа: Джоанна со своим мужем Хорхе в ночном баре в Порто

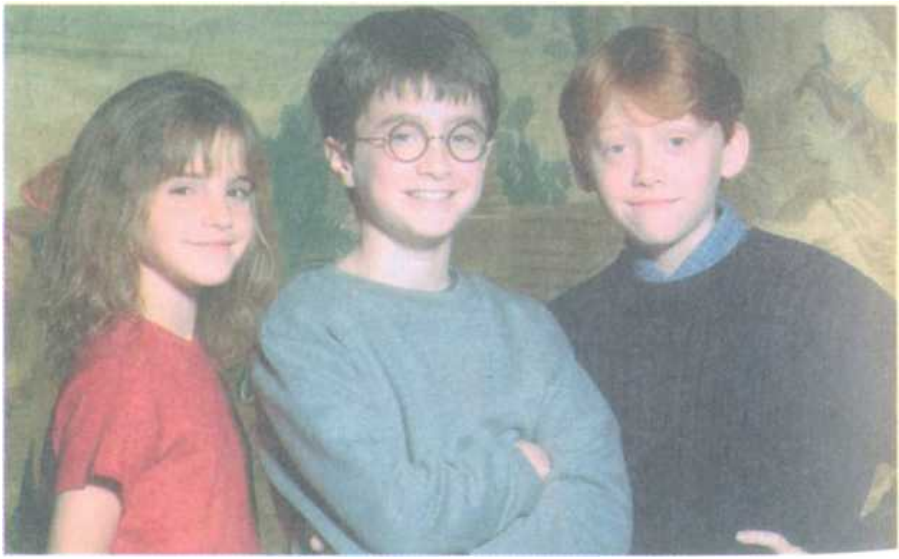
Слева: Улица Дуке де Салданья в Порто, где жили Хорхе с Джоанной, стала сценой скандала, положившего конец их браку в ноябре 1993 г.

Вверху: Один из редких семейных снимков — Джоанна с отцом Питом и его второй женой Дженет после церемонии

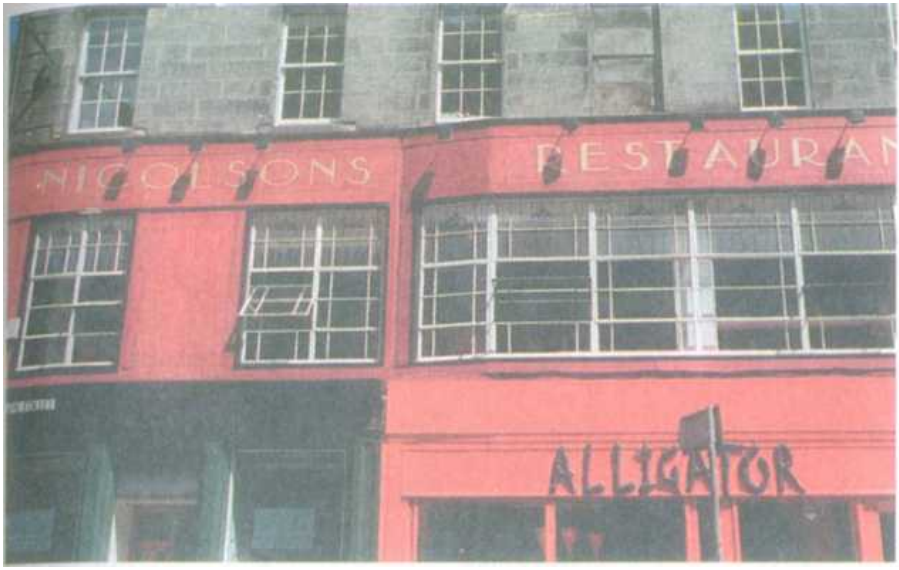
вручения писательнице почетной степени в университете Эксетера

Слева: Джоанна в церемониальной мантии после произнесения речи перед студентами и преподавателями университета

Вверху: Джоанна в компании детей во время акции Национального совета по делам неполных семей, в фонд которого она пожертвовала 500 000£



Вверху: После долгих поисков на роли Гермионы, Гарри и Рона в экранизации первой повести Дж. К. Ролинг были отобраны трое ребят (слева направо): Эмма Уотсон, Дэниэл Рэдклифф и Руперт Гринт



Вверху: Пока малютка-дочь спала, Джоанна пила кофе и работала над «Гарри Поттером» в располагающей атмосфере эдинбургского кафе «Николсонс»

Вверху: Поттеромания поражает лондонский вокзал «Кингс-Кросс». Рекламная акция в связи с выходом четвертой книги: старенький паровоз с Дж. К. Ролинг отбывает с платформы * Номер Девять и Три четверти»

Джоанна с гордостью демонстрирует Орден Британской империи за вклад в детскую литературу, врученный ей принцем Чарльзом, большим поклонником Гарри Поттера

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Прощай, Лес!

«Находиться дома было трудно»

В киноленте 1998 г. «Хилари и Джеки», где рассказывается трагическая история Жаклин дю Пре, есть душещипательная сцена: виртуозная скрипачка, роль которой играет Эмили Уотсон, во время концерта роняет смычок. Так впервые для героини заявил о себе рассеянный склероз. Трудно сказать, когда первые признаки склероза проявились у матери Джоанны, Энн — то ли когда из ее рук выскользнула пробирка в школьной лаборатории, то ли когда упала на пол чашка, залив чаем ковер в гостиной Черч-Коттеджа.

Джоанне было двенадцать лет, когда она стала замечать, что маме трудно поднять заварочный чайник. Уильям Кларк, учитель химии в Уайдене, понял, в чем дело, когда Энн упала в школьном коридоре. По словам Ширли Неттлшип, ее подруга, пытаясь играть на гитаре, ощущала покалывание в руках. Когда Энн было тридцать пять, а Джоанне — пятнадцать, врачи единогласно вынесли приговор: обширный склероз, и в доме Ролингов все изменилось. Нет хуже пытки, чем наблюдать, как умирает близкий человек, и мучиться сознанием собственного бессилия. Одни из самых горьких слов в своей жизни Джоанна произнесла в радиопередаче «Дезерт Айленд Диске»: «Находиться дома было трудно», — призналась она, объяснив, что у ее матери была прогрессирующая форма заболевания.

Энн Ролинг была жизнерадостной женщиной, о которой никто не мог сказать дурного слова. Избитое клише «жить полной жизнью» обретает новый смысл, когда речь заходит об этой энергичной брюнетке, матери двоих детей, которая всегда ставила превыше всего интересы своей семьи и забывала о домашних делах, только взяв в руки книгу. У нее был звонкий, заразительный смех. Джон Неттлшип хорошо помнит то утро, когда он и его жена Ширли, хрупкая, как статуэтка, шагали вместе с Энн по тропинке к учебному корпусу Уайдена: «Разносчик, как обычно, оставил на пороге дома две бутылки молока — одну новую, пузатую, а другую старого образца, потоньше и повыше. «Посмотрите-ка на бутылки, — сказала Энн, сразу же разглядев, на что они похожи. — Это же Энн и Ширли». С тем же юмором она относилась ко всему, была такой веселой!»

Когда дочери подросли, живая и общительная от природы Энн не захотела сидеть дома и устроилась работать в Уайден. Ее муж Пит уверенно поднимался вверх по служебной лестнице и теперь занимал пост главного инженера в компании «Роллс-

Ройс», и Энн тоже желала быть при деле. Работа в школе была идеальным вариантом: это позволяло быть рядом с Ди и Джоанной. «Дети были для нее всем, — вспоминает Джон Неттлшип, — и она отлично ладила с учениками. Дети могут многому научиться у лаборанта, даже если он не преподает у них. Энн играла большую роль в образовательном процессе и к тому же была человеком самых высоких принципов».

Джоанна, несмотря на природную скрытность, поделилась теми чувствами, которые пережила в связи с болезнью матери, когда в ходе недельной акции, посвященной проблеме рассеянного склероза, давала интервью газете «Скотлэнд он Санди» в апреле 2001 г. Незнание — вот корень всех зол. Ролинги, как и тысячи других семей, столкнувшихся с этим заболеванием, ничего не знали о нем, пока в дом не прокралась беда. В тридцать четыре года Энн обратилась в больницу, и анализы показали, что у нее «недостаток протеинов в жидкости спинного мозга». Но и тогда врачи не сказали ничего определенного. Только через год Энн и Пит узнали жестокую правду: это рассеянный склероз.

Джоанна с любовью и болью вспоминает о маме в период болезни: «Иногда все вроде бы было нормально, а в иные дни она не могла удержать в руках заварочный чайник. Но она скрывала свою боль под маской иронии, продолжала работать в школьной лаборатории и играть на гитаре, так что никто и не понимал, насколько все серьезно».

Рассеянный склероз — заболевание центральной нервной системы, многие аспекты которого до сих пор не изучены. Некоторые ошибочно полагают, что все дело в мышцах, потому что нарушается работа двигательного аппарата, и мало кому известно, что это такое. В действительности же нервные окончания перестают воспринимать передаваемую мозгом информацию. Именно поэтому Энн Ролинг не могла удержать в руках заварочный чайник. Медицине еще предстоит установить причину этого заболевания и найти эффективные методы лечения. По одной из распространенных гипотез, рассеянный склероз вызывают вирусы, и этим объясняется то, что у всех пациентов болезнь протекает по-разному.

Такой же диагноз, по печальному совпадению, почти одновременно с Энн Ролинг был поставлен и Уильяму Кларку, который консультировался у того же врача, м-ра Лэнгтона Хьюэра в бристольской больнице «Френчэй». «У Энн была очень тяжелая форма, — вспоминает м-р Кларк. — Однажды она упала в школьном коридоре и после этого сразу же ушла домой». Он часто рассказывал ученикам о своей болезни и о том, как она

отразилась на его образе жизни. Среди больных рассеянным склерозом Кларк, можно сказать, Долгожитель: прошло уже двадцать шесть лет с тех пор, как был поставлен диагноз, хотя от преподавательской деятельности ему пришлось отказаться. Энн Ролинг повезло куда меньше.

М-р Кларк вспоминает, что были дни, когда она становилась сама собой, веселой и общительной, а иногда «чувствовала себя неважно». Вскоре после окончательного диагноза Энн бросила работу. «Известие о болезни буквально подкосило ее, — вспоминает Джон Неттлшип, — ибо это означало, что больше она не сможет справляться со своими школьными обязанностями. В любой момент, когда она мыла бы колбы и пробирки, пальцы могли подвести ее. Сознание собственной непригодности терзало ее больше, чем проблемы со здоровьем. Энн не испытывала к себе жалости. У нее была поразительная сила воли, и казалось, что она не поддастся этой ужасной болезни».

Ди и Джоанна очень переживали, когда проявилась чудовищная сущность заболевания. Черч-Коттедж был завален проспектами и брошюрами о рассеянном склерозе. Энн, по крупицам собирая скудную тогда информацию, как и следовало ожидать, читала все, что хоть как-то могло объяснить причину ее состояния. Иногда ей становилось хуже, и она едва могла передвигаться по дому, но были моменты, когда к ней возвращалась свобода движений, правда, это случалось все реже. «Чем больше прогрессировала болезнь, — рассказывает Джон Неттлшип, — тем серьезнее становилась Энн. Ее жизнерадостность и непосредственность словно испарились».

Энн, оставив работу, страдала от безделья. Сильвия Льюис вспоминает, как она ходила убирать в церкви, только чтоб хоть чем-нибудь заняться; часто ей помогали девочки. Это казалось **странным,** потому что Ролинги не ходили на **службы,** даже несмотря на то что церковь Св. Луки находилась прямо за садовой оградой. Девочки никогда не посещали воскресную школу, только раз в год расписывались в церковной книге посетителей.

Церковь Св. Луки — непретенциозная деревенская церквушка с деревянными скамьями, каменным полом и слегка затхлым запахом, где не слышно с улицы ни шума проезжающих машин, ни криков детворы, играющей во дворе находящейся по соседству начальной школы Татлла. Первую подпись, аккуратную, разборчивую, похожую на взрослую, Джоанна Ролинг поставила в книге 2 июня 1976 г., в возрасте десяти лет, а после имени старательно вывела: «Татшилл, Чепстоу, Гвэнт»[12] . Это был точный почтовый адрес Ролингов, хотя на самом деле деревня

относилась к английскому Глостерширу. Следующая подпись Джоанны — от 10 сентября 1977 г., а 4 ноября 1977 г. в книге расписались обе сестры, когда Джоанне было двенадцать, а Ди — десять. После перерыва Джоанна расписывалась еще дважды: 22 апреля 1981 г. и в последний раз 11 октября 1981 г., в шестнадцать лет. Может быть, она приходила в церковь помочь маме или помолиться за нее.

Как Хогвартс стал тем местом, где обрел свободу Гарри Поттер, так и Уайден частично снял с плеч Джоанны груз переживаний из-за болезни матери. Из предметов она выбрала английский, французский и немецкий языки уровня «А», что в значительной степени способствовало ее интеллектуальному развитию. И больше никакой химии — никакого «зельеварения». Тогда же произошло ее приобщение к театру, во время поездки в Стратфорд-на-Эвоне, на просмотр «Короля Лира». Шекспир часто требует особого, более серьезного уровня восприятия, недоступного многим подросткам, но Джоанне понравилось все: и постановка, и сама театральная атмосфера. До этого ее представление о театре ограничивалось пантомимами, которые они устраивали вместе с родителями. После «Короля Лира» всем классом они смотрели «Зимнюю сказку», с главной героиней Гермионой, которая отчасти послужила прототипом подруги Гарри Поттера, пресловутой Гермионы Грэйнджер. Сегодня, если бы среди школьников провели опрос, в каком литературном произведении есть персонаж по имени Гермиона, они наверняка припомнили бы скорее повести Джоанны Ролинг, чем пьесу Уильяма Шекспира.

В шестом классе средней школы в Уайдене появился новенький — Шон Харрис. Его отец был военным, которого перевели в гарнизон, располагавшийся через дорогу от школы. Новый мальчик сразу привлек внимание Джоанны, уставшей от примелькавшихся лиц. Между Джоанной **и Шоном** завязалась прочная и долгая дружба. Шон был не такой, как другие, и Джоанна Ролинг, любившая музыку новой волны, поддер**живавшая** «Гринпис» и Международное движение за амнистию, привязалась к нему. У Шона была машина, бирюзовый форд «Англия», спасавший от будничной действительности, которая все больше тяготила Джоанну. Друзья выруливали на трассу М4 и ехали в Бристоль либо в Бат или в другом направлении — в Ньюпорт и Кардифф, где были бары и танцы, клубы и концерты. Мир вдруг оказался огромным.

Шону Джоанна посвятила вторую книгу «Гарри Поттера» — «лихому водителю и верному другу». Не был забыт и бирюзовый форд «Англия»: именно такой автомобиль у семейства Уизли.

Волшебная летающая машина становится настоящим символом спасения. Сначала это средство передвижения фигурирует в истории о том, как братья Уизли организуют побег Гарри из виртуальной тюрьмы в доме номер четыре по Тисовой улице, где его заперли в спальне: «Из заднего окна старой машины бирюзового цвета, висевшей в воздухе, выглядывало лицо Рона». А позже, когда Гарри с Роном опаздывают на школьный экспресс, этот автомобиль доставляет их в Хогвартс: «Гарри слышал рев мотора, чувствовал, как вибрирует под ним сидение, подпрыгивают руки на коленях и очки на носу». Наконец, самый важный эпизод: все тот же форд, на этот раз «одичавший», спасает друзей от гигантских пауков в Запретном лесу. «Гарри на прощание благодарно погладил машину, и она, развернувшись, скрылась в лесной чаще». Джоанна любила старенький потрепанный автомобиль Шона и была довольна, когда иллюстратор Клифф Райт изобразил его на форзаце детского издания «Тайной комнаты».

23 апреля 1983 г. Энн Ролинг составила завещание. Джордж Фрэнсис, местный адвокат, подготовил все документы. Энн было всего тридцать восемь, но она понимала, что сделать это необходимо, тем более что состояние ее быстро ухудшалось. Все свое имущество она оставила Питу, а в случае его смерти одна половина отходила сестре Мэриан и ее мужу Лесли, а другая — Обществу помощи больным рассеянным склерозом. Энн, если бы была жива, наверняка гордилась бы причастностью дочери к деятельности этого общества в Шотландии и даже, без сомнения, сама отправилась бы с жестянкой в руках собирать пожертвования в фонд его поддержки.

В выпускном классе Джоанна была избрана старостой. Голосование, в котором принимали участие как ученики, так и преподавательский состав, стало для Джоанны настоящим испытанием на самостоятельность и авторитетность. Болезнь матери и тучи, сгустившиеся над Черч- Коттеджем, как ни странно, сделали Джоанну более открытой и общительной. В последние годы училась она блестяще, и было решено, что она будет поступать в Оксфордский университет на отделение современного языкознания. Энн с Питом, которые никогда там не бывали, с трепетом ждали этого момента. По мнению Джона Неттлшипа, Ролинги, помня себя в двадцатилетием возрасте, всегда хотели, чтобы их дочери получили высшее образование и им было бы легче устроиться в жизни. Умные и талантливые, Энн и Пит в свое время с легкостью освоили бы университетскую программу. «Пит был смышленый парень, и они всегда жалели, что не окончили университет. Потому так тернист был их

жизненный путь — Питу пришлось наверстывать упущенное, посещая занятия вечерней школы. Оба они были очень одаренные люди».

Джоанна сдала вступительный экзамен в Оксфорд, и ее фамилию занесли в резервный список. Но в итоге ее не приняли. М-р Неттлшип убежден, что ее «отсеяли», потому что она закончила государственную общеобразовательную школу. История ее поступления как две капли воды похожа на случай с Лаурой Спенс. В 2000 г. об этом случае писали многие британские газеты: утверждали, что Лауру не взяли в Оксфордский университет из-за того, что она была выпускницей государственной, а не частной школы. Реакцией на этот скандал стало гневное выступление канцлера Гордона Брауна по поводу элитарности Оксфорда и Кембриджа. Оратор во всем винил старый режим и консервативную систему образования: «Пора положить конец старой Британии, где решающее значение имеют сословные привилегии, а не природные дарования. Пора заставить университеты распахнуть свои двери женщинам и представителям всех социальных слоев».

М-р Неттлшип помнит, что вместе с Джоанной в резервном списке значилось имя еще одной девочки, которая тоже училась в Уайдене, но в последнем классе родители перевели ее в независимый колледж, где она и сдавала выпускные экзамены. Джоанна получила две степени «А» (за английский и французский) и одну степень «В» (за немецкий), а у ее бывшей одноклассницы по тем же предметам было две степени «В» и только одна «А». И тем не менее поступила именно последняя. «Я считаю, что предпочтение было отдано ей потому, что родители могли позволить себе перевести ее в частное учебное заведение. Благодаря этому она получила неоправданное преимущество. Мы все были в курсе событий, потому что каждое утро встречались с работавшей у нас мамой Джоанны. И все считали это вопиющей несправедливостью».

«В Уайдене не так много учеников, способных освоить программу поступления в Оксбридж[13] — два-три серьезных кандидата в год, из которых, как правило, не поступает ни один».

Вот мнение одной из близких подруг и одноклассниц Джоанны: «Даже сейчас выпускники

Уайдена сталкиваются с огромными трудностями, а в те времена попасть в Оксбридж после общеобразовательной школы было вообще невозможно». В публичных выступлениях и интервью Джоанна ни разу не упоминала об этом эпизоде, но постфактум можно сказать, что для писательницы Ролинг провал в Оксфорд обернулся удачей. Как верно заметил Джон Неттлшип,

«если бы она поступила, еще не известно, написала бы она эти гениальные книги».

★

Неудача не сломила Джоанну. Она никогда не оглядывалась назад.

В субботу 28 апреля 2001 г. в Уайдене состоялась встреча выпускников 1983 г. — одно из тех забавных мероприятий, где бывшие соученики из кожи лезут вон, чтобы показать друг другу, как они повзрослели и преуспели. Всем уже перевалило за тридцать. Там был и мальчик, который когда-то нравился Джоанне. Но увы, его прежняя воздыхательница была уже не та. Возможно, одноклассникам нравилось греться в лучах славы Джоанны, но сама она не горела желанием возобновлять старые знакомства. Паула Уайтхаус, секретарь дирекции, подтверждает, что администрация дважды обращалась к Ролинг с просьбой посетить школу, но так и не получила благоприятного ответа от своей самой знаменитой ученицы.

В свое время для умной, свободомыслящей восемнадцатилетней Джоанны главной целью было побыстрее закончить Уайден и уехать подальше от Динского леса. Но все же школе тоже есть чем гордиться. Годы учебы здесь не прошли для писательницы бесследно: на ее литературное творчество повлияли и школьные друзья — такие, как Шон Харрис, и учителя — например, Джон Неттлшип или Люси Шеферд, и даже классные комнаты, в которых занималась Джоанна. Как сказал Джон Неттлшип, «Джоанна была очень проницательна и наблюдательна. Мне кажется, что за семь лет, проведенные здесь, она накопила большой багаж знаний и опыта». Джоанна не раз говорила, что отчетливо помнит детские и юношеские годы. Рассказывая о жизни Гарри, Гермионы и Рона в Хогвартсе, она описывала свои школьные впечатления. Поэтому нельзя недооценивать и положительное значение Уайдена, хотя школа и все, что с ней связано, всегда напоминает Джоанне о маме.

Наконец, не стоит забывать и о сказочном Динском лесе, который, несмотря на стремление Джоанны покинуть эти края, питал ее воображение мифами и легендами, не говоря уже о дивных пейзажах. По утверждению Фила Льюиса, преподавателя гончарного дела и скульптуры в Уайдене, хозяина собственной студии в деревне Брим, «невозможно жить у леса или в долине Уай и не вдохновиться местными легендами и сказаниями. В детстве я гулял в лесу до темноты. Увидишь магические грибные кольца — и **тебя** охватывает суеверный трепет. А через несколько шагов словно чувствуешь, что рядом затаилась нечистая сила».

Местный фольклор полон преданий о волшебстве и злых

чарах. В 1906 г. жительница Синдерфорда по имени Эллен Хэйворд была обвинена в том, что она «незаконно использовала в колдовских целях некие предметы или приспособления для причинения намеренного вреда одному из подданных Ее Величества». А сама «старушка Эллен», как звали ее местные жители, утверждала, что она всего лишь травница и с помощью растений лечит язвы, порезы и раны.

В первый год в Хогвартсе школьники три раза в неделю изучают травологию, которую преподает «низкорослая полная дама, профессор Стебль» (Спраут). Уроки проходят в оранжереях позади замка, где дети узнают, для чего используются всякие странные и грибы, и растения и как за ними ухаживать. Именно профессор Стебль в «Гарри Поттере и тайной комнате» выращивает мандрагору, чтобы вернуть к жизни людей, которых превращает в камень чудовище Василиск, стерегущий тайную комнату.

В 1892 г. в деревне Даймок на северном краю Динского леса была найдена свинцовая табличка с заклинанием против некой Сары Эллис, чье имя задом наперед было написано вверху таблички. «Проклятие Даймока» было обращено к восьми духам с просьбой «изгнать указанную персону из этого края и страны. Аминь, да сбудется это, аминь». (В «Философском камне» Гарри находит Зеркало Еиналеж — это слово «желание» наоборот.) Сара, узнав о проклятии, сошла с ума и покончила с собой. Ее, как в то время было принято хоронить самоубийц, погребли на перекрестке дорог, вбив ей в грудь осиновый кол.

Одна из самых известных связанных с Лесом легенд — предание о юноше, который тщетно пытался увидеться со своей возлюбленной, дочерью местного жителя, ревниво оберегавшего ее от посягательств мужчин. Однажды летним днем отец сидел у себя в саду и вдруг увидел, как к его дому идет поклонник девушки. Убедившись, что он прошел мимо, старик задремал, пригревшись на солнце. Его дочь в это время стряпала. Проснувшись, он увидел зайца, смотрящего на дом. Сельчанин схватил ружье и выстрелил в животное, рассчитывая поужинать вкусной зайчатиной, но лишь ранил его в заднюю лапу. Через какое-то время со стороны поля, куда ускакал заяц, показался упомянутый молодой человек. Он хромал.

В своих книгах Джоанна Ролинг называет волшебниц и чародеев, умеющих превращаться в животных, зверомагами. В самом начале «Гарри Поттера и философского камня» м-р Дарсли был потрясен видом большой полосатой кошки, изучающей карту. Зрение его не обмануло: этой кошкой была профессор МакГонагалл.

Динский Лес — поистине «маленькая страна», этот край, где выросла Джоанна, неизбежно повлиял как на мировоззрение, так и на творчество писательницы. Конечно, куда большую роль в становлении Джоанны как личности сыграли книги и семейный круг, но нельзя недооценивать и значение Леса. Взять хотя бы Хагрида, хогвартского гиганта-лесничего, который говорит с западно-английским акцентом.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Юность

«Она была человек замкнутый и не допускала слишком тесного контакта с окружающими»

С

транно, что выпускница, мечтавшая общаться со свободомыслящими радикалами, способными изменить этот мир, выбрала для поступления именно университет Эксетера, который удостоился сомнительной чести быть внесенным в сатирический Официальный справочник «Слоун Рейнджер» для молодых британских барышень из состоятельных семей начала восьмидесятых годов. «Слоун Рэйнджер» — производное от «Лоун Рэйнджер»[14], прозвища одного из героев старых вестернов, и названия площади Слоун- Сквер в лондонском Челси. Слоун Рэйнджеры были предметом безобидных насмешек. Если бы Джоанна заглянула в этот справочник, она нашла бы названия рекомендуемых питейных заведений (разумеется, вполне благопристойных) вроде «Каули-Бридж Инн », паба[15] « Дабл Л оке »,

«Пассажа» в Топшеме и винного бара «Кредитов». Что касается прочих развлечений, «два с половиной часа на 125-м поезде до Паддингтона — и вперед по лондонским магазинам». В Эк**сетере** «своими» считались выпускники частных **учебных** заведений (а такие, как Джоанна — «чужаками»). Неудивительно, что университет славился самым большим в стране количеством личных автомобилей. Джоанна, однако, водить не умела.

После Уайдена она не захотела «терять» год и с головой окунулась в студенческую жизнь университетского городка, хотя представляла ее себе несколько иной. К тому же, ей пришлось все начинать с нуля. В Уайдене она была старостой, а в Эксетере — всего лишь робкой восемнадцатилетней первокурсницей из провинциальной государственной школы. Один из ее преподавателей, Рэй Дэвисон, вспоминает, что «ей было нелегко здесь самоутвердиться».

Эксетер был относительно неплохим вариантом, и Джоанна оказалась там во многом по настоянию родителей. Это уже был первый шаг к самостоятельной жизни, но не такой большой, как

хотелось бы: Эксетер находился всего в двух часах езды на машине от родительского Черч- Коттеджа, а на поезде из Чепстоу, с пересадкой на бристольском «Темпл-Мидз», — и того меньше. От станции «Сент-Дэвидс» до университета была миля пешком, в основном в гору. Университетский городок располагался в живописной местности с обширными лужайками, высокими раскидистыми деревьями и теннисными кортами. На одной из лужаек красовалась скульптура Барбары Хепворт под названием «Мать и дитя».

Когда после провала в Оксфорде Джоанна выбирала место учебы, единственным университетом к юго-западу от Бристоля (хотя и слишком уж близко от дома) оказался Эксетер. Устав университета был утвержден в декабре 1955 г., а это означало, что Эксетер получил свой статус задолго до остальных окрестных политехникумов. Студенческий городок лежал на холме, с которого открывались изумительные виды на древний город — кафедральный и административный центр Девоншира. Иветт Каулес, подруга-однокурсница Джоанны, вспоминает, как та звонила маме: «Здесь так красиво. Мне тут очень нравится».

Тихая, спокойная атмосфера университетских аудиторий не распространялась на жилые корпуса. Это был первый дом Джоанны после отъезда из Черч-Коттеджа. Ее разместили в общежитии Джесси Монтгомери, красном кирпичном здании, где каждой студентке отводилась крохотная безликая комнатушка. Все это больше напоминало скорее обстановку в телевизионном сериале «Тюремная камера, Блок Н», чем в Школе чародейства и волшебства «Хогвартс». Джоанна, стараясь по возможности воссоздать домашний уют, перевезла в общежитие свои книги, рисунки, акустическую гитару, но все равно ее новое жилище не шло ни в какое сравнение с родным домом. До учебных корпусов и, самое главное, до студенческой кофейни и баров приходилось добираться по крутой тропе, по вполне понятным причинам прозванной «Дорогой к инфаркту».

По вечерам в Экстере, по крайней мере, было два развлечения: городской киноцентр «Одеон», где в первую неделю после приезда Джоанны **шли** три картины: «Обучение Риты», «Осьминожек» и «Толстяк-П», и находившийся на территории университета театр «Норткотт», один из лучших провинциальных театров в стране. В первом семестре хитом сезона был фарс Тома Стоппарда «Грязное белье».

Сначала главной проблемой Джоанны стал поиск подруг, с кем у нее были бы общие интересы. Легче всего заводить знакомства оказалось в студенческом клубе под названием «Девоншир-Хаус», в кофейне с вывеской: «Не только кофе...

пирожки, печенье, мясные и овощные кебабы, горячие сэндвичи». Для Джоанны кофейный бар стал вторым домом, и, когда в 1999 г. по окончании Эксетера ей была присвоена почетная степень, одна из университетских подруг пошутила, что запись об этом стоит выгравировать на подносе и повесить его на стену кофейни «Девоншир-Хаус».

В университете с Джоанной произошло что-то странное. Имидж этакой зубрилы-Гермионы, довлевший над ней в старших классах школы, к окончанию вуза бесследно испарился. Невзрачная девочка в очках с толстыми стеклами превратилась в привлекательную, чувственную девушку в контактных линзах, больше интересовавшуюся не учебой, а «светской» жизнью. «Она носила длинные юбки, одной из любимых ее вещей был голубой джинсовый жакет. Джо была очень стройная, укладывала волосы в пышную прическу и сверху поливала лаком, подводила глаза ярким карандашом. Думаю, от парней у нее отбоя не было».

Эти перемены в Джоанне объяснялись двумя причинами. Во-первых, свободой, обретенной вне дома. Иветт говорит, что, если бы не знала, ни за что бы не догадалась, что Джоанна приехала из провинции. Во-вторых, она не особенно блистала в предметах выбранного ею курса, так что к учебе тянуло ее куда меньше, чем если бы она специализировалась по английскому языку. «Она была довольно посредственной студенткой, — вспоминает один из преподавателей. — Но не из- за того, что ей не давалась учеба, просто у нее не было особого интереса к этой области лингвистики» . По словам профессора Кейт Кэмерон, преподававшей у Джоанны на последнем курсе и тогда же, в 1987 г., назначенной заведующей кафедрой современного языкознания, «по сравнению с некоторыми у нее были не такие большие способности к языкам».

Джоанна закончила французское отделение, поддавшись влиянию родителей, которые считали, что так ей будет легче найти работу. С филологическим образованием можно было устроиться там, где требовались секретари со знанием иностранного языка, или переводчиком. Наверное, это отец, с его практическим складом ума, сумевший без высшего образования стать главным инженером, отговорил дочь от поступления на бесперспективное английское отделение. «Я хотела выбрать английский, — рассказывала Джоанна Энджеле Левин, репортеру газеты «Дэйли Мэйл», — но все вокруг говорили: «А тебе это пригодится? » Хотя мне с детства хотелось быть писательницей, я не надеялась, что моя мечта осуществится, и об этом знали только близкие друзья».

Так Джоанна стала изучать французский язык и классическую

литературу. Брайан Клэпп, автор хроник Эксетера, писал: «Университетская среда всегда допускала некоторую эксцентричность». На кафедре же современного языкознания отношения между студентами и преподавателями носили скорее формальный характер. «К ним [преподавателям] нельзя было обращаться просто «Мартин» или «Рэй», — объясняет Иветт Каулес. — Обязательно нужно было говорить «мистер» или «профессор». Наверное, это было следствием консервативного подхода к обучению, в том числе и к стилю преподавания. Упор делался на литературный, книжный язык. В реальной жизни так не говорят. Когда мы, как было положено, жили и учились в течение года во Франции, я обнаружила, что на французском могу рассуждать о философских материях, но не в состоянии толком объяснить, как вскипятить чайник».

«Но Джо любила классику. Ей нравилась вся эта мифология. Ей это было интересно. Наверное, это и не удивительно».

«Очень наблюдательной и проницательной», по выражению Джона Неттлшипа, Джоанне нравилась компания студентов кафедры современного языкознания, и они, в свою очередь, были заинтригованы поведением девушки, которую Рэй Дэвисон назвал «очень задумчивой». «Она была человек замкнутый и не допускала слишком тесного контакта с окружающими», — добавил он.

Разумеется, Джоанна была достаточно проницательна, чтобы понимать: все считают, будто она немного не от мира сего. Особенно снисходителен к ней был один преподаватель, который, как позже вспоминала писательница, «обладал невероятным терпением, снося мое чудовищное безразличие к его предмету. Только один-единственный раз, и то косвенно, он упрекнул меня за частые прогулы и обыкновение терять раздаваемые им материалы: сказал, что я живу, словно лунатик. Это было произнесено с долей обреченности и иронии. Потом я горько раскаялась, что обмолвилась об этом друзьям. Эта фраза показалась им до того остроумной, что они стали повторять ее к месту и не к месту, и мне уже было не до смеха».

Плохая посещаемость и успеваемость — это не то, что одобрила бы Гермиона Грэйнджер. Самое интересное, что «новая» Джоанна нравилась себе больше, чем прежняя. Во многом она даже стала типичной студенткой. О том, с каким уважением она относилась к университету, можно судить по тому, что она по просьбе одного из лекторов, Дэвида Харви, согласилась дать весьма самокритичное интервью о своем студенчестве для «Пегаса» — журнала, выпускаемого классическим отделением.

На втором курсе Джоанна переехала в другое студенческое

общежитие, Лафрода. Комнаты здесь были не лучше, чем в прежнем: маленькие каморки с односпальными кроватями и скудной казенной мебелью. Джоанна предпочла бы поселиться в Томас-Холл — особняке на краю студенческого городка, женском общежитии, которое имело свой стиль и более жилой вид. К бледно-желтому дому с бронзовой парадной дверью внушительного вида вела лужайка с высокими хвойными деревьями. Легко представить себе, как Гарри Поттер в своей мантии- невидимке осторожно спускается по поросшему травой холму, прячась под сучковатыми ветвями сосен и елей, ежась от холодной воды, переходит вброд ручей и бежит к спасительным дверям, за которыми его ждет теплая, уютная общая комната с письменными столами, деревянными стульями и старым пианино.

В 1984 г. Джоанна открыла для себя «Смите», которые и сейчас остаются ее любимой группой. Среди выбранных ею на «Дезерт Айленд Диске» музыкальных композиций был их классический хит мая 1986 г. «Bigmouth Strikes Again». «Я люблю звучание их гитар, лиричность и остроумие», — объяснила Джоанна Сью Лолн. «Смите», с неподражаемым вокалистом Моррисеем и гитаристом-новатором Джонни Марром, были кумирами и строгих критиков, и привередливых студентов, воротивших нос от «Спандо Бэлли», «Калче Клаб» и «Нью Романтике». Джоанна часами сидела в своей комнате, подбирая аккорды к «What Difference Does It Make?» и «Heaven Knows I'm Miserable Now». «Не понимаю, за что она любила «Смите», — недоумевает Иветт Каулес. — Иногда они наводили такую тоску. Я думаю, Джоанна, с виду резковатая, уверенная в себе, веселая, общительная, на самом деле была человеком застенчивым и замкнутым в себе. В этом смысле она была очень одинока, потому что по большей части жила своими мечтами и фантазиями».

Как и в Уайдене, Джоанна не уставала поражать своих друзей талантом рассказчицы. Хотя у нее было немало поклонников, девушка всегда предпочитала им шумную, веселую компанию подруг. Собираясь вместе, они обсуждали свои проблемы и, разумеется, чаще всего **мужскую** половину человечества. Иветт хорошо помнит истории, которые сочиняла Джоанна: «В них главными героинями были мы. Обычно она придумывала истории о шпионах, с лихо закрученным сюжетом, а каждая из нас выступала в роли эта**кой** Мата Хари. Я была «роковой женщиной» по имени Снейк Хипс. Да и остальные тоже были «роковые», единственные и неповторимые. И из **любой** передряги мы всегда выходили победительницами».

Теплыми летними вечерами девушки садились в машину

Катрины МакКиннон и ехали в паб «Дабл Локс» на берегу Эксетерского канала. До паба тащились три четверти мили по узкой грунтовой дороге, которая становилась еще уже и страшнее по пути домой после закрытия заведения. Тесный паб с низкими потолками, расшатанными деревянными лавками и дубовыми столами, за которыми при очень большом желании можно было разместиться и вдесятером, напоминает «Три метлы» в Хогсмиде. Три вечера в неделю там была живая музыка, в основном джаз. В хорошую погоду народ высыпал из паба на воздух, подружки занимали скамьи у самой воды и таскали подносы, уставленные кружками с пивом, половину расплескивая по дороге. Джоанна, истинная поклонница Джеймса Бонда, редко пила пиво, предпочитая более крепкие напитки, как правило водку.

Из пабов ей больше всего нравилось бывать в «Черной лошади», где она проводила столько же времени, сколько прежде за чашкой кофе в « Девоншир-Хаус». Иветт Каулес запомнился один вечер, когда подвыпившая компания, включая Джоанну, пешком возвращалась из паба в общежитие, по пути, во весь голос распевая «You Make

Me Feel Like a Natural Women» Ареты Франклин, а потом столь же вдохновенно затянув «Respect» из ее же репертуара. Мирные обыватели Эксетера, без сомнения, были в восторге от ночного концерта!

В расписании на неделю обычно стояло семь- восемь часов лекций и семинаров и четыре-пять часов консультаций. Помимо этого студентам предлагался материал для самостоятельного изучения. Джоанна уделяла учебе минимум времени. В конце второго курса на горизонте черной тенью замаячили экзамены, и Джоанна — в этом полная противоположность Гермионе — отнеслась к ним крайне легкомысленно. Начать с того, что она забыла оформить экзаменационные бумаги, и, чтобы получить допуск, ей пришлось объясняться с Рэем Дэвисоном. Джоанне удалось вывернуться, но было решено, что на последних двух курсах ей лучше отказаться от изучения греческого и латыни.

Время покажет, поумерит ли свое рвение к знаниям повзрослевшая Гермиона Грэйнджер и поймет ли она, что жизнь — это не только учеба и книги...

Самый ответственный выбор, который пришлось сделать Джоанне на этом курсе, — это принять решение, где провести следующий год: для прохождения обязательной языковой практики студентов отправляли во Францию. У Джоанны было три варианта: преподавать английский на полставки во французской школе по проекту, организованному Британским институтом в Париже, поступить студенткой во французский

колледж или устроиться на работу во французскую компанию. Джоанна выбрала первое, и следующий академический год провела в Париже. Впервые в жизни она попробовала себя в роли преподавателя.

«Год во Франции — отличная возможность познакомиться с французской культурой, — говорит профессор Кэмерон. — Студенты совершенствуют знание языка как в устной, так и письменной форме. Становятся более самостоятельными, и, что более важно в случае Джоанны, лучше постигают особенности и идиоматику родного языка. Это прививает большую любовь к родной речи. К тому же я не знаю ни одного студента, у которого остались бы неприятные воспоминания о времени, проведенном во Франции».

Джоанне понравилось в Париже. Она жила в одной квартире с итальянцем по имени Фернандо, девушкой из Испании и русской женщиной. Испанка была до того помешана на чистоте, что Джоанна, за которой никогда не водилось ничего подобного, вообще избегала появляться на кухне и почти все время проводила в своей комнате за книгами. В литературной передаче «С большим удовольствием» на Радио-4 она рассказывала, что однажды все воскресенье просидела у себя, читая «Историю двух городов» Чарльза Диккенса: «Когда я вечером вышла из комнаты, то в дверях столкнулась с Фернандо и насмерть его перепугала. У меня расплылась тушь, так он решил, что я получила известие о чьей-нибудь смерти, и он был недалек от истины — о смерти Сидни Картона». Бедняга Картон решает взойти на эшафот вместо Чарльза Дарнея, потому что влюблен в его жену Люси, и, принося себя в жертву, находит в этом путь к избавлению от мук: «Это самое, самое лучшее из того, что я сделал в жизни; я обретаю душевный покой, которого прежде не знал».

Джоанна считает, что «ни одна книга не заканчивается более совершенной строкой» и что «от нее всегда на глаза наворачиваются слезы». Свою последнюю строку о Гарри Поттере она пока что не написала, и читателям остается только ждать, когда выйдут остальные из обещанных семи книг. Интересно узнать, чем закончится история с Волан-де-Мортом (Вольдеморт), чье имя переводится с французского как «Полет Смерти».

Из Парижа Джоанна вернулась в общежитие Лафрода. Многие однокурсники закончили трехгодичный курс, получили диплом и разъехались. Это еще больше сблизило Джоанну со студентами французского отделения, которые были на год старше. «По вечерам, — вспоминает Иветт, — мы встречались в баре, а потом шли к кому-нибудь в комнату, выпивали, болтали. Джо любила выпить. Ей нравилось весело проводить время на вечеринках. Но

была в ней и какая-то серьезность, и мне даже казалось, что «душа компании» — это всего лишь маска. Глядя на нее, невозможно было догадаться, что ее угнетает состояние мамы. Я думаю, она хорошо скрывала свои переживания. Я всегда считала, что у Джо много общего с той **девушкой** в «Бриоллине», Риццо: внешне она грубая, но очень мягкая по натуре. Я всегда восхищалась ею».

Джоанна оставалась «душой компании», даже когда у нее завязался первый серьезный роман, который с переменным успехом длился несколько лет. Это был ее однокурсник, высокий, смуглый парень, которому нравились веселые пирушки. «Он был рядовой студент, — говорит Иветт, — она же была сильная личность. Мне всегда казалось, что он для нее простоват. Помнится, еще в Эксетере они были на грани разрыва».

На последнем курсе, в марте 1987 г., Джоанна вызвалась участвовать в подготовке ежегодной театральной постановки на французском языке, которую режиссировал Мартин Соррелл. Пьеса французского драматурга Обалдии, шуточная философская фантазия, называлась «Сельский космонавт». Джоанна была назначена костюмером. «Я бы назвал это хорошим, веселым, динамичным спектаклем, — говорит профессор Соррелл. — В самый раз для студентов, потому что пьеса не слишком длинная и в ней всего три персонажа: четырехлетняя девочка, которую играла студентка Клэр Вудкок, и ее родители. Девочка — космонавт, и однажды она исчезает. Тогда родители пускаются в философские дискуссии. Есть в этом некая сумасшедшинка».

Джоанна очень серьезно относилась к своим обязанностям и присутствовала на всех репетициях. «Ей была поручена ответственная работа, потому что костюмы играют далеко не последнюю роль, — вспоминает профессор Соррелл. — Дольше всего она возилась с костюмом Клэр, космонавта. Получилось нечто потрясающее: серебристый комбинезон, белый шлем и аппарат для искусственного дыхания. Меня поразило, что Джоанна решила участвовать в постановке, — некоторым студентам все безразлично, другие сначала соглашаются, а потом на них нельзя положиться... Но тогда все прошло хорошо, и костюмы были великолепны».

Спектакль шел три вечера в театре Св. Луки, тоже на территории студенческого городка, только в другой его части. Зал всегда был полон, что довольно удивительно, учитывая, что пьеса была полностью на французском языке.

Еще одной заботой Джоанны в тот период была диссертация, необходимая для присвоения степени, — эссе из 3000 слов на французском языке. «Это проверка на умение организовать их в

слаженный текст», — говорит профессор Соррелл. Его коллега профессор Кэмерон добавляет: «Судя по всему, Джоанне лучше удавалось то, во что она вкладывала душу, поэтому ее диссертация была настоящим шедевром».

В конце последнего курса Джоанне предстояло еще одно испытание: выпускные экзамены. И готовилась к ним она совсем не так, как Гер**мионa** Грэйнджер. Рассказывает Иветт Каулес: **«Я не** помню, чтобы Джоанна была особенно при**лежной** студенткой. Она всегда любила книги, была очень начитанной и, наверное, поэтому ко всему подходила несколько иначе, чем требовали в университете».

Джоанна много времени проводила в библиотеке. Выбор был самый богатый. В университете более миллиона книг, и только около 600 ООО — в главном корпусе студенческого городка. Джоанну интересовала прежде всего английская литература, а не выбранная специализация — французский язык. Она постоянно забывала возвращать книги в библиотеку, и за просроченные задолженности у нее накопился штраф 50£ (75$) — довольно приличная для студентки сумма.

Среди книг, прочитанных Джоанной в университетские годы, был «Властелин колец», знаменитый роман-фэнтези оксфордского профессора Дж. Р. Р. Толкиена. Джоанна очень полюбила эту сагу, и с годами толстый том, где были собраны все три книги, сильно поистрепался. Поклонники творчества Джоанны любят проводить параллели между «Гарри Поттером» и эпосом Толкиена. И там, и там главная тема — извечный конфликт добра со злом в относительно упрощенной, «черно-белой» форме. Толкиен был человек науки, филолог (лингвист), профессор, специалист по средневековой литературе. Он, в чем впоследствии признавалась и Джоанна, стремился к созданию оригинального мифологического жанра.

Звучные имена героев, названия животных и предметов отличаются вычурностью и экзотичностью: Арагорн, Гнилоуст (Wormtongue), Бильбо Торбинс. То же можно сказать и о персонажах книг о Поттере: Арагог, Червехвост (Wormtail), Дадли Дарсли. Главные герои и у Роллинг, и у Толкиена — Гарри и Фродо — простодушные и наивные сироты, которым не повезло с близкими родственниками. И каждый из авторов препоручает своего героя заботам отечески доброго и мудрого наставника, который, не вмешиваясь в дела своего подопечного, в любой момент готов прийти к нему на помощь. Для Гарри таким наставником стал Дамблдор, а для Фродо — Гэндальф. И в том, и другом случае в роли врага выступает «Темный Лорд»: Саурон во «Властелине колец» и Волан-де-Морт (Вольдеморт) — в «Гарри

Поттере». В обоих произведениях Темный Лорд лишается власти и медленно возвращает себе былую силу. И оба героя побеждают зло не своим могуществом и колдовскими чарами, а силой духа и добротой. Фродо силен тем, что не поддается соблазну завладеть магией кольца. А Гарри Поттер в «Философском камне» одерживает победу над Волан-де-Мортом своей решимостью спасти волшебный камень и вернуть его Дамблдору, а не присвоить себе.

У Гнилоуста много общего с Червехвостом. Гнилоуст, вкравшись в доверие к конунгу Тео- дену, становится его правой рукой, чтобы влиять на него и выведывать важные тайны. Червехвост — также известный как Питер Петтигрю — принимает обличье крысы и становится домашним питомцем Уизли, чтобы быть в курсе всего, что происходит в мире магов. В итоге и Гнилоуст, и Червехвост, эти слабые и трусливые приспешники Темного Лорда, открывают свое истинное лицо.

Вряд ли может удивить тематическое сходство двух произведений, где сюжет построен на волшебстве и мифологии. Но некоторые параллели особенно очевидны. Так, во «Властелине колец» есть черные всадники-Кольценосцы в капюшонах, а в «Узнике Азкабана» — Дементоры, тоже черные, тоже в капюшонах. И те, и другие на главных героев оказывают похожее воздействие: «У Гарри перехватило дыхание. Ледяной холод проникал под кожу, впиваясь в грудь, в самое сердце...» А у Толкиена: «Старая рана заныла от боли, и мертвенный холод подступил к сердцу Фродо».

Опять же, в «Философском камне» Гарри находит Зеркало Еиналеж, которое, как объясняет ему Дамблдор, «показывает нам не больше и не меньше, как наши самые сокровенные, самые отчаянные желания». А в книге «Братство кольца» Фродо заглядывает в зеркало Галадриэли. Царица эльфов говорит ему: «По моей воле Магическое Зеркало явит вам все, что вы пожелаете увидеть».

Джоанна Ролинг утверждает, что самое большое влияние на «Гарри Поттера» оказал «Белый

Жеребенок». Как и все талантливые писатели, она вбирает идеи других авторов, будь то Толкиен, Джейн Остин или Элизабет Гудж, которые питают ее воображение. На вопрос о влиянии творчества Толкиена на «Гарри Поттера» она ответила: «Думаю, если не принимать во внимание пересекающиеся моменты: драконов, волшебные палочки, магов, — повести о Гарри Поттере совсем другие, особенно в плане стиля. Толкиен — чистой воды мифология. Вряд ли кто-то возьмется утверждать то же и о моих книгах. К тому же, у Толкиена нет Дадли».

Со времени первого знакомства Джоанны с «Властелином колец» до появления Гарри Поттера прошло больше пяти лет. Несомненно, влияние произведения оксфордского автора очевидно. Но, впрочем, то, же можно сказать и о других книгах ее детства и юности. «Гарри Поттер», между прочим, очень веселая книга, а у Толкиена нет искрометного юмора Ролинг. Трудно представить себе профессора филологии, работающего над эпизодом с продавцом книг из «Узника Азкабана»: «Это бедлам. Я думал, худшее уже произошло, когда мы купили двести экземпляров «Невидимой Книги Невидимости» — они стоили целое состояние, а потом мы их так и не нашли».

Годы, проведенные в Эксетере, оставили У Джоанны самые приятные воспоминания, и повести о Гарри Поттере насыщены деталями, связанными с графством Девоншир и студенческой жизнью. Так, в «Философском камне» изобретатель эликсира жизни, Николас Флэмел, доживает в Девоншире до весьма преклонного возраста — 665 лет. Семейство Уизли ютится в домишке- развалюхе в деревне Оттери-Сент-Кэтчпоул. Один из эпизодических персонажей, профессор Бинс, по собственному признанию Джоанны, был целиком «списан» с преподавателя классического отделения университета. Бинс однажды уснул у камина в учительской и умер, а потом, не заметив этого, пошел на урок, а тело так и осталось сидеть в кресле. Его привидение продолжает вести уроки истории волшебства, и «тоскливее этого предмета не было» во всем Хогвартсе: «Мистер Бинс открыл свои записи и давай скрипеть, как немазаная телега; класс скоро впал в дремоту...»

Джоанна сдала выпускные экзамены, получив «2:2» — довольно посредственный балл для студентки с ее способностями. Возможно, она бы училась лучше на английском отделении, однако ее научный руководитель Мартин Соррелл говорит, что не замечал, чтобы «эта оценка повлияла на ее дальнейшую судьбу. С точки зрения личных амбиций писателя, как мне кажется, совершенно не имеет значения степень, полученная на отделении английского языка».

Церемония присвоения ученой степени состоялась погожим летним днем 1987 г. Все девушки Оделись в стиле «Слоун Рэйнджер» — в элегантные «маленькие черные платья», а юноши, в строгих костюмах, но с прическами под «Дюран-Дюран», выглядели довольно нелепо. Пит и Энн (в инвалидной коляске) пришли поаплодировать дочери. В этот день им было чем гордиться. Когда назвали имя Джоанны, она уверенной походкой прошла на сцену, где сэр Рекс Ричардс, президент университета, вручил ей свидетельство об образовании.

В тот день одной из удостоенных почетной степени доктора литературы стала Гленда Джексон, которая в благодарственной речи сказала, что для нее это большая награда, чем все актерские премии. Ее история поучительна для тех, кто с детства был лишен сословных привилегий. В шестнадцать лет Гленда бросила школу и устроилась помощницей продавца в магазин «Бутс». К окончанию университета она уже снималась в фильмах Кена Рассела, но вскоре отказалась от карьеры актрисы и окунулась в политику. В 1992 г. она стала членом парламента.

Джоанне посчастливилось, как и мисс Джексон, получить почетную степень выпускницы университета Эксетера. «Очевидно, она просто ждала своего часа», — говорит Мартин Соррелл.

Но тогда ее час еще не пробил.

★

Состояние Энн Ролинг значительно ухудшилось. На улицу она выезжала только в инвалидной коляске, а по дому к тому времени, когда

Джоанна закончила университет, передвигалась при помощи костылей. Татшиллский мясник Джефф Роузер, который часто по дороге заносил ей все необходимое в Черч-Коттедж, вспоминает, **что** Энн непременно спрашивала его: «Вы уверены, что вам это не сложно?» Энн в деревне уважали и относились к ней с сочувствием.

У Джоанны начинался переломный период. Она записалась на курсы секретарей, владеющих иностранным языком (в данном случае французским), но секретарь из нее, по ее собственному признанию, получился «кошмарный». После Эксетера она вместе с несколькими университетскими подругами снимала квартиру в Клэфеме, на юго-западе Лондона, и еле-еле сводила концы с концами, чуть ли не еженедельно меняя место работы. Один раз Джоанна устроилась в издательство, где ее обязанности заключались в рассылке авторам уведомлений об отказе. Но за это время она, по крайней мере, научилась быстро печатать, что впоследствии ей очень пригодилось.

Родители не зря беспокоились о будущем Джоанны. Они были практичными людьми, и Энн, естественно, переживала, что ничем не может помочь дочери. Какое-то время Джоанна работала в лондонском офисе Международного движения за амнистию. Сперва она была исполнена энтузиазма, но затем, не наблюдая конкретных результатов своей деятельности, разочаровалась в работе. «Джо — идеалистка, — говорит Иветт Каулес, — я помню, как горько ей было расставаться со своими иллюзиями. Не думаю, чтобы ее там все устраивало». Ролинг работала в Африканском отделе, изучавшем проблемы нарушения

прав человека в франкоговорящих странах, но чувствовала, что это занятие не для нее. Когда сотрудники шли обедать в паб, Джоанна под любым предлогом устремлялась в противоположном направлении, чтобы найти укромное местечко, где можно было спокойно поработать над начатым ею взрослым романом. Настал момент, когда ее отговорки стали настолько неубедительны, что коллеги начали интересоваться, к кому это она бегает на свидания в обеденное время. Ни один из двух романов, написанных Джоанной до двадцати пяти лет, не увидел свет, но зато у нее появилась привычка делать пометки и записи в кафе и барах, что сослужило ей хорошую службу в процессе работы над «Гарри Поттером».

Джоанна изобрела новый способ уединения. Ее родители никогда не понимали классической музыки, в их коллекции дисков не было ни одного «серьезного» произведения, а Джоанна любила классику. Она сама воспитывала свой вкус путем проб и ошибок, покупая и прослушивая самые разные записи. Одним из ее любимых произведений стала соната для фортепьяно «Аппассионата» Бетховена, и она постоянно слушала ее, когда работала секретарем-машинисткой. «Так окружающие оставляли меня в покое. Я надевала наушники и притворялась, что печатаю».

Парень, с которым она встречалась в Эксетере, перебрался в Манчестер, и Джоанна последовала за ним. Это было не самым удачным решением в ее жизни, началом, как она сама говорила, «года несчастий», но за ним последовал момент озарения, который изменил всю ее судьбу. «Если бы мне представилась возможность вернуть прошлое, — говорит Джоанна, — я бы оставила все как есть. Я ни о чем не жалею: ни о переезде в Манчестер, ни о работе в офисе, ни о том, что начала писать тот ужасный роман».

Джоанна пребывала не в самом чудесном настроении, когда битые сорок минут глазела из окна вагона на однообразные сельские пейзажи, возвращаясь поездом в Лондон после недели безрезультатных поисков квартиры в Манчестере. Ей было о чем подумать: и о себе — стоило ли уезжать из Лондона, и о том, что происходит дома, в Черч-Коттедже, — как там мама, как идут дела у отца. Может быть, она вспоминала паб «Черная Лошадь», кофейню «Девоншир- Хаус», беззаботные студенческие годы. Но нет, она размышляла не о том, ибо Джоанна Ролинг всегда грезила наяву. Вот и теперь, когда перед ее глазами проплывали пятнистые, черные с белым, коровы, она думала о мальчике, которого поезд увозит в школу волшебников: «Образ Гарри Поттера возник внезапно. Сама не знаю, как и почему. Но мне

совершенно отчетливо представился Гарри, школа волшебников. И тут же родился замысел истории о мальчике, который не знает, кто он, не догадывается, что он волшебник, пока не получает приглашение в школу магов. Еще ни одна идея не вызывала во мне такого воодушевления».

Как ни странно, в тот июньский вечер у Джоанны, к ее огорчению, не оказалось под рукой ни ручки, ни бумаги, поэтому она просто закрыла глаза, и перед ее мысленным взором вставали новые образы. Она думала о Гарри, хотя тогда еще не дала ему имени, представляла себе школу и людей, с которыми его сведет судьба. В беседе с Линдси Фрэзер Джоанна сказала, что к концу поездки она уже придумала Рона Уизли, похожего на Шона Харриса, лесничего Хагрида, с которым, по ее словам, ей больше всего хотелось бы встретиться в реальной жизни, и школьных призраков — Почти Безголового Ника и Пивза. Сначала она еще не представляла, как назовет всех этих персонажей. Имена появились позже, из различных источников — газет, словарей, справочников.

Больше всего Джоанна размышляла о школе, о том, какой она может быть. Она решила, что школа будет находиться в Шотландии, потому что с этим краем многое связывало ее родителей, и еще там есть нехоженые тропы и дуют сильные ветра. Это будет замок, но не из тех, что она видела. Хогвартс — это смешение разных стилей. Тинтернское аббатство близ Чепстоу, университетское общежитие Томас-Холл плюс макет проекта новой школы, установленный в главном **холле** Уайдена, когда ей было тринадцать, может **быть,** еще кое-что — вот так и появился знаме**нитый** Хогвартс. Позже, сидя у себя в комнате, **Джоанна** лихорадочно заносила все, что помни**лось с** поезда, в тощий дешевый блокнот. Это **стало** первой рукописью «Гарри Поттера».

Нельзя сказать, что Гарри Поттер сразу же стал единственной страстью Джоанны. Тогда, в июне 1990 г., до выхода в свет первой книги оставалось еще семь лет. Но это скрашивало унылые будни, спасало в минуты, казалось бы, безысходного отчаяния. Джоанна устроилась на временную работу секретарем в Манчестерскую торговую палату и к концу года все же перебралась из Лондона в Манчестер. В Торговой палате, несмотря на усердные поиски, не смогли найти никаких данных о Джоанне, будто ее там никогда и не было. Проработавшие там двадцать лет сотрудники, включая горячих поклонников «Гарри Поттера», тоже не помнят ее. Потом какое-то время Джоанна работала в университете Манчестера.

И все это время Джоанне помогал мальчик-волшебник. Вскоре коробка из-под туфель уже доверху наполнилась записями

для будущей саги. Многие авторы считают такой метод сочинительства лучшей писательской забавой — следовать своим творческим порывам и затем смотреть, что получилось. Джоанна уже решила, что напишет семь книг: не слишком ли самоуверенно, говорят некоторые, для неопубликованного автора? Но в этом есть свой смысл — по одной книге на каждый год учебы Гарри в Хогвартсе. Да, она наконец придумала имя для своего героя. «Из мужских имен я всегда предпочитала имя «Гарри», а «Поттер» — это фамилия семьи, с которой мы жили по соседству, когда мне было семь лет. Мне нравилась эта фамилия, и я решила позаимствовать ее». Варианты имен других персонажей Джоанна собирала с большим рвением и тоже складывала в коробку, например, «Дамблдор» — это древнеанглийское слово, означающее «шмель», которое встречается в «Мэре Кастербриджа» Томаса Харди.

Несмотря на все это, Гарри Поттер в тот год был не самым значительным событием в жизни Джоанны. 30 декабря 1990 г. умерла Энн Ролинг. Ей было всего сорок пять. Джоанна перед самым Рождеством ездила домой. «Мама выглядела очень худой и изможденной. Не знаю, как только я не догадалась, насколько она больна. Наверное, это потому, что я столько времени наблюдала, как болезнь постепенно подтачивает ее силы, и в тот раз произошедшая в ней перемена была не столь очевидна». Джоанна, как всегда, сказала маме «до свидания», не подозревая, что видится с ней в последний раз, и в канун Рождества уехала из Татшилла, чтобы встретить праздник со своим приятелем и его семьей. В канун Нового года ее разбудили в 7.30 утра: ей звонил папа. Это показалось ей странным, и она тут же почувствовала неладное. Взяв трубку, Джоанна уже инстинктивно поняла, что произошло. «Я до сих пор не могу писать о маме без слез».

Энн умерла очень тихо, у себя дома, после десятилетней борьбы с болезнью. Пит Ролинг уже в третий раз уведомил чиновников о смерти в семье: сначала была его мать Кэтлин, потом отец Эрни и вот теперь жена Энн. Энн никогда не выражала желания быть похороненной во дворе церкви, рядом со своим домом, предпочитая кремацию. Процедура кремации состоялась в крематории Глостера в тридцати милях от Татшилла; присутствовали лишь близкие друзья и родственники. Пита с дочерьми отвез туда Питер — бывший муж Ширли Неттлшип, который стал хорошим другом семьи Ролингов. Не успели попрощаться с Энн ее сестра Мэриан с мужем Лесли. Они задержались в дорожной пробке из-за аварии на трассе и приехали, когда печальная церемония уже завершилась. Естественно, это очень их расстроило.

Смерть матери оставила глубокий отпечаток в душе Джоанны Ролинг. Это не только перевернуло всю ее жизнь, но и изменило судьбу Гарри Поттера. Сначала она была просто как потерянная. Затем, так и не оправившись от горя, вернулась в Манчестер. Но там ее ожидало лишь никчемное существование и разлагающиеся любовные отношения. В очередном приступе тоски она отправилась в паб, а потом заказала себе комнату в маленьком отеле в Дидсбери, пригороде Манчестера.

Вечер не прошел впустую. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, Джоанна решила, что неплохо бы придумать для учеников Хогвартса какую-нибудь забавную спортивную игру. Так появился квиддич — необычная игра с несколькими мячами. Название придумала сама Джоанна, на этот раз без всяких атласов.

Когда писательница подбирала имя для м-ра Дарсли-младшего, то сначала чуть было не назвала его Дидсбери. Поразмыслив, она решила, что не стоит незаслуженно обижать жителей манчестерского пригорода, где она изобрела квиддич. Джоанна по принципу аллитерации[16] в итоге остановилась на Дадли, хотя один бог знает, чем уж так провинился этот городок Средней Англии, что в его честь был поименован этот несносный, как его величает тетя Мардж, «Даддер».

Своей маме Джоанна посвятила главу «Зеркало Еиналеж» в «Философском камне», наверное, самую известную из всех глав «Гарри Поттера», которой, по словам самой писательницы, она гордится больше всего. Это очень трогательный момент. Еиналеж — это волшебное зеркало, которое отражает — как объяснил Гарри Поттеру Дамблдор — «не больше и не меньше, как наши самые сокровенные, самые отчаянные желания».

Гарри видит в зеркале своих родителей, улыбающуюся сквозь слезы маму. «Его переполнило очень странное, не испытанное доселе чувство — радость, смешанная с ужасной грустью». «Когда я перечитывала эту главу, — говорит Джоанна, — я поняла, что передала Гарри собственные переживания и тоску по умершей маме».

Если бы Джоанна заглянула в Зеркало Еиналеж, она бы наверняка увидела в нем Энн. В интервью одному журналу она поделилась с читателями самым своим сокровенным желанием: хотя бы на пять минут увидеться с мамой, чтобы рассказать ей все свои новости. «Я бы болтала без умолку, а когда бы пять минут истекли, поняла бы, что не спросила ее, каково это, быть мертвой. Что за детский эгоизм, правда?»

С точки зрения сюжета образ сироты облегчал задачу писательницы. Родители не вмешиваются в жизнь Гарри, мальчик

предоставлен сам себе и может оставаться в школе на каникулы. В каком-то смысле после смерти матери Джоанна сама осиротела. Именно этому Гарри как персонаж обязан более серьезной, глубокой стороной своего характера. Все, кто знал Энн Ролинг, улавливают в первой книге стремление Джоанны воздать дань любви и признательности своей матери. «Эти книги — отражение нравственных ценностей Энн и Пита, — говорит Джон Неттлшип. — У родителей Джоанны были очень твердые жизненные принципы и сильно развитое чувство ответственности и справедливости. Я всегда считал их очень достойными людьми, и в «Гарри Поттере» мне нравится именно то, что он отражает семейную этику Ролингов».

«Вполне очевидно, что эти повести — отголосок детства Джоанны. Не то чтобы она считала себя обязанной написать их в память о матери. Вовсе нет. Джоанна говорила, что, перечитывая уже готовую первую книгу, «Философский камень», обнаружила в ней очень многое, так или иначе связанное с мамой. То же подумали и мы с Ширли. В книге все время ощущается незримое присутствие ее матери, угадывается ее образ мыслей».

Именно материнская любовь спасла маленького Гарри от чар злобного Волан-де-Морта, вознамерившегося погубить его. В «Тайной комнате» Гарри говорит Темному Лорду: «Мне ясно, почему ты не можешь меня убить. Моя мама отдала жизнь, чтобы спасти меня».

Прошло совсем мало времени после похорон Энн, когда в манчестерской квартире Джоанны побывали воры и унесли с собой то немногое, что осталось у нее в память о маме. Это стало последней каплей. Девушка так и не смогла прижиться в Манчестере. В университетском романе тоже, наконец, была поставлена последняя точка. Пришло время двигаться дальше.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Любовь в теплом климате

«Мне кажется,
Джоанне не везло в любви»

В

газете «Гардиан» на глаза Джоанне попало коротенькое объявление: «В португальскую школу приглашаем учителей английского языка». У Джоанны уже был некоторый опыт преподавания, накопленный за год языковой практики в Париже, и ей подумалось, что Португалия — это как раз то место, куда захотела бы поехать Джессика Митфорд. Девушка отправила свое резюме с сопроводительным письмом, где объяснила, почему ей хочется преподавать в Португалии, и сообщила контактный номер телефона. Объявление поместил Стив Кэссиди, директор школы

английского языка «Энкаунтер» в Порто. В заграничном штате учителей английского была большая «текучка», поэтому он каждый год подбирал трех-четырех новых преподавателей из примерно сорока кандидатов.

Вернувшись в Англию, чтобы навестить свою семью в Бернсли, Кэссиди заодно обзвонил нескольких кандидатов и договорился о собеседовании. Джоанне он назначил встречу в отеле рядом с железнодорожной станцией в Лидсе. «Мы пили кофе и болтали, — вспоминает он. — Из-за густо подведенных глаз вид у нее был немного вызывающий. Она чем-то напоминала Мортицию из семейки Аддамс. Ее характеристики оказались не самыми лучшими, но все же я решил, что она нам подойдет. Джоанна была немного застенчива, а тогда она мне показалась к тому же очень грустной. Помнится, у нее незадолго до того умерла мама».

Кэссиди объяснил Джоанне, что ей придется преподавать английский всех уровней, от элементарного до высшего. Потом рассказал немного о Порто, хотя девушка уже самостоятельно прочитала кое-что об этом, втором по величине городе Португалии. Среди туристов этот регион славится прежде всего своими портвейнами. Здесь производятся все известные марки, представленные в винных магазинах и питейных заведениях. И их все можно продегустировать, побывав на экскурсиях местных филиалах «Тэйлоре», «Сандеман», «Грэхеме» и других производителей вин. Жители Порто очень гордятся наследием предков, но компании по производству портвейна были основаны семьями англичан. Фактически Порто получил прозвание Invicta[17] из-за **того,** что город долго отказывался признавать **власть** португальского короля.

Один из самых знаменитых в прошлом жителей города — Генрих Мореплаватель, который в пятнадцатом веке не раз возглавлял морские исследовательские экспедиции к берегам Африки. Говорят, в Порто родился и Фернандо Магеллан, совершивший первое кругосветное плавание, хотя историки пока не подтверждают этого факта.

Итак, Джоанна получила работу. Она с нетерпением ждала начала нового увлекательного приключения. Отец переехал из Черч-Коттеджа в Чепстоу и стал понемногу оправляться после смерти жены. Ди работала медсестрой в Эдинбурге. Джоанна без сожаления расставалась с Англией. Вещей с собой она везла немного, но записи для будущего «Гарри Поттера» не забыла захватить все до единой.

Холодным и хмурым ноябрьским утром Джоанна вылетела из Манчестера. И вот под крылом самолета засверкали воды бегущей

на запад Рио- Дуэро, «Золотой реки», впадающей в Атлантический океан. В устье ее, в очень живописном месте, и находится Порто. В аэропорту Джоанну встречал Стив Кэссиди, от которого, как от любого англичанина, живущего за границей, веяло внутренней раскрепощенностью.

На земле город Порто производит не столь захватывающее впечатление, как с воздуха: сплошной поток машин, невзрачные, промышленного типа здания. Квартиру Джоанне искать не пришлось. Стив размещал всех вновь прибывших преподавателей в просторных четырехспальных апартаментах над аптекой «Фармасья да Прелада» на улице Сентраль де Франкос.

Джоанне повезло: две новые учительницы, которых поселили вместе с ней, были почти ее ровесницами, и она быстро нашла с ними общий язык. Эйне Кьели, веселая ирландка из Корка, и Джилл Прюитт, эмансипированная молодая англичанка, стали ее близкими подругами. Они оказали Джоанне неоценимую помощь и поддержку, когда жизнь ее в Порто дала трещину. Именно им писательница посвятила третью книгу про Гарри Поттера, «Узник Азкабана»: «Джилл Прюитт и Эйне Кьели, крестным свинга». Это посвящение ввело в заблуждение многих, поскольку не имело никакого отношения к свингу как направлению в музыке, а было данью памяти о тех веселых субботних вечерах, когда три беззаботных девушки радовались жизни, хорошему вину и приятной компании.

«Свинг» — это диско-бар, один из самых первых в Португалии. Расположен он не слишком удачно — рядом с торговым центром, вдалеке от Дуэро и районов, посещаемых туристами. Улица, в начале которой он находится, названа в честь знаменитого писателя Хулио Диниша, родом из Порто, автора «Учеников настоятеля» и «Английской семьи». Во многих континентальных городах наверняка найдется заведение, похожее на «Свинг»: неприметная дверь в ряду лавочек и магазинов, ступени, сбегающие вниз; большой, сумрачный, напоминающий пещеру зал, пять баров; полузабытые, давно вышедшие из моды британские хиты. Здесь собиралась пятнадцати-двадцатилетняя молодежь, в основном девицы навеселе и крутые парни, изображающие из себя латиноамериканских мачо. Подруги-учительницы немного перезрели для «Свинга», но им нравилась здешняя атмосфера. Бармэн записывал заказы на напитки на карточке, счет погашался перед уходом. Сидели всю ночь, пока под утро местные вышибалы не начинали выпроваживать подгулявшую публику. Джоанна быстро выяснила, что настоящее веселье начинается в Порто не раньше часа ночи.

Девушки сдружились с Марией Инес Агиар, заместителем

директора английской школы «Энкаунтер», — жгучей брюнеткой с пылким сердцем. Они завели обычай сидеть в кафетерии «Лабареда» по соседству со зданием школьной администрации на Авенида-де-Фернао-Магальяеш (авеню Фернандо Магеллана) и болтать обо всем на свете. Мария Инес помогала девушкам с португальским, хотя, по ее мнению, Джоанне язык давался плохо. «Джоанна была нервная, — вспоминает она, — очень беспокойная, ей никогда не сиделось на месте. В ее истерическом смехе иногда было даже что-то жуткое. Мне кажется, она была несчастлива. Как будто ей все время чего- то не хватало. Однажды она попросила меня по

знакомить ее с каким-нибудь парнем. Я думаю, Джоанне не везло в любви».

Мария Инес сыграла примечательную роль в цепи событий; коренным образом изменивших всю жизнь Джоанны, но до этого было еще далеко — целых восемнадцать месяцев. А пока же девушка наслаждалась приятным времяпрепровождением. Стив считает Порто очень гостеприимным, дружелюбным и, по английским представлениям, относительно спокойным и безопасным городом. «Может быть, кому-то он покажется чересчур тихим, — говорит он, — но только не тому, кто вырос в Татшилле, где в ближайшем городке даже не было кинотеатра». В Энкаунтер-скул был очень дружный, сплоченный коллектив; девушки даже играли в школьной футбольной команде. Джоанну, которая с детства не блистала в спорте, выбрали главой группы поддержки.

Тоска по дому, особенно острая в первое Рождество на чужбине, немного поутихла благодаря незабываемой рождественской вечеринке, устроенной Стивом в баре «Бонанца». Работа отнимала не слишком много времени. «Эйне была талантливым педагогом, — вспоминает Стив, — да и Джоанна тоже хорошо справлялась со своими обязанностями, пока не начались неприятности. Она была очень эмоциональной». Уроки, как правило, начинались в пять и заканчивались в десять вечера, плюс пара утренних часов в субботу, так что у Джоанны была масса свободного

времени — она уединялась в компьютерном классе и перепечатывала записи для «Гарри Поттера». Стив и Мария Инес говорят, что никогда не видели, чтобы кто-либо так быстро печатал: «Она печатала со скоростью света». Еще Джоанна много рисовала (пером и карандашом) и в совершенстве овладела техникой графики.

Днем, сидя в каком-нибудь кафе или баре, которые в Порто встречаются на каждом шагу, Джоанна предавалась своему

любимому занятию: сочиняла и тут же записывала все, что приходило в голову. Чаще всего она бывала в «Мажестик» на Руа-де-Санта-Катарина. «Мажестик» — оазис тишины и покоя, уютное кафе в модернистском стиле, с белыми мраморными столешницами, резными деревянными стульями, канделябрами и большим пианино, на котором время от времени играют посетители. Джоанна садилась за столик, закуривала и, потягивая крепкий португальский кофе, погружалась в сладкие грезы. В Порто множество мест, где вас накормят почти за бесценок, но «Мажестик» обладал особым очарованием. Здесь женщины могли встречаться, чтобы поболтать и при этом быть уверенными, что их никто и ничто не потревожит. Обычно Джоанна забегала сюда в первой половине дня, потом садилась в автобус и ехала в Энкаунтер, где до уроков перепечатывала свои записи.

Иногда для разнообразия она отправлялась в Паласио Кристаль, дивный парк почти в центре города. В хорошую погоду Джоанна устраивалась под деревом с чашкой каппуччино или, после бессонной ночи, крепкого эспрессо, и под крики королевских павлинов любовалась декоративным прудиком с утками.

В Порто влюбляешься не сразу. Стив Кэссиди, проживший там более двадцати лет и женатый на португалке, говорит: «Чтобы узнать Порто, нужно время. В первый раз я приехал сюда в ноябре, на четыре месяца. Лиссабон — изумительно красивый город, по сравнению с которым Порто может показаться простоватым. Но зато у Порто богатая история». Есть одна местная поговорка: «Коимбра учится, Брага молится, Лиссабон пускает пыль в глаза, а Порто работает». Но в то же время у Порто — романтичная душа, особенно ночью, когда лунный свет вырывает из темноты силуэты голубей, взмывающих над церковными шпилями. И еще здесь есть Рибейро, «Речной Берег», самый красивый район города, куда по вечерам отправлялись Джоанна, Эйне и Джилл поужинать пиццей, выпить дешевого вина и полюбоваться закатом над Дуэро. «Рибейро вдохновляет», — говорит Мария Инес.

Какую бы роль ни сыграл Порто в судьбе Джоанны, он прежде всего подарил ей эмоциональную свободу, раскрепостил ее дух, томившийся в оковах Татшилла, тепличной среде Эксетера и безликих офисах, где работала Джоанна до отъезда в Португалию.

Вечер, перевернувший жизнь Джоанны, начинался как обычно. Был март. Уже пять месяцев как Джоанна жила в Порто. Вместе с Эйне и Джилл они забрели в «Лабареда» и заказали по стаканчику вина. Затем подруги решили податься в Рибейро, в

какой-нибудь бар, а может быть, ночной клуб. Выбор они остановили на «Мейя Кава», где, по словам Марии Инес, «можно было слегка посходить с ума, выпить и подцепить кого-нибудь». Заведение находилось в двух ярдах от набережной, где на маленьком квадратном пятачке, уставленном столами и стульями, за кружкой пива или чашечкой кофе прохлаждаются веселые компании и влюбленные парочки. У «Мейя Кава» темно-зеленая дверь без всяких вывесок. Внизу бар с приятной обстановкой и джазовой музыкой, наверху — дискотека. Джоанна и «крестные» решили устроиться внизу. В тот вечер там же проводил время один молодой португалец, студент-журналист, который забрел сюда с друзьями по чистой случайности. «Вошла девушка с самыми красивыми голубыми глазами на свете», — вспоминает он.

Хорхе Арантес не мог отвести взгляда от Джоанны, которая со своими светло-каштановыми волосами и ярким макияжем резко отличалась от португальских девушек. Местным парням всегда нравились англичанки, и красавец-атлет Хорхе не был исключением. Мария Инес объясняет все просто: «Наши мужчины — мачо, а английские девушки уступчивы». Сама Джоанна никогда не говорит о том страстном, бурном романе, который начался в ту ночь. Зато Хорхе, после того как Джоанна стала знаменитой, много чего порассказал Дэннису Райсу из «Дэйли Экспресс», который хорошо заплатил ему за воспоминания.

И Джоанна, и Хорхе как-то сразу поняли, что это не просто обычный флирт в ночном баре, а нечто большее. Джоанна почти не говорила по- португальски, но Хорхе достаточно хорошо владел английским. Выяснилось, что оба любят читать. В то время девушка перечитывала «Чувство и разум» Джейн Остин, одну из своих любимых книг, которую, как оказалось, читал и Хорхе, а этим могли похвастаться далеко не все молодые португальцы, развлекавшиеся тем вечером в районе Рибейро. «Нам была приятна компания друг друга, и мы проговорили по меньшей мере часа два. Расставаясь, поцеловались и обменялись телефонами».

Хорхе, не желая показаться слишком настырным, позвонил не сразу, а только через два дня, и они договорились о встрече. «Даже не сознавая, что происходит, мы пошли ко мне и провели вместе ночь. В этом не было ничего предосудительного: мы оба были молоды, самостоятельны и наслаждались жизнью».

По словам Хорхе, он понял, чем все обернется, уже через несколько дней. Джоанна случайно увидела его в другом баре, где он сидел с девушкой-датчанкой. Отозвав своего нового любовника в сторону, она тихо сказала: «Хорхе, если между нами

что-нибудь будет, я не стану делить тебя ни с кем». Было ясно, что она не собиралась становиться «одной из многих». Если на первых порах Джоанна проявляла некие признаки ревности, то со временем их друзья заметили, что они с Хорхе поменялись ролями. Это были очень непростые отношения.

Вскоре любовники стали проводить вместе почти каждую ночь. Днем Хорхе встречался с Джоанной в кафе «Мажестик» или кафетерии «Лабареда» возле ее работы. (На Стива Кэссиди Хорхе, зашедший как-то в Энкаунтер, не произвел большого впечатления: «Он мне не понравился. Даже внешне. И манеры у него были грубоватые*.) Говорили о литературе. У Джоанны всегда был при себе «Властелин колец», которого она впервые прочитала в девятнадцать лет и среди немногих книг привезла с собой в Португалию. Мария Инес вспоминает, что она постоянно носила книгу с собой, и даже Хорхе порой не мог заставить ее оторваться от чтения.

Хорхе узнал о Гарри Поттере и прочитал ворох записей Джоанны и все перепечатанные листы, которые вошли в первую книгу. Он всегда с преувеличенным восторгом отзывался о сочинении Джоанны: «Мне сразу стало ясно, что это гениальное произведение. Как-то раз, помнится, я даже сказал Джоанне: «Ух ты, да у меня любовь с великой писательницей!» По его словам, именно тогда Джоанна задумала написать семь книг.

Хорхе, который сам тешил себя надеждой стать писателем, уверяет, что первым прочитал полную рукопись «Гарри Поттера» и внес некоторые предложения. Но Джоанна в один из редких моментов откровенности заявила: «Он имеет такое же отношение к «Гарри Поттеру», как я — к «Истории двух городов». У Хорхе, однако, сохранилось страниц двадцать рукописного текста, но это доказывает лишь то, что Джоанне эти записи, видимо, были больше не нужны. Хотя, скорее всего, эти двое все же обсуждали будущую книгу: они, как-никак, жили вместе, и было бы странно, если бы любящие люди не делились друг с другом своими мечтами, надеждами, планами. Мария Инес считает, что все было так: «Идеи принадлежали Джоанне, а силы действовать дальше давал ей Хорхе, с ним она не чувствовала себя несчастной».

В повестях о Гарри Поттере не прослеживается очевидного влияния португальского периода. На мощеных улочках и узких аллеях, ведущих в Рибейро, множество очаровательных магазинчиков, совсем как на Аллее Диагон. Но с тем же успехом моделью волшебного квартала в «Гарри Поттере» мог стать и Эксетер с его уютными аллейками вокруг кафедрального собора. И все же между книгами Джоанны и Португалией есть некая связь. К примеру, стихотворение «Pedra Filosofal» («Философский

камень»), автор которого — Антонио Жедеао (Gedeao). Это псевдоним Ромуло Карвальо, талантливого преподавателя физики и химии и одного из самых известных португальских писателей, чьи произведения свидетельствуют об оригинальности его мышления и **глубоком** понимании жизни. «Pedra Filosofal» — одно из лучших его стихотворений, хорошо знакомое Хорхе, да и всем португальским студентам хотя бы потому, что в 1970 г. оно было положено на музыку Мануэлем Фрейре. Эта песня, где незатейливая мелодия удачно сочетается с лирикой Жедеао, и по сей день не утратила своей популярности.

«Pedra Filosofal» — о том, как важно мечтать. Эта тема очень близка Джоанне Ролинг. В переводе первые строки звучат примерно так:

Они не знают, что мечта Есть жизни суть,
Реальна и материальна,
Как все вещи,
Как серый камень,
Где присел я отдохнуть.

Стихотворение завершается на сентиментальной ноте:

Кто не мечтает, тот не знает,
Что в жизни главное — мечта.
Что если человек мечтает,
Мир ярок, радужны цвета,
Он словно мяч В руках ребенка подлетает.

★

Джоанна обнаружила, что беременна. Это было очень невовремя. Хорхе на восемь месяцев отправляли в португальскую армию. Но, хотя они прожили вместе пока еще очень недолго, ребенка решили оставить.

Они жили вместе с матерью Хорхе в маленькой квартирке на первом этаже в доме с террасой на улице Дуке де. Салданья, по соседству с туристским районом. Улица идет под уклоном к реке, и дом номер 59 стоит в самом конце ее, перед площадью, в одном углу которой — кладбище, Семитерио Прад До Репоузо. Во время похорон вся площадь бывает заставлена машинами так, что и не пройти.

Джоанна с Хорхе часто спускались к набережной полюбоваться живописными видами Дуэро и стоящего на другом берегу города Гайя. Дуке де Салданья — это одна из тех сонных улочек, что нежатся в лучах полуденного солнца. Местные жители любят выпить кофе или пива в кафе «Сандале» или «Петискуаль Александер». Напротив, через дорогу, всего один магазин — цветочный, под названием «Мимоза». Непропорционально большой знак «Шелл» установлен снаружи

маленького гаража. Назвать этот район трущобами, как выразились бы многие английские туристы, было бы неверно и несправедливо. Мария Инес Агвиар говорит, что «на Дуке де Салданья живут хоть и простые, но очень дружные люди».

Дом номер 59 — трехэтажное здание. В квартире Арантесов, помимо двух спален, были гостиная и маленькая кухня. В Португалии молодые пары часто живут в доме родителей кого-либо из супругов — так намного экономней. Мама Хорхе, Марилия Родригес Арантес, относилась к Джоанне хорошо: «Она была чудесной девушкой, и я уже считала ее членом семьи». Марилия — пожилая женщина, милая и кроткая, едва говорит по-английски и каждый день большую часть времени проводит в церкви. С Джоанной у нее очень мало общего.

Летом 1992 г. в Порто стояла нестерпимая жара, и Джоанна с Хорхе решили на месяц съездить в Англию. Пора было представить Хорхе семье и друзьям и сообщить радостную весть. Но их планы рухнули — у Джоанны случился выкидыш. Хорхе утверждает, что несчастье только еще больше сблизило их: «Мы решили пожениться». 28 августа 1992 г. Хорхе сделал Джоанне предложение. Он запомнил эту дату, потому что Джоанна в шутливой форме упомянула ее в одном из писем к нему (когда он еще служил): «28 августа 1992 г. Хорхе Арантес попросил Джоанну Ролинг стать его женой, что Для него самого было таким же сюрпризом, как и для нее».

Но уже в то время отношения между ними дали трещину. Их семейная жизнь, видимо, была обречена еще до рождения дочери, и потом страсти только продолжали накаляться.

Как-то днем Джоанна с Хорхе пили кофе в «Каса Империо», через дорогу от школы английского языка. Не было заметно никаких признаков надвигающейся бури, хотя, по словам Марии Инес, «Хорхе всегда был большой собственник и ревнивец». Неясно, из-за чего за столиком разгорелся спор. Мария Инес помнит только, что Хорхе «толкнул Джоанну, и она закричала». Так, с криками, Джоанна выскочила на улицу, преследуемая взбешенным Хорхе. «Она вбежала в здание школы, — говорит Мария Инес, — и взлетела по лестнице во вторую аудиторию. На улице собралась целая толпа, все думали, он ее убьет — такой у него был вид».

Стив Кэссиди просто не мог поверить во все это, когда подойдя к школе, увидел на улице около сотни человек, пытавшихся заглянуть внутрь и прислушивавшихся к тому, что происходит в здании. Мария Инес тоже была там. До смерти перепуганная, она все же пыталась вмешаться. А потом... «Это напоминало сцену из «Ромео и Джульетты». Он кричал: «Джоанна,

прости меня. Я тебя люблю». А она плакала и кричала в ответ: «Я люблю тебя, Хорхе.» Кто-то, беспокоясь за Джоанну, вызвал полицию, и в школу явились два офицера — разобраться, в чем дело. Для всех стало настоящим откровением, что у Джоанны проблемы в личной жизни. И позже их с Хорхе отношения так и не улучшились, несмотря на то что они поженились и у них родился ребенок. Только они вдвоем знали, сколько **еще** подобных конфликтов происходило за закрытыми дверями их спальни.

Свадьба была скромной и прошла в будничной, неромантичной обстановке. Хорхе по этому случаю дали увольнительную. Венчания не было. 16 октября около одиннадцати утра жених и невеста вошли в отдел регистрации браков — «Примейро Консерватория до Реджисто Сивил». Его обшарпанное, хранящее лишь следы былой роскоши здание с витыми железными перилами, находилось в миле от кафе «Мажестик», в верхнем конце Руа-де-Санта-Катарина. Флаг Португалии на большом белом флагштоке указывал на статус важного государственного учреждения.

Джоанна была в черном жакете с V-образным вырезом, из украшений — жемчужное ожерелье в три нити и длинные серьги. Густые каштановые волосы она убрала в строгую прическу, хотя глаза подвела любимым черным карандашом. Хорхе облачился в черный пиджак и красную в белый горошек рубашку, из-под которой выглядывала футболка. На церемонию из Эдинбурга приехала Ди со своим парнем, смуглым красавцем по имени Роджер Мур, работавшим ресторанным управляющим. В большом помещении с коврами и кожаной мебелью молодожены подписали свидетельство о браке. Свидетелем был Роджер. Джоанне было двадцать семь, а ее мужу — только двадцать четыре.

Многое могут рассказать фотографии, сделанные после регистрации. Джоанна, сжимая в руках маленький букет, напряженно смотрит в объектив. Хорхе, видимо, взволнован куда меньше: он улыбается, небрежно положив невесте руку на плечо. Вот и все. О такой ли свадьбе мечтала девочка, любившая «Белого Жеребенка» и зачитывавшаяся романами Джейн Остин? Джессика Митфорд, наверное, была бы только рада, что все обошлось без лишних церемоний — ей было наплевать на традиции. А потом, в тот же день, Джоанна пошла, как обычно, на урок. Не было и медового месяца.

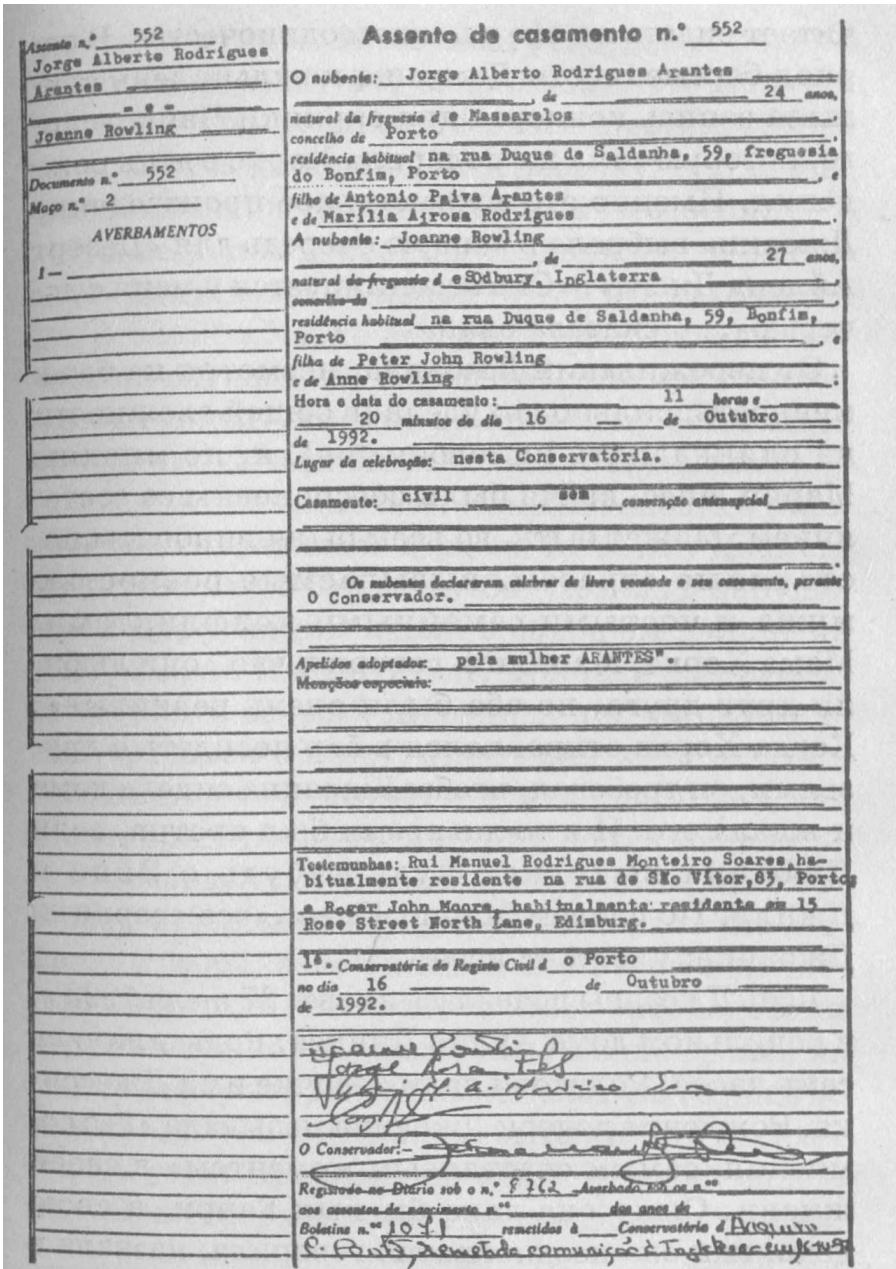
Джоанна никогда не вспоминала о дне своей свадьбы, но в «Гарри Поттере и узнике Азкабана» профессор Трелони говорит Лаванде Браун на уроке прорицания: «То, чего вы боитесь,

произойдет в пятницу, шестнадцатого октября». В день, предсказанный профессором, кролика Лаванды загрызла лиса: «Шестнадцатое октября! То, чего вы боитесь. Это произойдет шестнадцатого октября! Помните? Она была права, она была права!»

В 1992 г. шестнадцатое октября приходилось на пятницу. И в этот день Джоанна вышла за-

муж.

Через несколько недель Джоанна снова забеременела. Она стала нервной и раздражительной из-за прошлого выкидыша, но в общем беременность протекала нормально. Джоанна посвящала много времени работе над «Гарри Поттером» друзья в школе «Энкаунтер» начали замечать, что она еще больше замкнулась в себе и предпо-



Assento n.º 552
Jorge Alberte Rodrigues Arantes
- e -
Joanne Rowling

Documento n.º 552
Maço n.º 2

AVERBAMENTOS

1 —

Assento de casamento n.º 552

O nubente: Jorge Alberto Rodrigues Arantes, de 24 anos, natural da freguesia de Massarelos, concelho de Porto, residência habitual na rua Duque de Saldanha, 59, freguesia do Bonfim, Porto, e filho de Antonio Paiva Arantes e de Marília Airosa Rodrigues.

A nubente: Joanne Rowling, de 27 anos, natural da freguesia de Sodbury, Inglaterra, concelho do, residência habitual na rua Duque de Saldanha, 59, Bonfim, Porto, e filha de Peter John Rowling e de Anne Rowling.

Hora e data do casamento: 11 horas e 20 minutos do dia 16 de Outubro de 1992.

Lugar da celebração: nesta Conservatória.

Casamento: civil, sem convenção antenupcial.

Os nubentes declararam celebrar de livre vontade o seu casamento, perante O Conservador.

Apelidos adoptados: pela mulher ARANTES".

Menções especiais:

Testemunhas: Rui Manuel Rodrigues Monteiro Soares, habitualmente residente na rua de São Vítor, 85, Porto; e Roger John Moore, habitualmente residente em 15 Rose Street North Lane, Edimburg.

1ª Conservatória do Registo Civil de o Porto no dia 16 de Outubro de 1992.

O Conservador:

Registado no Diário sob o n.º 2762 Averbado em os n.ºs

aos assentos de nascimento n.ºs dos anos de

Boletins n.ºs 1041 remetidos à Conservatória de

Свидетельство о браке Хорхе Арантеса и Джоанны Ролинг

читает сидеть в кафе в полном одиночестве. В период беременности Джоанна каждый день слушала запись концерта для скрипки Чайковского, которую сама же подарила Хорхе в день рождения. Именно это музыкальное произведение Джоанна выбрала в первую очередь для «Дезерт Айленд Диске»: «Оно ассоциируется у меня с дочерью», — сказала она.

От переживаний Джоанна, несмотря на беременность, сильно похудела (в общей сложности на одиннадцать килограммов), и, по мнению Марии Инес, врачи были обеспокоены ее состоянием. Может быть, во всем были виноваты постоянные стрессы, вызываемые ревностью мужа и частыми семейными конфликтами. Мама Хорхе, Марилия, говорит, что «они любили друг друга, но оба были очень ревнивые». Когда Хорхе отправлялся в бар посидеть с друзьями, он требовал, чтобы Джоанна сидела дома и ждала его. И в то же время был против, если Джоанна выходила куда-нибудь с Эйне и Джилл. По словам Марии Инес, «все твердили Джоанне: уходи от него».

Дочь Джоанны появилась на свет 27 июля 1993 г. в родильном доме Хулио Диниса. Роды длились семь часов. Родители дали девочке имя Джессика. Рождение дочери Джоанна называла «без сомнения, самым счастливым моментом» в своей жизни. Сыну она дала бы имя Гарри, а свою дочь, как она неоднократно говорила, назвала в честь Джессики Митфорд. Хорхе же рассказы**вает** совсем иное. Мальчика, утверждает он, они собирались назвать Луисом Васко — в честь известного португальского поэта шестнадцатого **века,** Луиса де Камоэнса, а девочку — Джесси**кой** Изабель, в честь библейской Иезавели.

После родов Джоанна продолжала терять в весе, были даже опасения, что у нее разовьется анорексия[18] . Хорхе завершил прохождение воинской службы, но не работал, так что главной «добытчицей» в семье по-прежнему оставалась Джоанна. «У них были большие скандалы», — вспоминает Мария Инес. Напряженность в отношениях сохранялась и после того, как Джессику поместили в больницу Св. Иоанна с нарушением циркуляции крови в большом пальце на ноге. Мария Инес считает, что палец малышки запутался в волосах Джоанны, и один из волосков врезался в кожу. Джессика находилась в больнице почти месяц, и врачи опасались, что палец придется ампутировать, но все обошлось.

К ноябрю брак оказался на грани краха. Однажды вечером между супругами вспыхнула очередная ссора, закончившаяся безобразной сценой на улице. Согласно статье, впоследствии опубликованной в «Экспресс», Хорхе вышел из себя, потому что Джоанна сказала, что больше не любит его: «Мне пришлось вытащить ее из дома в пять утра. Признаю, на улице я дал ей оплеуху». В интервью другим газетам Хорхе отрицал, что ударил Джоанну, и говорил, что просто силой вывел ее из дома. Как бы то ни было, 17 ноября

1993 г. Джоанна Ролинг оказалась на улице в чужом городе, едва одетая, а четырехмесячная малышка оставалась в доме с

человеком, который только что вышвырнул ее мать вон.

Эйне и Джилл, как умели, утешали отчаявшуюся подругу. Они позвонили Марии Инес: она португалка и могла помочь Джоанне вернуть Джессику. Не было никаких сомнений, что на этот раз все кончено. Мария Инес вызвала знакомого полицейского, и они все вместе отправились на квартиру Хорхе.

«Я позвонила адвокату, — вспоминает Джоанна. — Он сказал: заберите ребенка во что бы то ни стало. Официально полицейские не могли ничего предпринять, но я убедила их пойти с нами — надеялась, может, Хорхе испугается...»

«Хорхе в дом нас не впустил и сказал, что не хочет со мной говорить, но мне удалось ногой удержать дверь, выходящую прямо на улицу, чтобы он не закрыл ее. Я думала, соседи из-за шума нас убьют. Внутри я слышала плач малышки и все время повторяла: «Хорхе, отдай моего ребенка, отдай моего ребенка». В конце концов он вынес мне Джессику».

Джоанна мечтала только об одном: как можно быстрее уехать из Порто. Но прежде нужно было закончить кое-какие дела. Мария Инес вспоминает, как кормила Джессику, которую Джоанна оставляла с ней в школе, пока сама готовилась к отъезду. И все это время Хорхе пытался выяснить, где его жена и ребенок. Джоанна не могла остаться у Эйне и Джилл — Хорхе знал, где они .живут. Поэтому она поселилась у друзей, с которыми он не был знаком. Наконец, спустя две недели после разрыва с мужем, Джоанна с Джессикой уехали из Порто.

Возникает вопрос: как такое могло случиться с умной, интеллигентной, общительной молодой девушкой? Как она могла оказаться в тесной квартирке в португальском городе с ребенком и мужем, с которым постоянно ссорилась и которого, судя по всему, даже боялась? Мария Инес считает, что, когда после смерти матери в душе Джоанны образовалась пустота, она «совсем запуталась». И еще — она «хотела любить и быть любимой». Теперь эту пустоту заполнила ее дочь.

Сегодня Мария Инес, по некотором размышлении, пришла к выводу, что с ее стороны было неразумно вмешиваться в отношения супругов, тем более что Хорхе вот уже много лет не видел своей дочери: «Мне кажется, они недостаточно прожили вместе, чтобы преодолеть культурный барьер. Хорхе типичный португалец. Он очень умный, хороший парень, но все наши мужчины — мачо. Мне жаль, что я с ним так поступила».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Капкан нищеты

«Никогда не думала, что все может быть так плохо»

В

октябре 1993 г. премьер-министр Великобритании Джон Мэйджор в речи, обращенной к собранию консервативной партии в Блэкпуле, заявил, что в распущенности британских детей виноваты родители-одиночки. Политический комментатор «Таймс» Симон Дженкинс был обескуражен: «Заявление, возлагающее ответственность за упадок института брака исключительно на плечи родителей, подразумевает, что они в чем-то виноваты, что-то делают не так. Это серьезный упрек в адрес тысяч овдовевших или разведенных граждан, которые из последних сил тянут лямку, пытаясь дать своим детям приличное воспитание». Слова мистера Мэйджора не могли обнадежить Джоанну. Но она торопилась вернуться на родину, чтобы попытаться по кусочкам склеить разбитую жизнь.

После ужасных событий на улице Дуке де Салданья девушка утешала себя лишь тем, что ей, по крайней мере, удалось вернуть свою четырехме**сячную** дочурку. Несмотря на все, что произошло, и ожидающие ее впереди трудности, Джоанна никогда не жалела, что родила Джессику. Для нее дочь — главное в жизни. Именно Джессика, по собственному признанию писательницы, не давала ей «пасть духом».

План Джоанны был прост. Первое — бежать из Порто вместе с дочерью. Это осуществилось. Они будут в большей безопасности в родной стране, чем в Португалии, где она не знала местных законов. Второе — нужно найти, где жить, а после Нового года устроиться на работу, лучше в школу. Денег у Джоанны было в обрез, только чтобы на пару месяцев снять какую-нибудь квартирку. Друзья в Лондоне сменили адреса, поэтому она решила попытать удачи в Эдинбурге, где обосновалась ее сестра Ди.

Можно спросить: почему бы ей было не пожить у отца, пока все не образуется? Он все еще занимал хорошую должность в компании «Роллс-Ройс», семья у них всегда была очень дружная, так что было бы вполне естественно обратиться за помощью к отцу, тем более в преддверии Рождества. Но обстоятельства изменились. Пит Ролинг женился вторично, в возрасте сорока восьми лет, почти через два года после смерти мамы Джоанны, Энн. Новая жена, Дженет Галливан, на восемь лет моложе мужа, в прошлом была его секретарем.

Никто в семье Ролингов никогда не говорил о пропасти, пролегшей между Питом и дочерьми.

Он не присутствовал ни на свадьбе Джоанны, ни на

бракосочетании Ди в Эдинбурге. Сам он женился на Дженет 2 апреля 1993 г., зарегистрировав брак в Ньюпорте, пока Джоанна, уже беременная, находилась в Порто. Первая книга «Гарри Поттера», изданная в 1997 г., была посвящена Джессике, Энн и Диане, но не Питу. Это говорит само за себя.

После того как Джоанна стала знаменитостью, слухи о семейной размолвке просочились в газеты. В январе 2001 г. «Санди Экспресс» поместила статью о «грустной семейной тайне»: «Через несколько месяцев после смерти от рассеянного склероза Энн, первой жены мистера Ролинга, он и Дженет Галливан, к общему изумлению своих близких, решили жить вместе». Они поселились в скромном домике с двумя спальнями в новом жилом квартале в Чепстоу, в паре миль от Черч- Коттеджа. Дженет бросила в Бристоле мужа и двоих детей.

Пит Ролинг старался избегать обсуждений своего нового брака, предпочитая вести тихую жизнь без огласки. Он до сих пор покупает мясо в Татшилле, у Джеффа Роузера, но в разговоры с ним вступает крайне неохотно. Семья Ролингов распалась по объективному стечению обстоятельств, и в защиту Пита можно сказать, что все-таки его жена Энн умирала дома, в своей постели, после десяти лет болезни, и он всегда был рядом. Джон Неттлшип, многие годы друживший с Ролингами, говорит, что «Питу было очень **нелегко.** Пришлось заново строить свою жизнь». Мария Инес отчетливо помнит впечатление, сохранившееся у нее со времен пребывания Джоанны в Порто: «Она очень любила отца».

Джоанна, направляясь к сестре, взяла билет на поезд до Эдинбурга. К своему огорчению, она не смогла приехать на свадьбу Ди в сентябре (третье за год бракосочетание в семье Ролингов, и тоже без венчания). Ди вышла замуж за Роджера Мура. Церемония, на которой присутствовали только несколько близких друзей, состоялась в регистрационном отделе Св. Андрея, Индия-Билдингс, в Эдинбурге 3 сентября. Когда, спустя всего два месяца после их свадьбы, Джоанна с ребенком появилась на пороге дома номер 140 по Марчмонт-роад, у молодоженов не оставалось другого выбора, как принять ее у себя. Впрочем, сестры были очень привязаны друг к другу.

Ди обладала счастливой способностью видеть все в радужном свете, она всегда ободряла сестру, что было особенно важно в период работы над «Гарри Поттером». Джоанна вспоминает, что в первый раз рассказала Ди о Гарри, когда поселилась в ее доме на Марчмонт-роад. В Порто она написала три первые главы, и у нее оставалось еще множество записей и идей относительно дальнейшего сюжета, в том числе и развязки. Ди упросила

Джоанну дать ей почитать написанное, и ее «зацепило». «Если бы она не смеялась, — говорит Джоанна, — я бы забросила все это. Но Ди прямо хохотала».

Между тем в жизни Джоанны, помимо Гарри Поттера, были и другие заботы. Она придумала мальчика-волшебника еще три с половиной года назад, а написала всего три главы, значит, вряд ли мысли Джоанны были полностью поглощены Гарри.

Джоанна, которая считала себя независимой, образованной женщиной, не желала быть обузой для сестры и друзей. Немного пожив у Ди и успокоившись, она нашла себе другое временное жилье. Ее новая жизнь стала напоминать жалкое, нищенское существование, на которое Томас Харди обрек своих героев — Майкла Хенчарда, мэра Кастербриджа или Тесс из рода д'Эбервиллей. «Никогда не думала, что все может быть так плохо, — рассказывала Джоанна в интервью газете «Гардиан». — Я даже представить себе не могла, что когда-нибудь одна, с ребенком на руках окажусь в неотапливаемой квартире, где полно мышей. И я злилась на себя, поскольку понимала, что нельзя растить дочь в таких условиях».

Помимо нищеты, Джоанне пришлось столкнуться еще с одним кошмаром — бюрократией. 21 декабря 1993 г. она обратилась в Отдел социального обеспечения на Коммершл-стрит округа Лейт. Ей пришлось заполнять кучу анкет, чтобы подать заявку на получение государственных дотаций и пособия по социальному обеспечению. Она до сих пор с содроганием вспоминает муки унижения, которые пережила, рассказывая твердолобым чиновникам о своих несчастьях: «Сначала нужно было пройти собеседование и доложить всем и каждому, почему я оказалась на мели, без денег и без мужа. Я понимала: им хотелось заставить меня ощутить собственную жал- кость и никчемность, хотя я чувствовала себя так и без их стараний».

Награда за все эти унижения составляла 69£ (103,50$) в неделю, на которые ей полагалось кормить и одевать себя и ребенка и оплачивать коммунальные услуги. Одним из рождественских подарков, полученных Джоанной от друзей в том году, был альбом «REM». Она снова и снова проигрывала композицию «Everybody Hurts». Наконец она больше не смогла выносить мышиную возню за плинтусами и решилась на отчаянный шаг: заняла 600£ (900$) у Шона Харриса — своего «верного друга на все времена», который один из немногих ни разу не подвел и не предал Джоанну. Но все ее надежды на быстрый переезд в лучшие жилищные условия рухнули. В поисках съемной квартиры она обзвонила десяток эдинбургских агентств недвижимости, но везде ей было отказано в услугах. Эта

проблема всплыла в памяти Джоанны, когда она начала заниматься благотворительной деятельностью и предложила свою помощь организации по делам неполных семей. «На том конце провода равнодушные голоса неизменно отвечали: «Извините, мы не сдаем квартиры людям, живущим на государственное пособие».

Джоанна уж совсем было отчаялась, когда одна служащая, то ли пожалев ее, то ли чтобы побыстрее от нее отделаться, согласилась показать ей несколько квартир. «Я уловила в ее голосе некоторую нерешительность, — вспоминает писательница, — и принялась говорить так быстро, что она, наверное, с трудом понимала, о чем речь». В тот же день Джоанна сняла квартиру — немеблированную, с одной спальней, в доме номер семь по Саут-Лорн-Плэйс округа Лейт, в одном из самых старых кварталов Эдинбурга. Начало было положено. Сестра и эдинбургские знакомые одолжили ей кое-какую мебель, и они с Джессикой въехали в свой новый дом, где им было суждено прожить следующие три года и где наконец-то была завершена рукопись «Гарри Поттера и философского камня».

Лейт не самый плохой округ Эдинбурга. Если бы Джоанна стояла на очереди в муниципалитете, ее наверняка разместили бы в каком-нибудь захудалом районе вроде Мюирхауса, где процветает преступность и наркомания — известные проблемы большого города. Когда Джоанна поселилась в Лейте, в районе велась реставрация зданий, в частности вдоль набережной, где открывались новые бистро и бары. Так называемый Берег (Shoar), теперь один из самых фешенебельных кварталов Эдинбурга, находился всего в миле от нового дома Джоанны. Но для нее — все равно что на Марсе.

Джоанна и Джессика жили на первом этаже типового четырехэтажного здания, где было во**семь** квартир. Если выйти из дома и посмотреть налево, взгляд упирается в точно такой же серобурый корпус. Тот же самый вид открывался впереди, а также справа. Во дворе — запущенный палисадник с коричневым лакированным столом и скамьей. Посидеть есть где, да кто же захочет? Уж конечно, не ищущий вдохновения писатель. На улице кругом — одни старики, издавна жившие в Лейте, а теперь селившиеся в приютах для престарелых под бдительным надзором местного муниципалитета. За углом, на Лорн-стрит, находилась благоустроенная начальная школа, куда пошла Джессика, когда ей исполнилось пять лет.

Джоанна снова оказалась «в плену», как часто бывало в ее жизни — в школе Уайдена, на улице Дуке де Салданья. День за днем она проводила в одиночестве, общаясь лишь со своей

дочерью. Потом, когда казалось, что хуже быть не может, из Порто приехал Хорхе. Это стало для Джоанны еще одним ударом. После того как от него ушла Джоанна, Хорхе пристрастился к наркотикам.

Джоанна позвонила друзьям, чтобы они не подпускали бывшего мужа к ней и Джессике, а сама направилась на Коммершл-стрит, где находилась адвокатская контора «Блэклок Торли». Она никому не говорила, до какой степени стала бояться Хорхе, и с ее стороны это был отважный шаг. 15 марта 1994 г. Джоанна инициировала дело о судебном запрете, чтобы закон оградил ее от посягательств Хорхе. Сразу, как только адвокаты подали иск от ее имени, был выдан временный ордер. В Шотландии это серьезное дело, особенно если истица (Джоанна) намеревалась добиться постоянного судебного запрета. Иск Джоанны против ее мужа был удовлетворен, и ему, по решению суда, было запрещено «преследовать ее физически и словесно, угрожать ей либо приводить в состояние страха и тревоги, а также применять к ней насилие на территории действия распоряжения суда Эдинбурга».

Хорхе ничего не оставалась, кроме как вернуться в Португалию.

Между тем Джоанна все больше погружалась в состояние депрессии. Это была не апатия, не тоска, не уныние — бездонная черная бездна отчаяния. Дементоры в «Узнике Азкабана» — порождение как раз того сумрачного периода в жизни писательницы. «Это полное отсутствие способности представить себя в будущем жизнерадостным человеком, отсутствие всякой надежды — это страшное ощущение, не сравнимое с обычной грустью».

Дементоры — стражники тюрьмы Азкабана — само олицетворение депрессии. Вкупе с Зеркалом Еиналеж они создают глубокий психологический подтекст «Гарри Поттера» и лишний раз доказывают, что Гарри — это сама Джоанна Ролинг. Может быть, какими-то своими качествами она наделила Гермиону Грэйнджер, школьную подругу Гарри, зубрилу-всезнайку, но более полно ее внутренний мир отражает главный герой, который тоскует по маме, ненавидит привлекать к себе внимание и сплетничать, робеет в присутствии Дементора. Поцелуй зияющей бесформенной дыры — рта Дементора — отнимает у человека счастье, вытягивает душу. Но даже эти мрачные образы не лишены некоторого комизма: оказывается, и против жуткого состояния, в которое погружают человека Дементоры, есть свое средство борьбы, известное каждой женщине, — шоколад.

Тянулись чередой однообразные, унылые дни. Однажды Джоанна пришла в гости к подруге сестры и увидела, сколько у ее сына игрушек. Это был один из самых неприятных моментов в ее жизни. «Когда я собирала игрушки Джессики, они все умещались в обувной коробке. Я вернулась домой и прорыдала весь вечер». В другой раз представитель социальных органов, раздававший гуманитарную помощь матерям-одиночкам, принес Джессике несколько старых игрушек: потрепанного плюшевого медвежонка, маленькую пластмассовую лошадку и телефон, заводившийся при помощи веревочки. Джоанна почувствовала себя настолько униженной этим актом беспримерной доброты, что сунула «подарки» в черный мусорный мешок и выставила за порог.

Но зато в полумиле от Саут-Лорн-Плэйс находился Лейт-Линкс — обширная зеленая лужайка и парк. Джоанна часто наблюдала, как здесь под присмотром молодых мам резвятся дети: катаются на расписных качелях и горках, исследуют Ноев ковчег и сооружение для лазания, похожее на модель ДНК. Табличка, вызывавшая недоумение, гласила: «Дом гольфа». Оказывается, в 1744 г. было отдано первое официальное распоряжение устроить в этой парковой зоне лужайку для гольфа, где могли бы проводиться соревнования. Почетное общество эдинбургских игроков в гольф учредило приз — серебряный кубок. Сегодня в Линке приходят в основном погулять и убить время: молодые мамы, вроде Джоанны, с детьми, студенты с книгами или просто желающие позагорать.

В то первое лето после побега из Порто Джоанна медленно обживалась на новом месте. Но были в ее жизни и перемены к лучшему. 10 августа

1994 г. она подала на развод. Может быть, сыграли свою роль девять месяцев судебного разбирательства, но именно в этот период, впервые после возвращения на родину, Джоанна стала строить планы и отвлеклась от навязчивых мыслей о Дементорах. Муж сестры Роджер вместе с другом Дугалом МакБрайдом создали партнерскую фирму и купили старомодное кафе под названием «Николсонс» на пересечении Саут-Бридж и Ройал-Майл. Для Джоанны эта сделка тоже имела немаловажное значение. Она еще не отказалась от мысли дописать «Гарри Поттера», и ее желание стать профессиональной писательницей было сильно как никогда. Она мечтала, что когда-нибудь войдет в магазин и протянет продавцу кредитную карточку, а он узнает ее и скажет, что книга, которую она написала, — его любимая. И ее мечта осуществилась. Но не на Саут-Лорн-Плэйс.

Джоанна ощущала потребность пойти куда-нибудь, где она не чувствовала бы себя в изоляции. Ей хотелось посидеть среди

людей, — пусть у них своя жизнь, а у нее — своя, и никто не вмешивается в дела друг друга. Еще со времен Лондона и Порто источником вдохновения для нее были кафе, но более чем скромный бюджет не позволял каждый день подолгу сидеть в дорогих заведениях, заказывая по нескольку чашек кофе. Кафе «Николсонс» просто было послано богом. Там к Джоанне, как к члену семьи, официанты относились очень благожелательно, бесплатно угощая ее чашечкой кофе, а то и двумя за раз. Наверное, сама судьба подавала ей знак: через улицу от «Николсонс» была дорога под названием Поттерроу.

Джоанна усаживала Джессику в коляску и шла с ней гулять, держа направление к центру города. Если все было хорошо, к тому времени как она добиралась до Саут-Бридж, Джессика уже спала. Если же нет, Джоанна катила коляску дальше, по Ройял-Майл, мимо переулков с экзотическими названиями. В этой части города Царила особая атмосфера, очарование которой не нарушали даже хриплые звуки волынки для привлечения туристов. Многие места похожи на описание аллеи Диагон, улицы из «Гарри Поттера», на которой находились магазины для волшебников, но лишь некоторые в этом плане могут соперничать с Олд-Эссембли-Клоуз, Энкор-Клоуз, Олд-Стэмп-Оффис-Клоуз и другими улочками и тупиками старого Эдинбурга.

Когда Джессика крепко засыпала, Джоанна шла в «Николсонс», втаскивала коляску на второй этаж и высматривала укромный уголок, где можно было спокойно поработать над «Гарри Поттером». В «Николсонс» витал дух беззаботного студенчества: синяя с желтым цветовая гамма, витрины и освещение в ярко выраженном модернистском стиле. Обычно, пока Джоанна работала, Джессика спала. В «Николсонс» у нее, по крайней мере, создавалась иллюзия полноты жизни. Один раз в неделю Джессику на пару часов забирала к себе подруга, и Джоанна могла вздохнуть свободно, почитать что-нибудь — ей нравились Набоков и Родди Дойль — или подумать над правилами квиддича.

Роджер Мур, со своими длинными черными волосами похожий больше на шевалье, чем на ресторанного управляющего, никогда не показывал, что они с Джоанной родственники, предпочитая поддерживать впечатление, что сестра его жены — простая посетительница: «Все мы знали, что она пишет книгу. Заходила она часто, несколько раз в неделю, садилась за столик и заказывала кофе. О завсегдатаях персонал вскоре узнает все: кто они, что из себя представляют, почему сюда приходят. С некоторыми официантами Джоанна свела даже довольно близкое, как мне кажется, знакомство». Партнер Роджера по бизнесу

рассказывает, как писала Джоанна: «Она доставала бумагу и ручку, запишет что-то, потом пробежит глазами, кое-где поправит». Один из официантов помнит, что «пока мама писала, малютка в коляске спала».

Посещения Джоанной «Николсонс» превратились в легенду: и писала-то она, одной рукой баюкая дочку в коляске, и приходила сюда потому, что у нее на Саут-Лорн-Плэйс за неуплату отключили отопление. Впоследствии в гостях у «Дезерт Айленд Диске» она утверждала, что все, что о ней говорят, правда лишь наполовину, остальное — вымысел: «Действительно, я писала в кафе, а моя дочь спала рядом в коляске. Звучит очень романтично, но когда живешь так сама, не видишь никакой романтики. А вот это уже выдумки — когда говорят, что у меня дома не топили. Я ходила туда не греться. Если честно, мне просто хотелось хорошего кофе. И чтобы при этом не приходилось отрываться от работы, вставать, варить себе еще чашечку...» «Николсонс» и другие кафе, в которых бывала Джоанна— «Слон», «Мост Георга IV», — позволяли ей вырваться из почти голой квартиры, сбежать от преследовавших ее Дементоров.

К концу 1994 г. Джоанна нашла себе секретарскую должность и теперь зарабатывала 15£ (22,50$) в неделю (как выяснилось, получать больше она не могла, поскольку, если жалование превышало эту цифру, государство начинало вычитать соответствующую сумму из ее пособия). Но все же это были хоть какие-то деньги — по крайней мере, хватало на подгузники для Джессики. Джоанна хотела найти другую возможность подзаработать и спросила представителя органов соцобеспечения, можно ли отдать дочь в государственные ясли, хотя бы на один день в неделю. На это ей было отвечено, что места предоставляются лишь в случае крайней нужды, а Джессика растет «в слишком хороших условиях». И снова замкнутый круг: чтобы отдать ребенка в платные ясли, нужно работать — чтобы работать, нужно сначала отдать ребенка в ясли.

А пока Джоанна каждую неделю ходила на почту на Лейт-Уолк получать денежное пособие. Она никогда не забудет, как ей было стыдно на виду у всех отдавать кассирше депозитную книжку. «Воображаю, что бы говорили у меня за спиной все эти пожилые леди, если бы узнали, за чем я пришла, — «попрошайка», «бездельница», «обуза для общества». Наверное, все они были полностью согласны с Джоном Мэйджором. «К тому времени из меня по капле была выдавлена уже вся гордость», — добавляла Джоанна.

Оказалось, для учительской деятельности в Шотландии

одного опыта преподавания в Португалии было недостаточно. Чтобы получить регистрацию в Государственном педагогическом совете, требовалось свидетельство об окончании аспирантуры. Джоанна подала документы в аспирантуру факультета современных языков «Морей Хаус», который сейчас относится к Эдинбургскому университету, а в то время находился в ведении университета «Гериот-Уотт». Она была одной из 120 кандидатов, в день собеседования томившихся вместе с Джоанной в холле в ожидании своей очереди. Четверть из них предстояло «отсеять».

В программу поступления входили групповое задание, сочинение, открытый урок и собственно собеседование, проводившееся на иностранном языке по основной специализации кандидата. Джоанна была во французской группе, хотя владела также навыками португальского и немецкого языков. Собеседование проводилось в конце января 1995 г., а годовой курс начинался в следующем августе. К невыразимой радости Джоанны, ее приняли.

Это можно было считать первым достижением с момента возвращения из Португалии. Она еще не решила проблему с яслями и все так же жила на государственное пособие, но наконец-то, в двадцать девять лет, у нее наметился хоть какой- то прогресс. Одно из любимых высказываний Джоанны о мудрости — буддистская истина: «Жизнь — это страдания». Это означает, что человек, дабы расти, должен страдать. В духовном смысле к тому времени Джоанна выросла, должно быть, футов на десять.

Летом 1995 г. она смогла отказаться от пособия: один друг, имени которого она никогда не называла, предложил ей финансовую помощь, чтобы она могла отдать дочку в ясли и учиться на очном отделении. Кроме того, Джоанна получила дотацию от шотландского Отдела развития промышленности и образования. Но прежде чем начать новую жизнь, нужно было завершить еще одно дело. 26 июня 1995 г. судебный запрет в отношении Хорхе Арантеса обрел постоянную силу. Хорхе не присутствовал ни на одном заседании суда и даже не пытался отстаивать свои права, так что дело его осталось открытым, хотя иск Джоанны был удовлетворен. Чтобы дать ход судебному разбирательству, ей было необходимо представить двух свидетелей поведения Хорхе. Одним свидетелем стала она сама, а вторым — незаинтересованное конфиденциальное лицо. Собрать доказательства для наложения судебного запрета довольно трудно, так что победу Джоанны можно считать редкой удачей.

В тот же день, 26 июня 1995 г., было завершено и дело о разводе. Она больше не была миссис Хорхе Арантес.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Знак судьбы

«На детских книгах, Джо, денег не сделаешь»

Б

районе Эвене разбирала почту в литературном агентстве Кристофера Литтла на Уолем-Гроув в Фалеме. Было морозное декабрьское утро, не предвещавшее погожего дня. После окончания университета Брайони восемнадцать месяцев проработала в пабе и еще полгода в магазине, пока наконец не получила эту незначительную должность в агентстве. «Я была рада, что меня взяли на это место. Платили мне ничтожно мало, зато я пробилась в издательский бизнес. Я не умела печатать, но довольствовалась сортировкой бумаг, а заодно присматривалась и училась». Это было полтора года назад. Теперь Брайони занимала должность офис-менеджера и личного помощника Кристофера. И все так же разбирала утреннюю почту.

Джоанне Ролинг повезло: Брайони любила читать, особенно детскую классику. «Белого Жеребенка» она считала «грандиозной» книгой и была истинной поклонницей «Ласточек и амазонок», «Властелина колец» и избранных приключенческих и любовных романов. Если бы Джоанне предоставили самой выбирать человека, способного оценить «Гарри Поттера», то никого лучше Брайони она бы не нашла. Тогда мисс Эвене было двадцать пять — в том же возрасте у Джоанны родился замысел написать книгу о мальчике- волшебнике.

Большинство присылаемых рукописей обычно отправлялись прямиком в мусорную корзину, там же в то декабрьское утро оказался и «Гарри Поттер». Причем не потому, что Брайони не заинтересовалась рукописью — просто повесть «Гарри Поттер и философский камень» была, судя по всему, книгой для детей, а агентство не занималось такого рода литературой. Кристофер полагал, что на детских книгах денег не сделаешь. «Не было никакого смысла показывать рукопись Крису, — объясняет Брайони. — Мы все равно этим не занимались. Я всегда первым делом разбирала, что пойдет и что не пойдет, как, например, детские книги или поэзия». Для Джоанны было настоящей удачей, что Брайони, прежде чем выбрасывать, всегда просматривала содержимое мусорной корзины. Во время обеденного перерыва она обратила внимание на рукопись «Гарри Поттера»: Джоанна отправила ее в необычной черной пластиковой папке.

«Мне стало любопытно, и я выудила ее из корзины. Внутри было краткое содержание книги и первые три главы как образец — стандартный авторский набор. Первое, что бросилось мне в глаза, — прилагавшиеся иллюстрации. На одном рисунке Гарри

стоял у камина в доме Дурели, с взлохмаченными волосами и шрамом в виде молнии на лбу. Я начала читать первую главу (рукописный вариант почти не отличался от впоследствии изданного). Прежде всего мне понравилось, что книга написана с юмором: например, то место, где миссис Дурели сообщает мистеру Дурели, что Дадли выучил «новое слово — «хаччу!»[19]. Брайони, закончив первую главу, заинтересовалась настолько, что, отложив пока рукопись в сторонку, решила дочитать остальное на досуге.

В то время в агентстве взяли на работу молодого внештатного рецензента, Флер Хоул, в обязанности которой входило прочитывать отобранные рукописи и, в случае благоприятного отзыва, дорабатывать их вместе с авторами, чтобы они соответствовали издательским стандартам. Когда Флер пришла в офис, Брайони дала ей рукопись Джоанны. «По-моему, стоящая вещь, — сказала она. — Я пробежала только первую главу, остальные две собираюсь дочитать позже, но, если хочешь, можешь просмотреть все сейчас и сказать, что ты думаешь». Флер прочитала все от начала до конца и, как и Брайони, осталась под большим впечатлением от прочитанного. «Если быть точной, — вспоминает Брайони, — я прочитала первую главу, а Флер — сначала вторую и третью. До конца рабочего дня я закончила все три и сказала Крису: «Может, пошлем запрос?» — и он ответил: — «Посылай что хочешь». Вот так все и было».

Кристоферу Литтлу немного за шестьдесят. Ему бы подошло определение «клубный завсегдатай»: обаятельный, всегда безупречно одетый, предпочитает костюмы в тонкую полоску. На самом же деле мистер Литтл, питающий слабость к отборочным матчам по крикету, прежде всего дальновидный деловой человек, буквально из всего умеющий извлекать выгоду. Родом он из Йоркшира, чем, возможно, отчасти и объясняется его завидная деловая хватка, — ротвейлер, замаскированный под пуделя. После недолгой работы на йоркширских фабриках по производству шерсти он много лет занимался морскими перевозками грузов в Гонконге. Когда в конце семидесятых годов дела пошли хуже, Кристофер вернулся в Англию. Открыв в Лондоне небольшое агентство по подбору персонала под названием «Сити Бойз», а затем литературное агентство, он около десяти лет трудился «на два фронта», пока наконец не решил полностью сосредоточиться на книгоиздательстве. Не все, однако, шло гладко. Неудача постигла его грандиозный замысел выпускать в европейском масштабе журнал, рассчитанный на читателей из элитарных аристократических слоев.

К 1996 г. Кристофер наладил партнерство с авторитетным

литературным агентом Патриком Уолшем, благодаря которому за последние четыре года значительно разросся список клиентов агентства. Литтл и Уолш — очень разные люди, но тем не менее они хорошо сработались, возможно, именно потому, что были полными противоположностями друг другу. «Крис был прежде всего бизнесменом, — объясняет Брайони, — а Патрик — литературным агентом. Но это было хорошо тем, что они смотрели на все с разных точек зрения, и один видел слабые места другого. Патрик подходил к делу с позиций литературы, а Крис имел перевес в области маркетинга. Патрик был очень неряшливый, а Крис — подтянутый и аккуратный».

«Криса прежде всего увлекала возможность продвижения новых идей. Так, однажды он проявил большую дальновидность, согласившись сотрудничать со звездами спорта, такими как Джинни Ленг, олимпийская чемпионка по конному спорту, которые хотели написать книгу. Крис сразу прикинул, как можно создать рекламу этому литературному проекту, задействуя нетрадиционным образом средства массовой информации. Он ко всему подходил скорее с точки зрения бизнеса, чем литературы».

До восхождения звезды Джоанны Ролинг (ныне — клиента номер один в списке литературного агентства Кристофера Литтла) ее место занимал А. Дж. Квиннелл, автор популярных триллеров, по случайному совпадению, тоже подписывавшийся вместо полного имени инициалами. «А. Дж. Квиннелл» — это псевдоним одного из лучших друзей Кристофера, который предпочитал творить в средиземноморском климате, на острове Гоцо, в условиях, не сравнимых с маленькой съемной эдинбургской квартиркой нищей аспирантки педвуза. Настоящее имя Квиннелла — Филипп Николсон — долгие годы держалось в секрете. Ходили даже слухи, что под этим псевдонимом скрывается сам мистер Литтл.

Агентство прежде всего интересовалось криминальными триллерами, потому что сотрудничало с «Элистер МакЛин» и занималось книгами Симона Гандольфи. Немалый доход приносила менее известная Анна Пастернак, автор «Влюбленной принцессы» — книги, в которой Джеймс Хьюитт рассказывает о своем романе с Дианой, принцессой Уэльсской. Добавьте в этот список старейшину писательского цеха Джеймса Уайтэкера и вы получите полное представление о пестрой клиентуре агентства, которое не чуждалось никаких сделок, если они сулили хорошую прибыль.

Джоанна нашла адрес агентства в ежегодном справочнике «Художники и писатели» **в** Центральной библиотеке Эдинбурга, и ей просто понравилось его название. До этого она уже

обращалась в одно лондонское агентство, которое ответило категоричным отказом и **вызвало** раздражение Джоанны тем, что ей **не вернули** черную пластиковую папку, в которой была отослана рукопись. Брайони написала Джоанне от лица Кристофера, попросив прислать остальную часть рукописи. «Это еще ничего не означало», — говорит она, но совсем в ином свете представляла себе это Джоанна. Получив ответ, она пустилась в пляс вокруг кухонного стола в своей квартирке на Саут-Лорн-Плэйс: «Я поначалу решила, что снова пришел отказ, но внутри было коротенькое письмо: «Спасибо. Будем признательны, если вы пришлете остальную часть рукописи на эксклюзивной основе». Это было лучшее письмо в моей жизни. Я перечитала его восемь раз», — вспоминает писательница. Еще не успела закончиться неделя, как остальную часть «Гарри Поттера и философского камня» почтальон доставил на Уолем-Гроув. Джоанна торопилась, опасаясь — вдруг Кристофер Литтл изменит свое намерение. Она даже не подозревала, что в то время мистер Литтл еще не прочел ни слова из ее книги.

Но все поправимо. Брайони первым делом сама прочитала всю книгу до конца: «Я закончила ее быстро, потому что это действительно хорошая вещь и я просто не могла от нее оторваться. Потом передала книгу Крису с самыми восторженными комментариями, он взял ее с собой и прочел за один вечер. Несмотря на целый штат рецензентов, он завел себе правило самолично знакомиться с авторским материалом. Сперва я сомневалась, что Крис одолел весь «Философский камень», поскольку он сказал, что ему хватило для этого одного вечера, но если подумать, это вполне возможно».

«На следующее утро мы обсудили рукопись, и Крис очень воодушевился. Мы собирались указать Джо лишь на несколько моментов. Помнится, я посоветовала ей еще немного поработать над образом Невилла Лонгботтома. Мне он показался забавным персонажем. А Крис заинтересовался квиддичем, которому, он считал, нужно уделить больше внимания. Он рассудил, что мальчики не воспримут квиддич как игру, пока не узнают всех правил. Впрочем, у Джоанны правила уже были готовы, так что она просто сказала «хорошо» и вставила их в книгу. Она даже приложила иллюстрацию — простой лист бумаги с зарисовкой матча по квиддичу: волшебники на метлах, летящие друг на друга».

После троекратного обмена корреспонденцией Брайони, отвечавшая за редакторскую работу и переписку с Джоанной, была удовлетворена. Показали рукопись Патрику Уолшу — на литературного агента, как и на Кристофера Литтла, она

произвела сильное впечатление. На этом этапе текст рукописи был уже близок к окончательному варианту.

Кристофер очень скрупулезно относился к документации, поэтому на Саут-Лорн-Плэйс было направлено агентское соглашение, которое Джоанне предлагалось подписать на обычных условиях. Агентство получало 15% валового дохода от продажи книги на британском рынке и 20% дохода от проката поставленной по ней киноленты, а также оставляло за собой право заключения сделок с переводчиками и американскими распространителями. С точки зрения агентства, это был достаточно справедливый, стандартный контракт, обязывающий Джоанну к взаимному сотрудничеству в течение пяти лет, с правом ежегодного продления договора и трехмесячным периодом освобождения от обязательств. В итоге Кристофер Литтл заключил с Джоанной контракт, который нельзя было расторгнуть до 2001 г.

Параграф 1 стандартного соглашения гласит: «Автор назначает агента единственным и исключительным представителем во всех сферах своей литературной деятельности и передает ему право продвижения на рынке своей литературной продукции, включая романы, рассказы, драмы, стихотворения, киносценарии, сценарии телевизионных постановок и мультипликационных фильмов, тексты песен, статей, а также рекламные материалы». Тогда, в начале 1996 г., еще никто не догадывался, насколько удачным и прибыльным окажется проект «Гарри Поттера». Педантичный Кристофер Литтл прилагал письмо, обращающее внимание на пункт, где говорится, что агент настоятельно рекомендует автору, то есть Джоанне, прибегнуть к услугам независимого юридического консультанта, дабы получить четкое представление об условиях соглашения.

Джоанна была вне себя от счастья: ее книгой заинтересовался настоящий агент! Она подписала все страницы контракта, как указывалось в сопроводительном письме, и вернула копию агентству. Вежливая фраза Кристофера Литтла о надежде на «долгосрочное и плодотворное партнерское сотрудничество» была обычным эпистолярным клише. Никто в агентстве и понятия не имел, в какой нищете живет Джоанна. Даже расходы на переписку с ними ощутимо били по ее карману. Чтобы не тратиться на фотокопии, она каждый раз перепечатывала страницы заново. Поистине, Ролинг была самым бедным из всех клиентов Кристофера Литтла.

Пришло время найти издателя. За рассылку рукописей по издательствам отвечала Брайони. Кристофер предостерег ее от излишних затрат на копирование: даже десять фотокопий двухсот

страниц рукописи обходились довольно дорого. Брайони подготовила три копии. К каждой прикрепила новый титульный лист со штампом «Литературное агентство Кристофера Литтла», в строке «фамилия автора» проставила: «Джоанна Ролинг».

Теперь Брайони оставалось только ждать и надеяться на лучшее. Первым рукопись отвергло издательство «Пингвин». В «Трансуорлде» женщина-рецензент была больна, и рукопись пролежала непрочитанной до тех пор, пока Брайони не востребовала ее обратно, чтобы переслать другому издателю. Двенадцать издательств упустили шанс выпустить книгу Джоанны, которую наконец приняли в «Блумсбери» на Сохо-сквер. Этот издательский дом был учрежден в 1986 г. под председательством Найгела Ньютона, и до этого самой удачной его публикацией был «Английский пациент» Майкла Ондаатье, награжденного в 1992 г. премией за лучшую книгу. В «Блумсбери» только что появился отдел детской литературы, который возглавил Барри Каннингем, перешедший в издательский бизнес из сферы маркетинга и, как и Кристофер Литтл, обладавший коммерческим чутьем.

Барри хотел издавать книги, которые «находили бы отклик у детей», и «Философский камень» соответствовал в этом плане всем параметрам: «Ужасно увлекательная книга. Прежде всего меня поразило то, что основные события происходят в полностью вымышленном мире. Создавалось такое впечатление, что Джо сжилась со своими персонажами и их судьбой. Только вот для детской книги рукопись была несколько длинновата».

В то время отдел детской литературы «Блумсбери» состоял всего из четырех человек: самого Барри, Элеанор Бэйгнал, Дженет Хогарт и рекламного агента Розамунд де ла Хэй. Все они приложили руку к успеху «Гарри Поттера». Барри вспоминает, как трудно было заставить сотрудников фирмы обратить внимание на детские книги на фоне прочей литературы. У Розамунд родилась идея прикреплять трубочку из-под «Смартиз» к экземплярам рукописей, передаваемых в редакторский отдел. «Смартиз» — одна из главных литературных премий за вклад в детскую литературу, причем, что интересно, претендентов выбирают сами дети, и поэтому эта премия отражает реальный спрос на ту или иную книгу. Впоследствии награждение Джоанны Золотой премией «Трипл Смартиз» способствовало росту популярности «Гарри Поттера».

Примерно через месяц Барри смог предложить агентству 1500£ (2500$). «Я позвонила в «Харпер-Коллинз», которым тоже в свое время отправляла экземпляр рукописи, — вспоминает Брайони, — и сообщила, что нашим предложением

заинтересовалось «Блумсбери». «А вы что скажете?» — спросила я. Они пошли на попятный и ответили, что книга понравилась, но они не уверены, что смогут в срок выполнить обязательства, так что лучше не будут торговаться. После этого отказа нам оставалось только согласиться на условия «Блумсбери». Кристофер самолично продумал все тонкости контракта и посоветовал Джоанне принять это предложение.

«Джо так радовалась, была так нам благодарна», — говорит один из сотрудников издательства. Таким вот образом «Блумсбери» всего за 1500£ (2500$) приобрело права на произведение, ставшее настоящей литературной сенсацией современности. Для самой же Джоанны эта скромная сумма (1,275£ (1,910$), за вычетом комиссионных агентства, была целым состоянием. Деньги выплачивались по частям: одна часть сразу, другая — после публикации, которая была намечена на следующий, 1997 год. «Блумсбери» договорилось с Джоанной о приезде в Лондон и неформальной встрече за ланчем. Вернуться в Эдинбург ей нужно было в тот же день из-за Джессики, а значит, предстояло провести в поезде около десяти часов, но, с другой стороны, это давало возможность поработать над второй книгой «Гарри Поттера». Джоанна, естественно, очень волновалась: это было ее первое знакомство с серьезным миром книгоиздательства. Она еще в глаза не видела ни Кристофера Литтла, ни Барри Каннингема. Один из администраторов издательства вспоминает: «Она очень нервничала, все время дергалась». Джоанна так и не отучилась от студенческого пристрастия к кофе и никотину, что неблагоприятно сказывается на нервной системе.

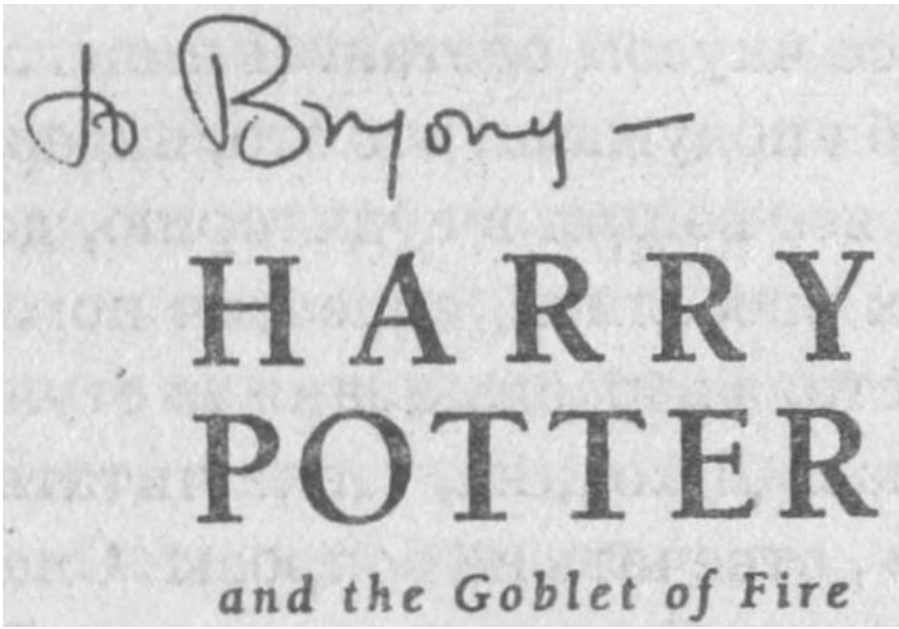
Ланч был заказан в одной из маленьких пивных Сохо, так что Джоанна успела забежать в знаменитый магазин игрушек «Хэмлис» на Риджент-стрит, чтобы купить подарок Джессике. Барри Каннингем считает, что встреча удалась. «Мне еще подумалось тогда, что она немного стесняется себя, но очень гордится своей книгой и абсолютно уверена в том, что детям понравится Гарри. Я уже знал обо всех ее злоключениях после возвращения из Португалии, поэтому **меня** поразило ее серьезное отношение к своему творению. Но ее вполне можно понять». После **ланча** Барри пожал автору руку и сказал: «На детских книгах, Джо, денег не сделаешь». Джоанна любит вспоминать этот эпизод.

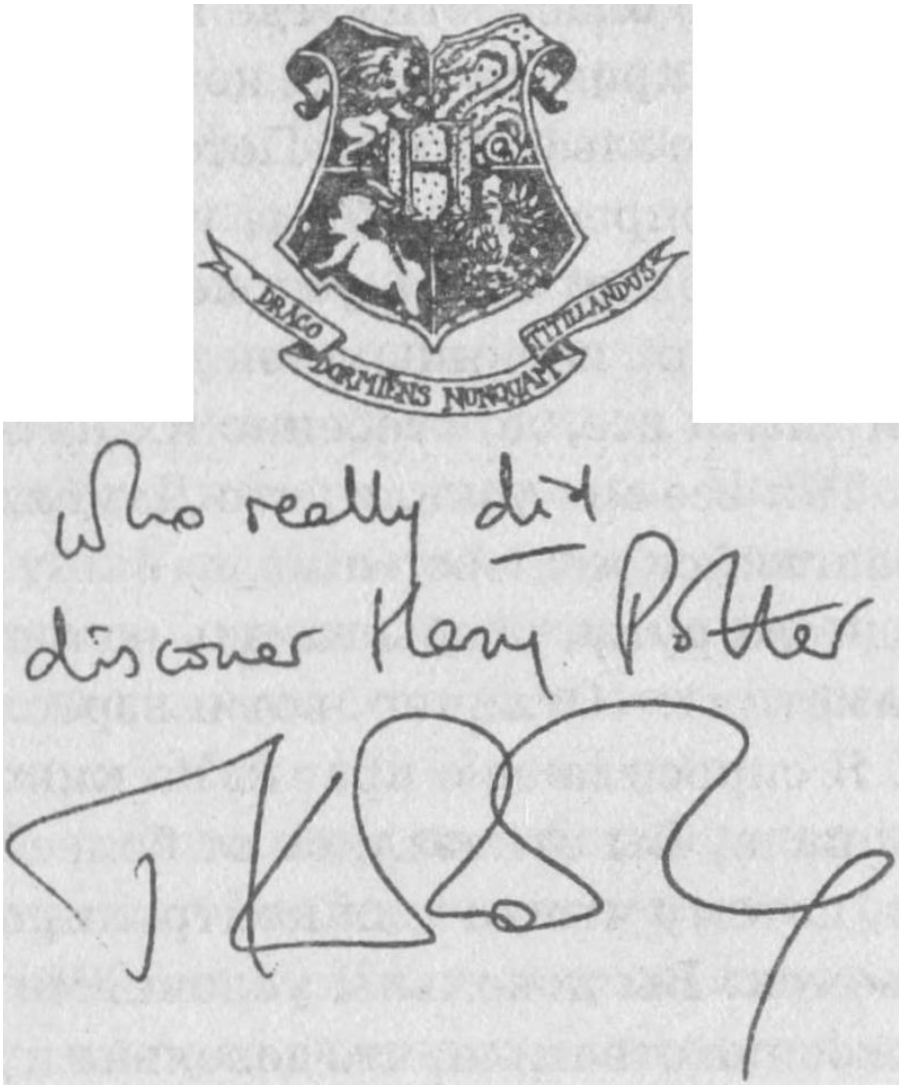
Вечером бесконечно длинного дня, валясь с ног от усталости, будущая мультимиллионерша села в автобус, идущий от Принцесс-стрит по Истер-роад в Лейт. Ей было жаль, что она так и не познакомилась с Брайони — та оставалась в конторе на

Уолем-Гроув — и не смогла поблагодарить эту замечательную девушку, которая приложила столько сил, пристраивая книгу, но даже не увидела, ради кого старалась. Впоследствии Брайони ушла от Кристофера, решив, что пора зарабатывать больше, три года проработала в агентстве недвижимости, а затем устроилась в издательство «Майкл О'Мара Букс».

До этого только пару раз общавшиеся по телефону, Джоанна и Брайони наконец-то встретились в октябре 1998 г. на Челтнемском литературном фестивале, вскоре после выхода в свет второй книги «Гарри Поттер и тайная комната». На встречу Дж. К. Ролинг с читателями Брайони пришла со своей тетей и двумя «взятыми на прокат» детьми. Она хорошо помнит тот день: «Около десяти утра мы сидели в коридоре, и тут мимо нас процокала на высоченных каблуках молодая женщина. Миниатюрная, со вкусом одетая. Я ничего не сказала, но про себя подумала, что это, наверное, Джоанна. Потом все вошли в аудиторию, дети с книгами в руках расселись, скрестив ноги, на полу вокруг помоста, а взрослые заняли стулья позади них. Появилась Джоанна, стала читать отрывки из «Поттера», отвечать на вопросы. Она зачитала фрагмент из второй книги, из главы «Добби предупреждает об опасности», где Гарри обнаруживает у себя на кровати в доме номер 4 по Тисовой улице домового эльфа Добби. Потом дети снова стали задавать вопросы, и я была удивлена, потому что вопросы были очень умные — такие услышишь только от истинных поклонников. О книгах они знали все, но особенно их интересовали имена. Так все мы узнали, что Дамблдор — это древнеанглийское слово «шмель».

Я подняла руку, чтобы задать вопрос, и Джоанна заметила: «Отлично, вот и взрослые тянут руки». Я спросила ее о правах на кинокартину: «Я слышала, Вы отказались от более выгодной сделки, потому что хотели контролировать процесс съемок. Вы довольны условиями контракта?» Джоанна ответила, что довольна и добавила: «Надеюсь уговорить Робби Колтрана сыграть Хагрида, но в одной газете написали, что Хагрид — огромный жуткий монстр, так что, боюсь, он может отказаться». Тогда я сказала, что, очевидно, написавший это журналист в глаза не видел книги, и Джоанна была польщена этой репликой».


to Bryony —
HARRY
POTTER
and the Goblet of Fire



«Потом в большом шатре устроили концерт. У тети был с собой «Философский камень», во взрослом варианте, который только-только появился на прилавках, и Джо сказала, что «еще не подписывала книгу в этом издании». Я показала ей письмо с отзывом о «Поттере», опубликованное в лондонской «Ивнинг Стэндард». Увидев подпись, она застыла, потом подпрыгнула и прямо при всех принялась меня обнимать и рассказывать, кто я такая и что я сделала для Гарри Поттера. Это было чудесно».

Джоанна никогда не забывала, какую роль сыграла Брайони в ее судьбе, и очень расстроилась, когда в одной из газет в июле 2000 г., одновременно с публикацией «Кубка огня», появилась статья, принижающая значение помощи Брайони. В следующую с

ней встречу, в день выхода книги, она сделала дарственную надпись в экземпляре Брайони со словами глубокой признательности: «Брайони — истинной первооткрывательнице Гарри Поттера... Дж. К. Ролинг».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Расцвет мисс Джоанны Ролинг

«Мисс, вы писательница?»

Н

е все в жизни начинающей писательницы было гладко. У Джоанны голова шла кругом, и не только от радости, что ее книгу приняло настоящее литературное агентство, но и от непомерно большой нагрузки в Морэй-Хаус. Во втором полугодии аспирантам приходилось выполнять, по выражению научного руководителя Джоанны Ричарда Истона, «непростые задания». Для начала им было велено заснять себя, ведущими урок, на видео, что должно было помочь выявить слабые стороны и усовершенствовать технику преподавания, чтобы в будущем найти хорошую работу. «Во втором полугодии очень насыщенная программа, — объясняет Ричард Истон. — После рождественских праздников студенты долго раскачиваются, а к концу семестра совершенно выдыхаются». Тем более матери-одиночки и свежеиспеченные авторы. Джоанне предстояло пройти практику в школе,

где за несколько недель она должна была на**учиться** «вести себя как настоящий преподава**тель*.** Ее распределили **в** римско-католическую **высшую** школу Св. Давида в Далкейте, малень**ком** городке по трассе A68, в восьми милях к юго- **востоку** от Эдинбурга. Дорога туда и обратно от**нимала** много времени; хорошо было только то, **что** школа находилась в парковой зоне, рядом с **полем** для гольфа «Ньюбэттл» и лесом Бенбучт.

Джоанне приходилось нелегко. Дважды на ее уроках присутствовал куратор из Морэй-Хаус, Майкл Линч, который в первый раз, 19 февраля, за организацию работы в классе и планирование уроков поставил ей «D», самую низкую из положительных отметок. Под «организацией работы **в** классе» понималось умение создавать «рабочую атмосферу и серьезный настрой на восприятие материала», поддерживать дисциплину, заинтересовывать учеников. По окончании практики у Джоанны были следующие отметки: «Предмет и цели преподавания» — «D», «Общение» — «C», «Методология» — «C», «Организация работы в классе» — «D», «Оценказнаний» — «C», «Школа» — «C» и «Профессионализм» — «B»/«C». Гермиона Грэйнджер была бы в шоке.

Однако два наблюдения, сделанные мистером Линчем,

давали некоторый повод для оптимизма. Он считал, что Джоанна очень внимательна к нуждам учеников и хорошо ладит с учительским коллективом. Никто и не ожидал, что она сразу же после практики станет превосходным

педагогом, но полученные оценки были предостережением: если она хочет получить ученую степень, необходимо развивать навыки преподавания. Это возымело свое действие. Через восемь дней отметки Джоанны за практику были куда лучше — на этот раз по всем дисциплинам «В», за исключением «знания школы», и мистер Линч даже похвалил ее, сказав, что она умеет вовремя помочь ученикам и дать полезный совет.

Он также отметил, что она правильно составляет программу преподавания. Это было заслуженным вознаграждением за все те бессонные ночи, когда Джоанна, уложив Джессику, корпела над планом уроков на следующий день. Отдельно Линч упомянул энтузиазм Ролинг, творческий подход к работе и, опять же, чуткость и внимание к нуждам учащихся. В школе тоже считали, что она в короткий срок сумела добиться значительных результатов, особенно в плане изложения учебного материала. Не остались незамеченными и проявленные ею терпение и понимание, несмотря на строгую дисциплину — сказался пример ее любимой учительницы Люси Шеферд и матери, Энн. К преподаванию, как и к написанию книг, Джоанна подходила с душой, основываясь на тех же принципах: тщательном планировании, понимании детской психологии и изобретательности.

Впереди еще был летний семестр, и если бы Джоанне удалось сохранить тот же уровень прогресса, тогда ее карьера в преподавании выглядела бы столь же многообещающе, как и на литературном поприще. На этот раз ее на шесть недель определили в Академию Лейта, что было более удобно: открытая в 1991 г. академия, где училось около тысячи человек, находилась немного в стороне от Истер-роад, всего в 600 ярдах от дома Джоанны. Здание академии — весьма любопытный образчик современной архитектуры, внутри напоминало огромную оранжерею с лабиринтами коридоров и экзотическими пальмами и папоротниками. Совсем не похоже на традиционную школьную обстановку — деревянные парты, чернильницы, исписанные мелом доски. Но самое главное, при академии были ясли для детей персонала и взрослых старшекурсников.

В Академии Лейта Джоанна пришлась к месту. Ей нравились и ученики, и учителя. На своего куратора Элиан Уайтлоу она тоже произвела благоприятное впечатление: «Она вела уроки в нескольких моих классах и проявила себя с самой лучшей

стороны. Джоанна была очень организованна и отлично подготовлена и к тому же умела ладить с детьми. Она была хорошим педагогом». За окнами светлых аудиторий, где проходили уроки французского языка, был небольшой парк, и этот вид был куда лучше урбанистических пейзажей, которыми вынуждены любоваться ученики большинства городских школ.

К урокам Джоанна готовилась очень тщательно. Она учила детей всех возрастов — от двенадцати до восемнадцати лет — и не боялась творческих экспериментов. На уроках Джоанны никогда не звучали фразы типа «Откройте учебник на странице 343». Однажды она даже придумала оригинальную карточную игру, хотя и не сравнимую с квиддичем, но тем не менее многое говорившую о ее педагогическом потенциале. В игре могли одновременно участвовать два-три ученика. Изготовленные своими руками карты с рисунками Джоанна разделила на две колоды. Ученик, взяв карту из колоды, должен составить предложение с использованием названий двух изображенных на карте предметов. Игра велась полностью на французском языке. Если ученик мог составить предложение, он оставлял карту себе, если же нет, карта возвращалась в колоду, и ход переходил к другому игроку.

Например, игрок А говорит вытянувшему из колоды карту игроку В: «Qu'est-ce qu'on t'a offert?» («Что у тебя?») Игрок В смотрит на взятую им карту с изображением, скажем, джемпера и бабушки и отвечает: «Ma grandmere m'a offert un pull» («Бабушка дала мне свитер»). Он справился с заданием и может оставить карту себе. Затем он с тем же вопросом обращается к игроку С: «Qu'est-ce qu'on t'a offert?» Игра продолжается, пока в колодах не кончатся карты. Дети с удовольствием посещали уроки Джоанны, потому что играть было интереснее, чем вслед за учителем повторять французские фразы.

Джоанна использовала самый разнообразный материал: карты и схемы, кроссворды, журнальные статьи из «E11e», а также собственные рисунки. Однажды она дала ученикам задание написать благодарственное письмо кузену по имени Франсуа, приславшему рождественский подарок. Дети сами решали, что это был за подарок, Джоанна же предложила несколько фраз, которые они могли включить в письмо: «J'aime la couleur» («Мне нравится цвет»), «merveilleux» («чудесный»), «amusant» («забавный»), «je l'adore («Я это обожаю»). Уроки Джоанны Ролинг были очень amusant. «У Джоанны было богатое воображение, — вспоминает Ричард Истон. — На мой взгляд, это самое главное качество, каким должен обладать педагог. Многие дают материал из учебника и считают, что этого достаточно. Творческий же

человек может построить занятие в игровой форме. Я помню рисунки Джоанны. В подготовке учебного материала она использовала и другие свои таланты. Именно такое отношение к работе мы стараемся прививать своим студентам. У нас во многих школах даже нет учебников: в Шотландии учителя не обязаны следовать единой программе преподавания, принятой в Англии, хотя школьники сдают государственные выпускные экзамены. Наша система образования выгодно отличается тем, что учитель сам может выбирать средства для достижения целей обучения».

Элиан Уайтлоу по всем семи дисциплинам поставила Джоанне высший балл «А» — огромный шаг вперед по сравнению с прежним «приемлемым уровнем». С особой похвалой она отзывалась об умении Джоанны помогать ученикам с разными способностями. В ее классе не было «ряда тупиц». По мнению Элиан, ей всегда удавалось создать в классе хорошую рабочую атмосферу и, что самое главное, привить ученикам уверенность в себе и независимость взглядов. Как педагог Джоанна была прямой противоположностью хогвартскому профессору Снейпу, который унижает и высмеивает своих учеников, особенно несчастного Невилла Лонгботтома.

Академию посетил Ричард Истон, в последний раз перед окончанием курса оценивавший навыки Джоанны, и остался доволен ее умением планировать урок, общаться с учениками и заинтересовывать их учебным материалом. По его мнению, Джоанна достигла высокого профессионального уровня (то же впоследствии говорили и о ее литературном творчестве). «Это миф, что Джоанна не считала нужным подолгу готовиться к урокам. Может быть, на подготовку у нее уходило меньше времени, чем у иных практикантов, но это потому, что она была очень организованной». Всего за каких-то пять месяцев Джоанна из отстающей студентки превратилась в отличницу. Недаром девиз Академии Лейта — «Упорство».

В 1996 г. Джоанна получила свидетельство о педагогическом образовании. Церемония вручения проходила в МакИван-Холл, одном из университетских корпусов. Окончание аспирантуры преподаватели и студенты отмечали в Сиклиффе.

Этот приморский курорт в прошлом имел дурную славу в связи с так называемым делом ведьм из Норт-Бервика. В 1590 г. в Хэллоуин колдуны и ведьмы собрались в церкви Св. Андрея под предводительством «Дьявола», которым на самом деле был Фрэнсис Стюарт, граф Босуэлл. Он рассчитывал совместными усилиями вызвать шторм в Форте, чтобы потопить корабль возвращавшегося из Дании короля Иакова VI. Его замысел не удался, и впоследствии нескольких ведьм арестовали,

допрашивали, пытали, а затем казнили. Как показывает история, колдовство — это не всегда веселое развлечение.

С погодой повезло. Студенты Морэй-Хаус устроили купание и пикник. Для Джоанны этот день у моря был одним из редких моментов отдыха, особенно когда рядом не было Джессики. Вечером в лучших студенческих традициях компания отправилась в «Кингс-Балти» на Букклеч-стрит, что к югу от университета. Ричард Истон вспоминает самый долгий за все время учебы разговор с Джоанной: «Она, как обычно, говорила всякие колкости, и я ей сказал: «Не стоит быть такой агрессивной. Никто не собирается на тебя нападать». На что она ответила: «Знаю. Иногда я немного пережимаю...»

К концу нелегкого академического года жизнь Джоанны круто изменилась. Вскоре осуществится ее давняя мечта: она станет опубликованным автором, даже если это не принесет ей денег. И еще у нее теперь есть свидетельство об окончании аспирантуры, и она сможет зарегистрироваться в Педагогическом совете и найти себе работу в Шотландии. Можно устроиться на полставки в какую-нибудь эдинбургскую школу и подождать, пока не найдется более подходящий вариант. Она приступила ко второй части саги о Гарри Поттере, в свободное от уроков время перепечатывая свои записи для будущей «Тайной комнаты» в компьютерном классе Морэй-Хаус.

Джоанна рассчитывала зарабатывать на жизнь преподаванием. Получив гонорар за первую книгу (1500£ — 2250$), она смогла в тот год поправить свое материальное положение. Наверное, нет ничего более волнующего, чем ожидать, когда твоя первая книга появится на прилавках книжных магазинов. «Я испытала самую бурную, самую искреннюю радость, когда узнала, что у меня выйдет собственная книга, настоящая книга, которая будет стоять на полках магазинов» , — вспоминает Джоанна. Но это в будущем, а пока ей нужны были деньги, чтобы кормить и одевать Джессику, тем более теперь, когда она перестала получать пособие. За временное замещение заболевших или отлучившихся по делам учителей платили не много, но все же это было лучше, чем в прежние дни, когда она сидела дома. Джессике было всего три года, так что Джоанна пока не задумывалась над тем, в какую школу ее отдать, хотя одна начальная школа находилась почти рядом с домом.

По счастливой случайности ей удалось получить место в Академии Лейта, где она очень сдружилась с Элианой Уайтлоу. Элиана, уже опытный дипломированный преподаватель, тем не менее была на год или два младше Джоанны. В свободное от преподавания время подруги встречались в кафе, и Элиана

помогала Джоанне готовиться к урокам. Академия Лейта требовала от учителей, учеников и родителей соблюдения определенных нравственных норм, что имело немаловажное значение и в Хогвартсе: «Хорошая успеваемость, взаимное уважение и забота о товарищах, внутреннее развитие, честность и справедливость». Однажды в Лейте одна девочка пришла на урок Джоанны без тетради и ручки. Мисс Ролинг велела ей взять листок и ручку на учительском столе. «Она словно застыла у стола, — вспоминала Джоанна в интервью «Гардиан». — Я обернулась и сказала: «Мэгги, возвращайся на место». Мэгги, увидев среди бумаг на столе записи к «Поттеру», раскрыла секрет Джоанны: «Мисс, вы писательница?» — «Это всего лишь хобби», — смущенно пробормотала мисс Ролинг.

Ричард Истон вспоминает, как однажды встретил Джоанну на одной из центральных улиц Эдинбурга и спросил, как у нее дела. Она ответила, что пишет книгу в кафе своего зятя и что ее будут издавать. Это случилось задолго до того, как пресса стала проявлять повышенный интерес к «Николсонс», да и к самой писательнице. Рассказ Ричарда полностью развеивает возникший было миф о том, что издатели сами придумали всю эту историю с записками в кафе для создания некоего имиджа писательницы.

Джоанне нужны были деньги. В то время она работала над «Тайной комнатой», и Кристофер Литтл всячески ободрял ее. Но они с Джессикой не могли питаться воздухом. В первой книге почти не было редакторской правки. Брайони Эвене вспоминает, что даже была удивлена, когда, перечитав изданный «Философский камень», не обнаружила в тексте заметных изменений. По словам Барри Каннингема, они лишь слегка «отточили» стиль. Первый абзац, например, остался в том же виде, в каком его впервые увидела Брайони. Но кое-что все же изменилось: теперь Джоанна превратилась в Дж. К. Ролинг. Со стороны Кристофера Литтла это был стратегический шаг. Он проконсультировался у издателей, специализирующихся на детских книгах, и узнал, что если девочки охотно читают книги мужчин-авторов, то у мальчиков не пользуются популярностью произведения женщин-писательниц. Так что Литтл сказал Джоанне, что на обложке будут значиться только ее инициалы. Просто «Дж. Ролинг» звучало не слишком презентабельно. «Дж. Р. Ролинг» напоминало имя персонажа «Далласа», «Дж. Р. Р. Ролинг» слишком уж граничило с «Дж. Р. Р. Толкиен», так что по некотором размышлении было решено остановиться на инициалах «Дж. К.» Это созвучие было привычно для слуха (буквы «J» и «К» стоят рядом в английском алфавите), а самой Джоанне понравилась эта идея еще и потому, что на букву «К» начиналось

имя ее любимой бабушки, Кэтлин. Проблема была только в том, что теперь ей приходилось подолгу сидеть за кухонным столом, тренируясь выводить новый автограф. Раньше она расписывалась «Джоанна Ролинг» или просто «Дж. Ролинг». Теперь же нужно было освоить «Дж. К. Ролинг». Она и не догадывалась, насколько часто ей придется ставить эту подпись.

Джоанна краем уха слышала, что где-то существует некий Шотландский совет искусств, который предоставляет стипендии нуждающимся писателям. Для получения стипендии требовались две вещи: во-первых, жить в Шотландии, во-вторых, иметь опубликованные работы. Строго говоря, Джоанна соответствовала только первому критерию, но она приглянулась Дженни Браун, директору литературного отдела Совета. «Мы решили, что кандидатура Джоанны удовлетворяет обоим условиям, потому что у нее уже был подписан контракт с «Блумсбери», — объясняет она. — Ей нужна была стипендия, чтобы иметь средства к существованию, пока пишется вторая книга «Гарри Поттера».

По совету Барри Каннингема Джоанна отправила заявку, где объясняла, чем занимается, почему ей нужны деньги, и просила Совет учесть расходы на ребенка и тот факт, что у нее нет постоянной работы. Дженни договорилась с Джоанной о предварительном собеседовании, назначив встречу в своем офисе на Мэнор-Плэйс, рядом с Принцесс-стрит. Джоанна рассказала Дженни, что собирается написать серию из **семи** книг. У нее с собой были первые сорок страниц «Философского камня», и Дженни теперь гордится тем, что одной из немногих ей довелось увидеть фрагменты еще не изданной книги. Под впечатлением от прочитанного она занесла Джоанну в список сорока претендентов, из которых могли рассчитывать на стипендию только десять.

Далее ее заявку рассматривала специальная комиссия, и вскоре она получила письмо, в котором сообщалось, что ей назначили самую большую стипендию — 8000£ (12 000$). Это было своего рода авансом, первым признанием литературного дарования писательницы и самой крупной суммой, которой когда-либо располагала Джоанна. Примечательно, что вторая по сумме стипендия (7000£ — 10 500$) была выделена Джулии Бертанья, будущему автору популярных книг для подростков, в том числе и «Звуковой дорожки». Джоанна до сих пор помнит, какую неоценимую помощь оказали ей Дженни и ее коллеги, и потому с готовностью согласилась присутствовать на ланче в Совете, организованном по случаю выхода «Гарри Поттера и философского камня» в версии издательства «Брэйл». Впоследствии Ролинг была удостоена двух **премий** Шотландского

совета искусств за лучшую книгу года, одну из которых (1000£ — 1500$) в 2001 г. она перечислила в фонд поддержки начинающих писателей. Стипендия стала еще одним знаком **судьбы:** жизнь Джоанны начинала налаживаться. Этот проект был хорош тем, что, в отличие от студенческих займов, стипендия предоставлялась безвозмездно, какие бы в дальнейшем головокружительные гонорары ни получал автор.

В этот период каждый шаг Джоанны приближал ее к заветной мечте. Она получила приглашение на книжную выставку «Блумсбери* в эдинбургском «Кафе-Рояль*, где издательство представляло новые работы авторов литературному кругу всей Шотландии. Ее рукопись уже получили ключевые фигуры собрания, включая Линдси Фрэзер, исполнительного директора Шотландского книжного концерна. Эта организация, занимающаяся пропагандой чтения среди населения, отбирает и рекомендует лучшие произведения литературы, в частности детские книги. В условиях жесткой конкуренции в издательской среде приглашение на подобное мероприятие было огромной честью для еще не публиковавшегося автора. Линдси специализировалась на детской литературе и была своего рода барометром того, как воспримут читатели новую книгу. «Я нашла повесть оригинальной, остроумной и содержательной, — говорит Линдси. — Но я даже не думала, что ее ждет такая судьба*.

Джоанна была представлена Линдси Фрэзер, что сыграло свою роль два года спустя, когда, Уже в качестве Дж. К. Ролинг, писательница согласилась дать интервью для серии «Беседы» издательства «Эгмонт». Это записи бесед в неформальной обстановке с детскими авторами об их главных произведениях. Линдси, будучи «местной» и уже имея опыт работы над одним из выпусков серии, «Интервью с Терезой Бреслин», автором «Кеззи» и «Повелителя снов», сама беседовала с Джоанной. «Джо не пришлось долго уговаривать, — говорит Линдси, — потому что это делалось для читателей, а она всегда поражала меня своим уважительным к ним отношением». Их беседа стала одним из самых информативных и откровенных интервью Джоанны.

Получив стипендию Совета искусств, Джоанна первым делом приобрела текстовый процессор. Теперь она могла забыть о допотопной печатной машинке, на которой перепечатывала заново страницу за страницей, и спокойно работать дома, а не забившись в уголок где-нибудь в «Николсонс» или других кафе Эдинбурга. Мало кто знает, что Джоанна пишет всю серию о Гарри Поттере одновременно, помимо работы над текущим текстом, делая записи и пометки для будущих книг. Она уже продумала судьбу каждого персонажа, хотя, возможно, это не

войдет в окончательный вариант. А хранит свои записи Джоанна старым, испытанным способом — в обувной коробке. «Она ничего не выбрасывает, — объясняет Брайони Эвене. — Вдруг что-нибудь пригодится в будущем. Например, в первой книге Хагрид «сваливается с неба» на мопеде, который он позаимствовал у

«молодого Сириуса Блэка». А позже, уже в тре**тьей** книге, снова заходит речь об этом персонаже и его мопеде, который он опять одалживает Хагриду, и сразу вспоминаешь, где встречалось это имя. Не знаю, как ей удается так искусно связывать все сюжетные линии».

«Гарри Поттер и философский камень» увидел свет 26 июня 1997 г., одновременно в твердом и мягком переплетах. Минуло целых семь долгих лет несчастий и лишений с тех пор, как у Джоанны впервые зародился замысел «Гарри Поттера» по дороге из Манчестера в Лондон. Наконец-то ее мечта осуществилась. Тираж в твердом переплете составлял 500 экземпляров. Барри Каннингем лично занимался оформлением обложки. Он хотел, чтобы иллюстрации были доступными и красочными, не смешными, но забавными и отражали бы тонкий юмор «Гарри Поттера». Ему понравился эскиз Томаса Тейлора, где мальчик в круглых очках с толстыми линзами и шрамом-молнией во лбу стоит на фоне ярко-красного поезда с надписью «Хогвартс-экспресс», — самая известная в книжном мире иллюстрация.

Джоанна была так возбуждена, что целый день пробродила по Эдинбургу с книгой под мышкой. Она как-то сказала Барри, что это было «все равно, что родить ребенка». Из ее же Уст Линдси Фрэзер узнала, что первыми словами Джессики были «Гарри» и «Поттер» и что

малышка, причем без всякого принуждения со стороны мамы, выкрикивала их в книжных магазинах: «А, наверное, люди думали, это я заставляю ее это делать».

Вокруг публикации первой книги не было никакого ажиотажа. Неизвестный автор, сюжет, где фигурировала какая-то школа волшебников, не привлекали особого внимания литературных редакторов. Бюджет книги был довольно скромен (настолько мал, что едва удалось заключить контракт с американскими распространителями) и недостаточен, чтобы Барри мог обеспечить книге громкую рекламу. Вместо этого он использовал свои связи с влиятельными литераторами, которые могли бы по достоинству оценить «Гарри Поттера». Тем не менее вскоре в «Скотсмэн» все же появился первый благоприятный отзыв: «Невозможно противиться дерзкому напору свежей, новаторской струи на фоне приевшихся триллеров и приторных любовных романов».

Повесть также удостоилась благосклонного упоминания в «Санди Таймс», где была названа «забавной волшебной сказкой для людей всех возрастов от десяти и старше». В основном, книга была рассчитана на возрастную группу от девяти до тринадцати лет, но главным достижением Джоанны как детской писательницы была доступность «Гарри Поттера» в том числе и взрослому восприятию. В газете кратко излагался сюжет повести: «Гарри Поттера в младенческом возрасте отдают в семью ужасно занудных и **злобных** родственников ради его собственной безопасности: он из мира волшебников. В день одиннадцатилетия волшебники сообщают ему, кто он на самом деле, и поезд уносит его навстречу судьбе. История полна неожиданностей и шуток; на этот раз, похоже, сопоставление с Дэлом вполне оправданно». По иронии судьбы, Роальд Дэл был далеко не самым любимым писателем Джоанны Ролинг.

Через три дня после выхода в свет «Гарри Поттера» в судьбе Джоанны произошел неожиданный, прямо-таки фантастический поворот. В доме номер 7 по Саут-Лэйн-Плэйс зазвонил телефон. Это Кристофер Литтл звонил ей из Нью- Йорка. Он сказал, что там начался аукцион по продаже прав на распространение книги на американском рынке и ситуация складывается весьма обнадеживающая. Позже в интервью журналу «Салон» Джоанна вспоминала: «Аукцион? — подумала я. — «Сотби», «Кристи»? Антиквариат? О чем это он? Только потом я догадалась, что на продажу выставлена моя книга». Кристофер обещал держать Джоанну в курсе происходящего. Ключевой закулисной фигурой аукциона был Артур А. Левин, директор редакции «Схоластик Букс». По совпадению, незадолго до этого Дженет Хогарт уволилась из «Блумсбери» и, уехав в Америку, устроилась в «Схоластик». Именно она обратила внимание Левина на «Философский камень». Тот прочитал повесть в самолете, пока летел из Нью-Йорка в Италию, на книжную ярмарку в Болонье, и сразу же понял, что в Америке «Гарри Поттер» будет пользоваться неслыханным спросом. На аукционе он был отнюдь не единственным покупателем, но только он предложил за книгу 100 000$ (66 666£). В интервью «Нью-Йорк Таймс» он заявил: «Становится страшновато, когда продолжаешь торговаться, а ставки все растут. Единственное, что я могу сказать: мне нравится эта повесть безвестной шотландской писательницы, и я хочу ее издать. Другое дело, когда речь идет о деньгах. Как вам 50 000$? А 70 000$?»

К счастью для Джоанны, мистер Левин раскошелился на 100 000$, хотя, по его собственному признанию, ни за одну книгу он не давал такой суммы, решаясь при этом пойти «на большой

риск». Даже Кристофер Литтл, подсчитав свои 20 процентов, оставил обычно шутливый тон, когда по телефону сообщал Джоанне: мистер Левин из «Схоластик Букс» предложил за ее книгу шестизначную сумму и минут через десять самолично позвонит поздравить ее с успехом. «Я едва не умерла от волнения», — говорит Джоанна. «Мы очень мило побеседовали, — вспоминает мистер Левин. — Я ей сказал: «Только не пугайтесь», — а она ответила: «Спасибо, я уже испугалась». И мы оба согласились, что теперь отступать некуда и надо сделать все, чтобы книга окупилась».

Это стало переломным моментом в жизни Джоанны. Оглядываясь в прошлое, в статье для «Санди Таймс», Дж. К. Ролинг вспоминает: «Я весь вечер ходила взад-вперед по дому в каком-то нервном оцепенении, легла спать только в два часа ночи, а рано утром меня разбудил телефонный звонок. Я не отходила от телефона всю неделю». Пресса любит смаковать подобные сюжеты: «нищая мать-одиночка получает шестизначную сумму» или «крупный лотерейный выигрыш спас жизнь умирающему без дорогостоящей операции ребенку». Каждая газета мечтала заполучить подробную информацию о жизни Джоанны в Эдинбурге, рассчитывая выжать из этой сенсации что только можно.

Чего только о ней не писали. «Недавно разведенная мать-одиночка без гроша в кармане продала первую книгу за 100 000£», — заявляла «Дэйли Мэйл». Во-первых, Джоанна давно уже не сидела без гроша в кармане благодаря стипендии Шотландского совета искусств. Развелась она почти два года назад, а гонорар ее составил сто тысяч долларов, а не фунтов, как утверждалось. Не ошиблись они только насчет матери-одиночки. Все факты биографии Джоанны искажались, упрощались; значение одних событий в ее жизни преуменьшалось, других — преувеличивалось. Газетчики быстро разузнали, что она имела привычку писать в кафе, пока

Джессика спала рядом в коляске, и что жила в неотапливаемой, обшарпанной квартире.

Интересно, как бы публика восприняла феномен «Гарри Поттера», заплати за него «Схоластик» чуть меньше? Конечно, никто не стал бы тратить ни времени, ни средств на «раскрутку», если бы за книгу дали, скажем 5000$ (3333£). Но поскольку в нее было вложено столько денег, она просто обязана была иметь успех. Были ли 100 000$ разумным вложением? Многие так называемые эксперты сомневались, что удастся продать в США первые 50 000 экземпляров — очень большой тираж для книги неизвестной писательницы. В рейтинге бестселлеров «Гарри

Поттер» занимал 135 позицию, но, как и в Британии, популярность мальчика-волшебника быстро росла. К концу 1999 г. книги о Гарри Поттере занимали три первые строчки в списке бестселлеров года — литературный эквивалент «Битлз».

Кристофер Литтл заявил прессе, что сделка со «Схоластик» — «беспрецедентный» случай в истории детской литературы. Это возымело свой эффект. Хотя, для сравнения, Линн Рейд Бэнкс получила 670 000$ (446 666£) от продажи прав на издание в Америке ее третьего подросткового романа «Тайна индейца», когда «Макинтош и Отис» в начале 1990-х гг. выставили его на нью-йоркский аукцион. Но сумма, вырученная Джоанной, была необычно крупной для не публиновавшегося ранее автора и достаточно крупной, чтобы вызвать большой ажиотаж.

★

Через две недели после выхода в свет «Гарри Поттера и философского камня» Джоанна отвезла своему издателю рукопись следующего тома о приключениях мальчика-волшебника. Вторую книгу писать было намного труднее, чем первую: Джоанна тяготилась мыслью, что она не будет иметь такого успеха. Она даже убедила «Блумсбери» вернуть рукопись еще на шесть недель, чтобы она могла доработать текст. К тому времени Барри Каннингем ушел из издательства. Срок его трехлетнего контракта истек, и он решил перебраться в провинцию. Теперь у него собственная компания, «Чиккен Хаус», которая издает детские книги в Британии и США. Он очень гордится своей ролью в судьбе «Гарри Поттера» — книги, которая «потеснила Ганнибала Лектера с верхней строчки списка бестселлеров». Вскоре после ухода из «Блумсбери» он побывал на одном мероприятии в местной школе и заметил в руках одной маленькой девочки первое издание «Философского камня». «Мне стало интересно ее мнение, я подошел и заговорил с ней. Никогда не забуду, как она, крепко прижимая «Поттера» к груди, тихо ответила: «Это моя любимая книга».

Джоанна не забыла заслуг Каннингема и всячески поддерживала Барри в его новом начинании.

А тем временем писательницу все больше затягивал стремительный водоворот новой жизни. Ее впервые попросили дать эксклюзивное интервью для государственной газеты. «Блумсбери» организовало встречу Джоанны с Найджелом Рейнолдсом, остроумным светским журналистом, ведущим колонку о новостях искусства в «Дэйли Телеграф», самой многотиражной газете в Соединенном Королевстве. Джоанна в сопровождении агента по рекламе «Блумсбери», Ребекки Уайатт (для подстраховки), явилась в офис «Телеграф» в районе

лондонских доков. Рейнолдсу она понравилась: «Мы прекрасно пообщались. Помнится, я предрек, что в дальнейшем ей еще не раз будут задавать подобные вопросы. Она немного нервничала, наверное, внушила себе, что интервью — это сложно. Кроме того, я сказал, что если все пройдет гладко, ее жизнь станет достоянием общественности. Казалось, ее это тревожило. Она вела себя несколько скованно и настороженно».

Найджел и Джоанна обсуждали «поттеризованную биографию» писательницы, которая быстро попала в прессу благодаря рекламной деятельности «Блумсбери». «Создавалось впечатление, — говорит Рейнолдс, — что она жила в маленькой темной каморке и не могла заплатить даже за отопление. Джоанна подтвердила всю нашу предварительную информацию. Казалось, она сговорилась с агентами по связям с общественностью. Она рассказывала и о кафе, и о ребенке в коляске, и о других уже известных случаях из жизни. Еще Джоанна поведала историю появления «Гарри Поттера», всю, с самого начала. Но подробностей личной жизни она избегала. Например, она так и не сказала, почему уехала из Португалии».

Рейнолдс подивился профессионализму писательницы, даже в плане ее первого опыта общения с прессой, однако, добавляет он, «она не показалась мне счастливым человеком. Если человек счастлив, он словно светится изнутри. Я знал, что в Шотландии ей порой приходилось очень нелегко, но казалось, что она вобрала в себя всю мировую скорбь. В ней ощущалась некая надломленность».

«Телеграф», естественно, захотел сделать снимок писательницы в кафе за чашкой кофе, так что все погрузились в такси и поехали на улицу Ковент-Гарден. Джоанна, расслабившаяся после интервью и отдыхавшая от напряженной офисной обстановки, не производила впечатления утомленного славой человека, с неизменно обреченным видом тысячу раз позировавшего для прессы. На фотографии, помещенной в газете, она приятно улыбается; из-под прядей густых каштановых волос кокетливо выглядывает сережка в мочке правого уха. Ей несказанно повезло с Рейнолдсом: Найджел был тем человеком, который мог вместе с ней за компанию курить сигарету за сигаретой, и они, пуская табачный дым под каппуччино, просидели в кафе больше часа.

Первое интервью прошло довольно безболезненно для Джоанны, но Рейнолдс был прав: ей не нравилась роль объекта пристального внимания публики. Однажды она едва не поссорилась с Кристофером Литтлом, когда тот договорился о нескольких общественных мероприятиях, которые она,

разумеется, тут же отменила. Ровно через десять дней после издания первой книги интервью Джоанны было опубликовано на третьей странице «Телеграф», и история ее головокружительной карьеры стала основным стержнем официальной биографии легендарной Дж. К. Ролинг: «Она бродила по улицам с Джессикой в коляске, пока та не засыпала, а потом со спящей девочкой шла в кафе, заказывала кофе, раскладывала на столе свои бумаги и лихорадочно строчила, пока дочка не просыпалась». «Романтическая» история о том, как разведенная мать-одиночка без гроша в кармане сорвала банк, была лишь слабым отражением тех бед, которые выпали на долю Джоанны.

Рекламная шумиха давала свои плоды. В своей следующей статье о Джоанне, опубликованной спустя год после первого интервью и через шесть дней после выхода в свет повести «Гарри Поттер и тайная комната», Рейнолдс сообщал, что впервые за всю историю литературы рейтинг бестселлеров в Соединенном Королевстве возглавила детская книга. В обеих статьях упоминалось, что к «Гарри Поттеру» выказывают интерес и ведущие кинокомпании. Но следующим этапом в жизни Джоанны стал не Голливуд, а дом номер 19 по Хейзелбэнк-Террас.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Переезд

«Я был поражен, насколько непринужденно она общалась со своей дочерью»

Гарри Поттер и философский камень» почти сразу попал в списки бестселлеров. Может быть, Гарри и не превратился в культовую фигуру, но только в США в первый год после публикации было продано 70 000экземпляров книги, и Джоанна Ролинг была удостоена премии «Смартиз» за вклад в детскую литературу. Однако, как известно, авторских гонораров приходится ждать довольно долго. Свой первый чек на 800£ (1200$) Джоанна получила только через полгода, но и этому радовалась, как ребенок, потому что «не ожидала вообще что-нибудь на этом заработать». Второй авторский гонорар составил 2000£ (3000$). Так что к тому времени как следующая ее книга, «Гарри Поттер и тайная комната», поднялась до первой строчки в рейтинге бестселлеров, за свой труд Джоанна получила в общей сложности всего 2800£ (4200$).

Однако сделка со «Схоластик» сулила реальные деньги, и Джоанна уже знала, что сделает первым делом со своей долей: съедет с Саут- Лорн-Плэйс. Ее всегда волновал вопрос собственной безопасности, а разбитое окно и попытка ограбления стали последней каплей. Решено: она найдет новый дом. Ее сестра Ди бросила работу медсестры и стала изучать право.

Вместе с мужем Роджером они все еще жили на Марчмонт-роад, и Джоанна стала подыскивать жилье либо в том же квартале, либо в радиусе пяти минут на такси. Джоанна так и не научилась водить, но когда на ее банковском счету оказалась приличная сумма, она смогла пользоваться услугами таксистов, а не ходить пешком и не толкаться в переполненных автобусах с четырехлетним ребенком. Она рассчитывала заплатить за дом максимум 40 000£ (60 000$), но самое главное, чтобы рядом с ним находилась приличная начальная школа.

Школа «Крейглокхарт» на Эшли-Террас представлялась хорошим вариантом: в нескольких ярдах от Локхартского моста через канал Юнион, приятное, спокойное место для неспешных дневных прогулок с ребенком. Через два поворота от школы, на Хейзелбэнк-Террас, Джоанна обнаружила выставленную на продажу квартиру. Это была опрятная улочка в рабочем квартале, где ощущался дух добрососедства, а в тихих переулках катались на велосипедах местные ребятишки. Джоанну все устраивало. Дома были двухэтажные, с маленькими палисадниками со стороны фасада. Идеальный вариант на первое время. Публика по соседству обитала разная: кто-то прожил здесь более тридцати лет, но были и молодые семьи с детьми, большинство которых ходило в Крейглокхарт. Джоанна не говорит, как родилась у нее идея дать одному из самых забавных персонажей «Гарри Поттера», тщеславному хогвартскому преподавателю Златопусту, фамилию «Локхарт» (Локоне), но идентичное название ежедневно попадалось ей на глаза.

Джоанна уезжала из Лейта без всяких сожалений. В последующие годы она не раз бывала в дорогих ресторанах и бистро вдоль Берега — заведениях, проходя мимо которых раньше, она лишь завистливо косилась на выставленные в витринах меню. Мама с дочкой переехали на Хейзелбэнк-Террас как раз перед началом учебного года и в сентябре 1998 г. Джоанна отдала Джессику, которой исполнилось пять лет, в начальную школу. Тогда еще никто из соседей и школьных преподавателей не подозревал, что среди них вращается настоящая знаменитость. Мамы, вместе с Джоанной после уроков встречавшие ребят из школы, даже подумать не могли, что любимую книжку их детей написала женщина, с которой они весело болтали у школьных ворот. Одна из родительниц как-то призналась: она никогда бы не осмелилась заговорить с Джоанной, если бы знала, что это «та самая Дж. К. Ролинг». Джоанна не стремилась к известности и уж тем более не желала быть зажатой в тисках славы. В интервью «Санди Таймс» она заявила: «Я не ожидала, что кто-то всерьез заинтересуется моей

личной жизнью; пределом моих самых смелых мечтаний было издание «Гарри Поттера», и мне кажется, именно мое творчество должно быть в центре внимания уважающей себя газеты».

Новая квартира Джоанны располагалась на верхнем этаже дома, с отдельным входом со стороны улицы. Прямо за красной входной дверью начинался лестничный пролет. В самой квартире было две спальни, отдельная кухня, гостиная и чердак, где Джоанна устроила первый в своей жизни рабочий кабинет. Сюда иногда допускалась и Джессика — поиграть в «Нинтендо» и другие компьютерные игры. И впервые в жизни у девочки появилась отдельная спальня.

Палисадник у дома был заасфальтирован, что вполне устраивало Джоанну: она не унаследовала склонности матери к садоводству, это спокойное, целенаправленное занятие не соответствовало ее темпераменту. Правда, уступив мольбам дочери, она купила ей кролика, как они думали, карликового. Но малыш быстро превратился в лопоухого монстра, который так и норовил вместе с протянутым куском сахара оттяпать полпальца. Потом, чтобы ему не было скучно, в доме появилась морская свинка. Почти каждый вечер сосед Уильям Форд слышал хлопанье входной двери и возглас Джоанны: «Боже мой, я забыла покормить кролика!» И еще у Джоанны был кот, что характерно, по кличке Хаос.

Мистер Форд тоже не сразу понял, что Джоанна — это Дж. К. Ролинг, но, как и другие соседи, он уважал ее право на личную жизнь. «Она жила очень тихо и скромно, — вспоминает он. — Мы все присматривали за ее дочуркой. Она была такая маленькая, Джессика, совсем крохотная. У нас здесь все помогают друг другу». Джоанна быстро стала частью местной коммуны и, когда забывала ключи от дома, всегда звала на выручку мистера Форда.

Теперь Джоанна стала профессиональной писательницей. Она прикладывала все усилия, чтобы у Джессики, насколько это возможно, была нормальная жизнь, хотя все чаще отлучалась из дома, — то на рекламные мероприятия, то на встречи с читателями. Она обнаружила, что ей доставляет большое удовольствие общение с детьми, которые приходили посмотреть на нее или послушать, как она читает: «Мне, как бывшей учительнице, приятно сознавать, что я не несу никакой ответственности за этих ребят и моя задача — просто развлечь их, и к черту дисциплину». Опять же, как бывшая классная дама, Джоанна не могла понять и одобрить поведение двух учительниц, которые, пока шестьдесят их подопечных слушали ее раскрыв рот, все время болтали друг с другом. Один из самых приятных моментов в своей жизни Джоанна пережила во время рекламного

тура по Великобритании в связи с выходом повести «Гарри Поттер и тайная комната». Мама девятилетнего мальчика, страдавшего дислексией[20] , сказала ей, что «Гарри Поттер» — это первая книга, которую ее сын самостоятельно прочитал от начала до конца. Однажды утром она даже расплакалась, увидев, что ребенок сам взял в руки книгу, после того как она прочитала ему первые две главы.

Когда в Крейглокхарте узнали, кто такая Джоанна, она предложила провести встречу с учениками, чтобы те перестали терзать Джессику расспросами о матери. «Больше всего были обескуражены старшеклассники, которые читали эту книгу на уроках», — говорит Джоанна. Джессика, которая быстро находила общий язык со своими сверстниками, наверное, единственная не читала книг мамы: Джоанна решила подождать, пока дочери исполнится лет семь. Но Джессика так устала от постоянных расспросов, что Джоанна, немного волнуясь, начала читать ей «Гарри Поттера» вслух. К счастью, дочке книга понравилась.

Чем более знаменитой становилась Джоанна, тем тщательнее она скрывала свою личную жизнь. Иногда она заходила в «Марджиотту», магазин деликатесов на Эшли-Террас, в двухстах ярдах от дома, но чаще предпочитала делать покупки в Стокбридже, модном районе к северу от Принцесс-стрит, в нескольких милях от Хейзелбэнк-Террас. Литературный агент Жиль Гордон, заведующий шотландским офисом Кертиса Брауна, вспоминает, что как-то раз в магазине «Хербис» на Реберн-Плэйс у прилавка с сыром и ветчиной увидел знакомое лицо — молодую женщину с маленькой девочкой. «Она выглядела самым счастливым человеком на свете», — говорит Жиль. Подойдя к кассе, он поинтересовался, на самом ли деле это она — та, о ком он подумал. Кассир сперва не понял о чем речь, а когда Жиль объяснил, что, как ему кажется, у них в магазине только что побывала одна из самых известных жительниц Эдинбурга, равнодушно ответил, что она здесь частый посетитель. Под впечатлением от этой встречи Жиль упомянул о ней в своей колонке сплетен из литературного мира «Агент Провокатор» в «Эдинбург Ивнинг Ньюс». «Хорошая новость, — писал он. — Мои дети, которые считают Дж. К. Ролинг превыше Шекспира, в следующий раз, когда я отправлюсь за яйцами, обязательно пойдут со мной». Но едва ли они застали бы там Джоанну. Через несколько недель Жиль вновь оказался в «Хербис». «Большое спасибо, — сказали ему там. — С тех пор как вы написали ту заметку, больше мы ее не видели. А ведь она была одной из лучших наших клиенток».

Это еще раз доказывает, насколько серьезно Джоанна

относится к неприкосновенности личной жизни. Один из эдинбургских журналистов полагает, что Джоанна намеренно афишировала свои посещения некоторых кафе, чтобы ее не донимали там, где она действительно была завсегдатаем. Она продолжала заходить в «Николсонс», но уже значительно реже: кафе превратилось в место паломничества поклонников Дж. К. Ролинг. В любом случае к 1998 г. в «Николсонс» все изменилось: кафе утратило свою неповторимую бесшабашную атмосферу студенческой забегаловки, прежде вдохновлявшую Джоанну, превратившись в роскошный бар-ресторан. Здесь уже нет ни синих с желтым скатертей, ни репродукций Матисса — столы темного дерева, бордовые кресла, паркет на полу и современный минималистский декор. Администрация решила ориентироваться на богатую молодежь, посетителей дорогих ресторанов, разодетых театралов, забегающих сюда по пути в находящийся через дорогу театр «Фестиваль». Это место было уже совсем не в духе Гарри Поттера. Трудно представить себе мать-одиночку, живущую на одно пособие и сидящую здесь за столиком с бокалом дорогой текилы, авторучкой и мирно посапывающим в коляске ребенком.

Про кофе тоже, однако, не забыли: зять Джоанны Роджер занялся осуществлением нового проекта «Черное лекарство», открыв в городе сеть кофеен, составивших серьезную конкуренцию международным компаниям. «Мы стремимся к созданию приятной, комфортной атмосферы за счет натуральных материалов: дерева, камня», — объясняет он. С годами пить кофе стало несказанно модно, и в плане рекламы, которую невольно создала Джоанна нынешнему ресторану, она давным-давно вернула свой долг и самому Роджеру, и его персоналу. В ближайшие годы «Николсонс» непременно войдет во все эдинбургские путеводители и справочники как место, связанное с историей создания «Гарри Поттера». Можно было бы даже повесить снаружи соответствующую табличку. Поэтому неудивительно, что, когда в апреле 2001 г. кафе было выставлено на продажу, за него запросили более 325 000£ (487 500$). Но вряд ли новый владелец когда-либо увидит среди своих посетителей саму Джоанну.

Особое впечатление на Жиля Гордона, стоявшего в кассу позади Джоанны, произвели отношения между матерью и дочерью: «Я был поражен, насколько непринужденно она общалась со своей дочерью, — говорит он. — Очень просто и душевно. Обе чувствовали себя совершенно свободно, и я подумал: надо же, как они привязаны друг к другу, это так мило».

Джессику, похоже, совсем не трогает слава матери. В гостях у

«Дезерт Айленд Диске» Джоанна сказала: «Мне кажется, с одной стороны, даже хорошо, что она была еще маленькая, когда в нашей жизни стали происходить все эти перемены. А повзрослев, стала воспринимать это как должное». Однажды Джоанна из интереса включила радио и сказала дочери, что сейчас мама будет рассказывать о своей книге. На девочку это не произвело ровно никакого впечатления: «Но ведь я и так знаю, что ты скажешь, мама».

Да уж. В первые годы Джоанна проводила с Джессикой гораздо больше времени, чем могут себе позволить многие матери, и это, видимо, сыграло свою роль. Джессика до сих пор занимает в жизни Джоанны несравнимо более важное место, чем Гарри Поттер: «Она-то знает, кто главнее, и в этом совершенно права».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Достояние общества

«Я больше не могу писать!»

Самые худшие опасения Джоанны оправдались 14 ноября 1999 г. Репортеры прознали, что некогда она была миссис Хорхе Арантес. Она предвидела, что когда-нибудь это случится. Однако не ожидала оказаться настолько знаменитой, что газеты будут готовы заплатить ее бывшему мужу за интимные подробности его романа и брака с ней, чтобы потом миллионы людей смаковали их за завтраком. Горькая ирония есть в том, что тогда же американский журнал «Гламур» назвал ее Женщиной года, а «Скотланд он Санди» — самой завидной партией в Шотландии.

Газета «Экспресс» предложила Хорхе 15 000£ (22 500$) за интервью, первая часть которого была опубликована в воскресном выпуске «Экспресс он Санди». Это задание было поручено Дэннису Райсу. Одновременно с ним в Порто вылетел Пол Хендерсон из «Мэйл он Санди», дабы из других, бесплатных источников добыть информацию, которая могла бы «подпортить» триумф конкурентов. Дэннис Райс был разочарован встречей с бывшим супругом Джоанны: «Он показался мне неприятным человеком. В два часа дня он все еще нежился в постели. Мне даже не хотелось с ним общаться».

Взять интервью не составило труда: Хорхе прекрасно говорил по-английски. Репортаж появился в газете под заголовком «Потерянная любовь и Гарри Поттер». Ниже следовала строчка: «Откровения бывшего мужа: писательница начала повесть, будучи беременной», — что уже изначально было неправдой. Рядом поместили общую фотографию Джоанны, Хорхе и Джессики. Надо отдать Хорхе должное: в интервью он отзывался о Джоанне

весьма уважительно, расхваливал ее дивные голубые глаза. Он не пытался мстить. Но даже в этом случае Джоанне не особенно улыбалось, что весь мир будет посвящен в детали их непростых отношений.

Еще больше Джоанну расстроила статья в «Мэйл он Санди», где Хорхе заявлял о своем участии в написании «Гарри Поттера». Газета цитировала его слова: «Когда я предлагал Джоанне что-нибудь изменить, она обычно следовала моему совету. Мы читали работы друг друга и вносили коррективы». Хендерсон писал о Хорхе: «Безработный, без гроша в кармане, не- удавшийся журналист местного пошиба, проводит дни и ночи в полутьме за закрытыми ставнями в своем доме в Порто, мечтая о том, как бы извлечь выгоду из брака с известной писательницей».

В утро публикации Джоанне позвонил один друг. «Я даже ни о чем не подозревала, — вспоминает Джоанна. — Он спросил: «Ты в порядке? », — причем таким тоном, будто я только что перенесла сложную операцию. «А что?» —поинтересовалась я, и тогда он воскликнул: «Бог мой, ты ничего не знаешь!» Бедняга не хотел, чтобы Джоанна узнала эту новость от него, и попытался отшутиться, но ему все же пришлось рассказать о статье в газете. «Единственное, что я смогла сказать в ответ: «Да ты с ума сошел — читать «Мэйл он Санди»?!»

В следующем выпуске «Экспресс» была помещена вторая часть интервью: «Почему я выгнал жену из дома через пять месяцев после рождения ребенка и навсегда распрощался с браком и дочерью» — самые сенсационные откровения газетчики приберегли напоследок. Упомянув о пагубном пристрастии Хорхе к наркотикам, репортер с его слов живописал, как в пять утра тот выволок Джоанну на улицу и «дал ей сильную затрещину». Прочитала бы она все сама или узнала от друзей, в любом случае ей пришлось заново пережить неприятные моменты, связанные со скандальными событиями в Порто. Хорошо еще, что Джессике было всего шесть лет и от нее удалось скрыть эту историю. Девочке не пристало читать такие вещи.

Хорхе говорил газетчикам, что хочет увидеться с дочерью, но ни словом не обмолвился о постановлении эдинбургского суда, запрещающем ему любые контакты с семьей. «Мне не нужны деньги Ролинг», — гордо заявлял он, не отказавшись при этом от чека на 15 000£ за интервью. (Кстати, португалец так ничего и не получил. В «Экспресс» ему сказали, что он нарушил эксклюзивное соглашение, дав интервью «Мэйл он Санди» и еще одной ежедневной газете в Порто, «Жорнал де Нотисиас». Так что Хорхе и здесь ничего не выиграл.) В интервью он намекнул, что встречается с другой женщиной: «Я не могу жениться, пока не

докажу, что свободен». Хотя, чтобы получить доказательства развода, оформленного 26 июня 1995 г., ему достаточно было обратиться в регистрационную службу в Эдинбурге либо к адвокатам Джоанны, в офис «Блэклок Торли» на Коммершл-стрит.

Для Джоанны, однако, все могло обернуться куда хуже. К счастью, ей не ставили в вину «секс, наркотики и рок-н-ролл» — имидж, не очень-то приличествующий детской писательнице. Но и так все было довольно грустно. Как писал Дэннис Райс, «такое впечатление, что она стыдится своего прошлого». Одно дело, когда ты «мать-одиночка без гроша в кармане», другое — когда тебя выгнал из дома собственный муж.

С того момента Джоанна невзлюбила прессу и с еще большим рвением стала оберегать свою личную жизнь. Стали появляться и другие статьи, причем некоторые откровенно сфабрикованные, и писательница сказала Энн Тренеман из «Таймс»: «В то время я была очень уязвима.

Я не могла писать — самый верный признак того, что я полностью выбита из колеи (а это случалось нечасто). В тот день я собиралась поработать. Но, отправившись в кафе, просидела там без единой мысли в голове. Это еще больше расстроило меня. Ну вот, подумала я, теперь они замахнулись на самое ценное. Я больше не могу писать!»

На этот раз средством от депрессии стал не шоколад, а поход по магазинам. Джоанна зашла в самый крупный в Эдинбурге ювелирный магазин на Принцесс-стрит и купила кольцо с огромным квадратным аквамарином, даже не поинтересовавшись его стоимостью. Она еще никогда не совершала столь экстравагантных поступков. Зато ей было теперь чем защититься в случае уличного нападения. «Печатать с кольцом невозможно: оно такое громоздкое, — говорит Джоанна. — Большое до неприличия. Такие вещи надевают лишь по особым случаям; каждый день носить его просто опасно — можно кого-нибудь и поранить ненароком». Еще она накупила подарков подругам и почувствовала себя гораздо лучше. И это было очень кстати: ей срочно нужно было закончить «Гарри Поттера и кубок огня», а у нее возникли трудности с сюжетом. На половине книги Джоанна заметила, что все как-то не вяжется, построенная цепь событий не ведет логически к задуманной концовке, и пришлось все начинать сначала.

А между тем поднятая газетчиками шумиха вокруг семейной жизни Джоанны еще не улеглась. Летом 2000 г., за две недели до выхода «Кубка огня», появилось еще одно интервью с Хорхе, на этот раз в «Санди Миррор»: бывший супруг утверждал, что «Философский камень» она начала писать в Порто. В статье снова

поминалось пристрастие Хорхе к наркотикам, однако сообщалось, что он будто бы вылечился и начал новую жизнь в Париже, в округе Клиши. Через месяц он уже давал интервью «Дэйли Мэйл», заявляя, что решил порвать все связи с Джессикой и Джоанной, снова умолчав о судебном запрете. А еще, по его словам, у него сохранилось несколько рукописей Джоанны, обнародовать содержание которых он якобы не намерен. Правда же в том, что это не имеет ровно никакого значения. Когда Джоанна в спешке покидала его дом, ее больше заботила дочь, чем какие-то записи.

Да, Хорхе Арантес был когда-то мужем Джоанны. Он просто часть ее жизни, и она не в силах помешать газетчикам преследовать людей из ее прошлого или настоящего. А что касается самого Хорхе, возможно, он все же сумеет изменить свою судьбу и вновь станет тем обаятельным человеком, который когда-то покорил сердце Джоанны.

За три года Дж К. Ролинг стала одной из самых богатых и знаменитых женщин в мире, а, как известно, именно знаменитостям публика не склонна прощать ни малейшей слабости. В прессе вовсю муссировались слухи о том, что ее отец с непозволительной поспешностью женился на своей секретарше, и это привело к расколу в семье. Джоанна до сих пор не может привыкнуть к тому, что стала объектом пристального внимания со стороны как серьезных газет, так и желтой прессы. В то время как первые интересуются в основном ее творчеством и литературным феноменом «Гарри Поттера», бульварным изданиям не дают покоя ее богатство и слава. Интерес этот вполне объясним, однако, что характерно, когда сама писательница пожелала обратиться к широкой аудитории от лица Национального совета по делам неполных семей, она поведала историю своих эдинбургских злоключений газете «Сан».

Но, несмотря ни на что, у Джоанны всегда есть надежный тыл — ее книги. Она не согласна с тем, что Рита Скитер (Москита), специальный корреспондент «Ежедневного пророка», — это своего рода месть тем газетчикам, чьи надуманные истории принесли Джоанне немало огорчений, да и Розамунд де ла Хэй подтверждает, что образ Риты «ни в коем, ни в коем случае» не является пародией на какое-либо конкретное лицо. Москита — один из любопытнейших персонажей повести о Гарри Поттере, ведьма в алых одеждах, которая с помощью специального заклинания исторгает из своих несчастных жертв, в частности Гарри, искаженные цитаты. Джоанна рисует ее портрет с особым злорадством: «Ее волосы были уложены замысловатыми и подозрительно тугими завитками, странно контрастировавшими с тяжелой челюстью. Она носила очки в дорогой оправе и красила

алым лаком двухдюймовые ногти на толстых пальцах, сжимавших сумку из крокодиловой кожи». Не успел Гарри открыть рот, чтобы ответить на заданный Москитой вопрос, как заклинание уже сделало свое дело, и она уже сама формулирует: «Уродливый шрам, память о трагическом прошлом, обезображивает довольно милое в остальных отношениях лицо Гарри Поттера...»

Рита — собирательный образ, олицетворение бульварной прессы, настоящий шедевр для человека, никогда не имевшего отношения к журналистике. Джоанна говорит, что изначально мисс Москита должна была фигурировать в «Философском камне». Когда Гарри впервые попал в «Протекающий котел», она тут же подбегает к нему, чтобы взять интервью у милашки со шрамом на лбу. Позже Джоанна изъяла этот персонаж из окончательного варианта «Философского камня», так что впервые мы встречаемся с Ритой лишь в «Кубке огня». «Я планировала написать семь книг, — объясняет Джоанна, — и решила, что ей следует появиться на сцене в середине повествования, в четвертой книге, когда Гарри всерьез начинает тяготиться бременем славы». Хотя, по утверждению писательницы, создавая образ мисс Москиты, она не имела в виду ни конкретное лицо, ни конкретные события, определенные параллели угадываются между статьей в «Дэйли Рекорд», где заявлялось, что Ролинг стала «замкнутой, нервной и раздражительной», и эксклюзивным репортажем в «Ежедневном пророке», где говорилось, будто Гарри Поттер «непредсказуем и потенциально опасен».

Кстати, репортер «Дэйли Рекорд» может облегченно вздохнуть: «Кубок огня» была написана еще до публикации статьи. Под конец Рита получает заслуженный нагоняй, когда Гермиона выясняет, что она незарегистрированный зверомаг — превращается в жука и подслушивает чужие разговоры. Гермиона поймала Риту и посадила в стеклянную банку. Но мстительная мисс Москита еще напомнит о себе в будущих книгах.

Сегодня Джоанна обладает уже достаточным влиянием, чтобы контролировать качество поступающей в прессу информации. Перед каждым интервью она, словно командир перед боем, с особой тщательностью продумывает и планирует все свои фразы. «Намечающиеся интервью обычно готовятся в строгом секрете, — говорит один шотландский журналист. — Она уже привыкла быть в центре внимания и следит за тем, чтобы те, кто о ней пишет, не переусердствовали. После презентации новой книги она, обычно обосновавшись в отеле, целый день принимает журналистов и лично отвечает на их бесконечные вопросы».

Прошли те времена, когда Джоанна позировала для прессы за столиком в кафе «Элефант» или «Николсонс». Кто еще не видел,

как Ролинг пьет кофе? Журналистов, бравших у нее интервью, она всегда покоряла своим чувством юмора, заливистым смехом, искренностью, прямотой и умом. И несмотря на то что в литературном мире она считается звездой первой величины, ей никогда не изменяло чувство меры. В конце интервью с Симоном Хэттенстоуном из «Гардиан» она, поддавшись на уговоры, согласилась сфотографироваться с метлой. «По правде говоря, — смеясь, сказала она, — я чувствую себя полной дурой».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Голливуд

«Фильм должен быть британским и понятным и близким детям»

В

Голливуде сразу положили глаз на «Гарри Поттера». Одним из первых был Дэвид Хэйман, который в январе 1997 г. вернулся в Лондон, семнадцать лет прожив в Лос-Анджелесе. Сначала он работал на «Уорнер Бразерс», затем сам стал независимым продюсером нескольких кинокартин, в том числе «Juice» и «The Daytrippers» — последняя была названа лучшим фильмом на фестивале в Довилле в 2000 г. Он также принимал участие в съемках нашумевшей «Маленькой принцессы» и знал, как завоевать признание детской аудитории. Но главное, он подписал контракт с «Уорнер Бразерс» на право разработки творческого материала и поисков потенциальных партнеров через собственную компанию, «Хэйдэй Филмз».

«Хэйман был нашими глазами и ушами, — объясняет президент «Уорнер Бразерс» Лоренцо ди Бонавентура, — нашим посредником между Британией и Соединенными Штатами, помогая обеспечивать финансирование определенных проектов и занимаясь разработкой материалов, которые было выгоднее снимать в Соединенном Королевстве, чем в США».

Лестный отзыв в адрес мистера Хэймана не освобождал его от ответственности: он должен был искать и найти те самые «материалы». Ему еще только предстояло выйти на Дж. К. Ролинг и «Гарри Поттера».

Таня Сегатчиан, исполнительный директор «Хэйдэй», первой открыла «Гарри». Именно она посоветовала Дэвиду прочесть книгу. Сюжет ему понравился. Потом повесть прочитали его дети и тоже были в восторге. И все друзья, успевшие ознакомиться с содержанием, давали самые положительные отзывы. Мистер Хэйман присутствовал на званом обеде в доме Коуклы Маклоуз, вращавшейся в среде литераторов, и та тоже настоятельно рекомендовала обратить внимание на «Философский камень». Коукла — лондонский представитель нескольких европейских

издательств. Она сразу же разглядела огромный потенциал «Гарри Поттера» и убеждала своего друга Хэймана, да и других своих клиентов, как можно быстрее взять его в оборот. В то время она работала в паре с некой Мелиндой, дочерью венгерского издателя Иштвана Балаша. Коукла посоветовала Мелинде порекомендовать «Гарри Поттера и философский камень» отцу. Иштван сначала засомневался: начальная цена составляла 500$ (333£) — приличная в Венгрии сумма за книгу никому не известного автора, — но затем, по некотором размышлении, согласился издать повесть. После выхода четвертого тома, **«Гарри** Поттер и кубок огня», Коукла полюбопытствовала, как у Иштвана продвигаются дела. «Уже продали 60 ООО экземпляров», — не без гордости ответил тот.

Дэвид Хэйман спешил получить права на книгу, но Кристофер Литтл не торопился. Прошло почти два года, прежде чем был подписан контракт с «Уорнер Бразерс» — к тому времени «Гарри Поттер» стал мировым бестселлером, и, как следствие, стоимость его существенно возросла. Примечательно, что издательства, в свое время отказавшиеся принять рукопись книги, вскоре после первой публикации были готовы на все, лишь бы перекупить права на следующий том. В наш век модернизации детской индустрии развлечений книгоиздатели недооценили привлекательность простого сказочного сюжета, слитые воедино элементы которого (школа-интернат, мальчик-сирота, волшебство) пробуждают детское воображение.

Дэвид Хэйман сразу же осознал перспективность экранной версии гениального творения Джоанны. Причем не он один. А Кристофер Литтл умело этим воспользовался. Найджел Рейнолдс написал через десять дней после выхода в свет первой книги Джоанны: «За право постановки фильма состязаются две голливудские студии и один американский независимый продюсер»*

На следующий день то же сообщала Таня Томпсон в «Скотсмэн». Кристофер позаботился о том, чтобы все узнали, какой перспективный материал находится у него в руках. Джоанну, сидевшую в своей «обшарпанной» квартирке в Эдинбурге, сперва все это смущало.

Постепенно, шаг за шагом Джоанна вновь обретала уверенность в себе, чему способствовали разные факторы: первое место в списке бестселлеров, получение престижной литературной премии, переезд со съемной квартиры и даже просто автографы, которые она раздавала своим поклонникам. За следующие два года Джоанна набралась мужества и сил, чтобы защищать свое творение и принимать деятельное участие в его

судьбе. Например, и речи быть не могло, чтобы Гарри Поттер учился в Школе чародейства и волшебства «Беверли Хиллз». Джоанна так и заявила репортерам «Нью-Йорк Таймс»: «Я сделаю все, что в моих силах, чтобы портрет Гарри не появился на пакетах с гамбургерами. Для меня это станет худшим кошмаром» .

Феноменальную популярность «Гарри Поттера» в США объяснить трудно. «Это ведь настолько британские книги, — говорит сама писательница. — В них нет ни американских героев, ни американской обстановки. Для меня это загадка*. Тем не менее она не желает идти ни на какие компромиссы ради продвижения «Гарри Поттера» на американском рынке. «Гарри — это не американский студент, приехавший по программе обмена в британский Хогвартс. Мне кажется, что все очарование книги нарушится, если главный герой будет из Техаса или откуда-нибудь еще». Джоанна уже выиграла одну битву с американскими издателями, которые хотели переиначить на американский манер слово «мама». Однако она все же пошла на одну уступку. Оказалось, по ту сторону Атлантики мало кто из детей знает, что такое «философский», поэтому в американский кинопрокат фильм был пущен под названием «Гарри Поттер и колдовской камень».

Чтобы наверняка привлечь интерес детей к кинокартине, существуют два волшебных слова: «Стивен» и «Спилберг». Поскольку это имя упоминалось в связи с «Гарри Поттером», весь мир кинематографа тут же догадался, что речь идет о серьезном проекте. Джоанна уже увлеклась занятной игрой голливудских раутов: подбором актеров для съемок фильма. Она хотела, чтобы Хагрида играл Робби Колтран, полагая, что этот актер, самой известной ролью которого был аналитик-криминалист Крэкер, просто создан для того, чтобы изображать на экране хогвартского лесничего.

К концу 1999 г. были подписаны контракты на съемки. Кристофер Литтл заключил соглашение с Дэвидом Хэйманом и «Уорнер Бразерс», и Джоанна была на седьмом небе от счастья. Это была не самая крупная в мире кинематографа сделка (официально обошедшаяся компании в миллион долларов), но Джоанна не желала бросать Гарри на произвол судьбы из-за трех мешков золота. Она оставила за собой право голоса, могла вносить поправки в сценарий и наложить вето на те или иные формы рекламы, особенно в Британии. В обмен на это «Уорнер Бразерс» получала все права на товарный знак Гарри Поттера, то есть, как поняла Джоанна, на использование его в одежде и играх, упаковках напитков и шоколада, а это были немалые деньги.

Фельетонистка Либби Первз уже начинала проявлять беспокойство по поводу текущего курса событий. В статье для «Таймс Эдьюкейшнл Сапплмент» она писала: «Гарри скоро обзаведется блондинистой подружкой и среднеатлантическим акцентом. Потом появятся тематические парки с маленькими аккуратненькими домиками на аллее Диагон и виртуальный квиддич с метлами». Ее волнение за судьбу «Гарри Поттера» вполне объяснимо в свете позорной, по ее мнению, концовки «Маленькой принцессы», где вдруг вопреки всему оказывается, что отец героини вовсе и не умер.

Первым делом нужно было выбрать режиссера. Кандидатом номер один какое-то время оставался Стивен Спилберг, но затем от этой идеи отказались, что породило массу необоснованных слухов, в том числе и о том, будто между ним и Джоанной возникли расхождения по поводу экранного образа Гарри. Спилберг начал работу над другим проектом «Уорнер Бразерс». Среди наиболее вероятных кандидатов называли также Брэда Спилберга, Терри Джиллиама, Джонатана Джемме и Ивана Райтмана. В итоге выбор остановили на Крисе Коламбусе, контракт с которым был подписан 27 марта 2000 г., спустя почти три года после того, как Дэвид Хэйман впервые прочитал «Гарри Поттера». У Коламбуса был внушительный «послужной список»: «Один дома», «Миссис Даутфайр» (кстати, по роману «Мадам Даутфайр» Энн Файн — жительницы Эдинбурга). Но, наверное, большую известность ему принесли сценарии детских приключенческих фильмов в жанре фэнтези, в частности «Гремлины», «Громилы» и «Юный Шерлок Холмс».

«Нам было важно найти режиссера, — говорит Лоренцо ди Бонавентура, — которому была бы близка и детская тематика, и волшебство». Сам Коламбус, не тратя времени на выступления в прессе, вылетел в Лондон на встречу с Джоанной. По утверждению «Вэрайети», именно она, а вовсе не директор студии Алан Хорн, сказала решающее слово в определении стилистической направленности картины. Возможно, продюсеры совершили ошибку, отказавшись от услуг Спилберга, но Джоанна уже заработала денег больше, чем необходимо, поэтому «не было смысла сулить ей золотые горы». Она всегда говорила, что пишет книги «для себя», а уж конечно, не для голливудских кинематографистов, и потому осталась «очень довольна», что режиссером назначили именно Коламбуса.

Проект не ограничивался постановкой лишь одного фильма. Джоанна решила, что напишет семь книг, поэтому, по идее, в экранизированном «Гарри Поттере» должно быть семь серий. В то время три первые книги прочно занимали верхние строчки

рейтингов бестселлеров предыдущего года, а интерес к четвертому тому уже достигал критической отметки.

Важное значение придавалось и поиску юного актера на роль Гарри Поттера. Вскоре газеты затрубили о «большой охоте за поттеровским типажом». Сначала на роль утвердили было Хэйли Джоэла Осмента, с блеском сыгравшего мальчика в оскаровском фильме-лауреате «Шестое чувство». Но он сам отказался от участия в конкурсе, ибо считал, что книга должна оставаться книгой, а фильм — это уже не то. Обеспокоенные продюсеры объездили едва ли не все школы страны, призывали заинтересованных детей оставлять свои координаты на веб-сайте «Уорнер Бразерс». Дэвид Хэйман как-то отправился в театр в Уэст-Энде со своим другом, литературным агентом Аланом Рэдклиффом, который, по счастливой случайности, взял с собой своего сына, недавно начавшего актерскую карьеру. «Я смотрел пьесу, — вспоминает Дэвид, — но после того как увидел Дэна, не мог сосредоточиться на спектакле. На следующий день я позвонил Алану. Мне показалось, что Дэн — это именно тот, кто нам нужен».

В конце августа «Уорнер Бразерс» объявили об Утверждении на роль Гарри этого одиннадцатилетнего жителя Фалема, юго-западного района Лондона. И когда в отеле «Найтсбридж» Дэниэл Рэдклифф предстал прессе в очках с круглой оправой, всем показалось, будто он сошел с иллюстрации Томаса Тэйлора.

Дэниэл смущенно признался, что даже заплакал, когда роль дали ему. Тем не менее он не был новичком в шоу-бизнесе. Он уже участвовал в телепостановке Би-Би-Си «Дэвида Копперфильда» и дебютировал на киноэкране в «Панамском портном», фильме Джона Бормана по мотивам бестселлера Джона Ле Карре с Джеффри Рашем и Пирсом Броснаном (Дэниэл играл сына «портного»). Его отец Алан сам некогда был (правда, довольно посредственным) актером, прежде чем сделаться влиятельным литературным агентом, сотрудничавшим с «Уильям Моррис», а позже с «АйСиЭм». Мама, Марсия Грэшем, авторитетный агент по кастингу, тоже в молодости пробовала себя в кино. Так что было кому поторговаться за достойную оплату труда восходящей звезды. В итоге был подписан контракт на два фильма с гонораром 200 000£ (300 000$), и перед «Уорнер Бразерс» возникла проблема: по договору, второй фильм они должны были запустить в производство еще до того, как выяснится уровень популярности первой картины. В каждой книге Гарри становится на один год старше, и то же по сюжету должно происходить в фильме.

Джоанна осталась довольна кандидатурой Дэниэла, равно как

и десятилетней Эммы Уотсон и одиннадцатилетнего Руперта Гринта (что ни на есть «поттеровское» имя) на роли соответственно Гермионы Грейнджер и Рона Уизли. «Просмотрев кинопробы Дэна Рэдклиффа, — вспоминает писательница, — я решила, что Крис Коламбус вряд ли мог подобрать для Гарри более подходящий типаж. Я желаю Дэну, Эмме и Руперту всего самого наилучшего и надеюсь, что «первый год в Хогвартсе» доставил им такое же удовольствие, как мне — написание этой книги». А Крису Коламбусу она сказала, что у нее такое чувство, словно она вновь обрела «давно пропавшего сына».

И Хэйман, и Коламбус разделяли опасения Джоанны, что «Гарри Поттер» может стать американизированной, или «диснеефицированной», картиной. «Мы стремились и стремимся во всем следовать оригиналу», — говорит Хэйман. А Коламбус заметил в интервью журналу «Салон», что «фильм должен быть британским и понятным и близким детям». «Дж. К. Ролинг покорила меня с первой же страницы», — добавлял он. Интересно, что с ним сделала бы та же Дж. К. Ролинг, если бы он «опошлил» ее любимое детище?

Еще одной удачей стало согласие Робби Колтрана на роль Хагрида, в то время как леди Мэгги Смит взялась играть профессора МакГонагалл — весьма яркий типаж. А с Аланом Рикманом в роли Снейпа, Ричардом Харрисом — Дамблдором, Джули Уотерс — миссис Уизли и Джоном Клизом — Почти Безголовым Ником (официально было заявлено 300 000£ (400 000$) за три дня работы) фильм стал напоминать «Who's Who» британского кинематографа. Сценарий написал Стив Клоувз, среди предыдущих работ которого «The Fabulous Baker Boys» с Мишель Пфайффер в главной роли. Он был счастлив сотрудничать с Джоанной, которая помогала ему во всем, несмотря на занятость, — в то время ее торопили с завершением четвертой книги «Гарри Поттера». Она же лично утверждала окончательный вариант сценария.

Затем начались поиски натуры и интерьеров для съемок. Хогвартс и чулан Гарри под лестницей были со всей тщательностью воспроизведены на «Ливзден Студиос» близ Уотфорда в Хартфордшире, но полет фантазии Джоанны значительно осложнял дело. Из множества осмотренных туристических достопримечательностей для внутренних съемок Хогвартса был выбран Глостерский кафедральный собор. Это характерное сооружение уже снимали в телепостановках по роману Джоанны Троллоп «Хор» и пьесе Дэнниса Поттера «Пенни с неба». Декан Глостера, преподобный Николас Бари, как и все другие участники проекта, обязался хранить молчание. «Глостер

— один из самых красивых и изящных соборов, — с гордостью заявляет он. — И его аркады должны стоять в одном ряду с величайшими архитектурными шедеврами Европы». Все единогласно признали, что именно эти аркады идеально подходят для внутреннего дворика Хогвартса.

Некоторые сцены в Хогвартсе было решено снимать в уилтширском аббатстве Лэкок, Даремском кафедральном соборе и аббатстве Уитби. «Роль» банка «Гринготтс» получило здание Австралийского Верховного комиссариата в Лондоне. «Уорнер Бразерс» старались по возможности держать в тайне места съемок, потому что никто не хотел, чтобы «зрители показывали на экран и говорили: «Смотрите, да это же Оксфорд!» Наибольшую известность благодаря фильму обрела живописная железнодорожная станция «Готланд» в одноименной деревушке Северного Йоркшира. Здесь уже некогда снималась популярная телепередача «Сердцебиение», но в «Гарри Поттере» она превратилась в станцию Хагсмида. В книге о ней говорится очень немногое — лишь то, что это «маленькая темная платформа», где высаживаются Гарри и его соученики после отправления со станции «Кингс-Кросс».

К началу съемок ни Дэниэл, ни Руперт еще не прочли всех четырех книг. Дэниэл признался, что «когда-то очень давно» читал первые два тома, но уже забыл, о чем они. Юные актеры, согласно законодательству, не имели права прерывать учебу, поэтому к месту съемок вместе с ними прибыл школьный учитель. К сожалению, им приходилось изучать математику и историю «маглов», а не уход за волшебными животными. Суровые зимние холода приостановили съемки, и работа над картиной не была завершена, как планировалось, к марту 2001 г., так что Дэвиду

Хэйману пришлось договариваться о продлении срока отсутствия ребят в школе до самого июня.

Сегодня снять фильм — еще только полдела. Остается едва ли не главная часть — реклама. Надо сделать так, чтобы как можно больше людей захотели посмотреть новую картину. Для начала 1 марта на веб-сайте «Уорнер Бразерс» был запущен первый рекламный ролик — монтаж нескольких кадров фильма: присылаемые через камин письма Гарри, поезд по пути в Хогвартс, уроки заклинаний профессора Флитвика и, разумеется, Робби Колтран в роли Хагрида.

Некоторое замешательство вызвала статья в «Сан», помещенная на первой странице под заголовком «Гарри Поттер в деле о наркотиках», который был намного сенсационнее ее содержания. На «Ливзден Студиос» действительно было найдено

несколько шприцев, и полиция устроила обыск на предмет возможных улик. Жаль, что не арестовали Волан-де-Морта, но ведь жизнь — это не кино.

В конце июня в прокате появились еще несколько сцен из фильма, включая кадры с трехголовым чудищем Пушком — собакой, охраняющей философский камень. Потом пришла очередь интервью самого Криса Коламбуса, подтверждавшего, что новая картина не будет иметь ничего общего с его прошлым шедевром «Один Дома»: «Могу вам обещать, нет. Это невероятно интересная история в классическом жанре. Зачем делать из нее комедию?»

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Honoris Causa[21]

«Я была намного счастливее в роли безвестной, нищей писательницы, чем преуспевающей и богатой заурядности»

На четвертом чеке, полученном Джоанной через два года после выхода в свет повести «Гарри Поттер и философский камень», значилась цифра с шестью нолями. В конце июня 1999 г. Ролинг официально стала миллионершей. Какой взлет: за пять лет от депозитной книжки для получения пособий до платиновых банковских кредиток! Теперь Джоанна приобрела достаточный вес, чтобы диктовать издателям собственные условия. Ее авторский гонорар составлял 15—20 процентов с общей прибыли от продажи книг.

Они с Джессикой все еще жили на Хейзелбэнк- Террас. Единственной роскошью, которую позволила себе Джоанна, была новая встроенная кухня, да еще она наняла няню-американку, помогавшую ей присматривать за дочерью. Работа отнимала у Джоанны много времени: каждый день нужно было прочесть сотни писем и по возможности на каждое ответить лично. Писательница никогда не забудет первого письма от поклонницы — девочки по имени Франческа Грэй. Начиналось оно обращением «Уважаемый сэр», что еще раз подтверждало эффективность хотя бы на первых порах стратегии Кристофера Литтла: ввести читателей в заблуждение относительно пола автора.

Жизнь на Хейзелбэнк-Террас шла своим чередом. Джоанна никогда не стремилась блистать в литературных салонах Эдинбурга и крайне редко появлялась в светском обществе. Она, как правило, присутствует на августовском Эдинбургском книжном фестивале и еще не более чем на двух других мероприятиях в год. И домой она приглашает на обед лишь самых близких и преданных друзей. На кухонной стене пришпилена

«Ода Посвящение» из «Лирики» Хилари Бэллок, с творчеством которой Джоанна впервые познакомилась в возрасте десяти лет, в значительной степени объясняющая образ жизни Джоанна Ролинг:

Из дома тихого бросаем взгляды
В даль неизведанных стезей.
На свете за труды нам большей нет награды,
Чем смех веселый и любовь друзей.

Обитатели Хейзелбэнк-Террас гордились соседством с именитой писательницей, однако скромно старались не вмешиваться в жизнь Джоанны. Сама она легко сходилась с родителями подруг Джессики, но, заботясь о собственном спокойствии и безопасности дочери, слишком тесных Контактов избегала. На их тихой улочке никогда не происходило ничего необычного. Только один-единственный раз с машины, припаркованной у дома номер девятнадцать, воры сняли все четыре колеса. «Если бы Джоанна не была уверена в безопасности, — говорит сосед, Уильям Форд, — она бы тут же съехала».

И все же Джоанна всерьез подумывала о переезде. Найти подобающий миллионерше дом в центре Эдинбурга гораздо труднее, чем скромное жилище. Джоанна решила не спешить, тем более что в то время она находилась в постоянных разъездах по стране после презентации ее третьей книги, «Гарри Поттер и узник Азкабана», увидевшей свет 8 июля 1999 г.

С выходом «Узника Азкабана» Дж. К. Ролинг из известной писательницы превратилась, особенно в Америке, в настоящую суперзвезду. Джоанна никогда не забудет, как приехала ставить автографы в один из книжных магазинов Бостона, вокруг которого в радиусе двух кварталов собралась огромная толпа. Будучи британкой, она, естественно, решила, что это очередь за книгами, но представители «Схоластик» объяснили, что люди пришли за ее автографами. В тот день Джоанна подписала более 1400 экземпляров. Одна из продавщиц книжного магазина «Политика и проза» вспоминает, что «люди выстраивались в очередь с раннего утра. Как на концерт «Роллинг Стоунз». Как ни странно, подобные мероприятия не всегда приносят прибыль магазину, потому что многие из поклонников приходят с уже купленными книгами.

Одновременно с ростом популярности Джоанна столкнулась в Америке с неожиданной, но, наверное, неизбежной конфронтацией некоторых «обеспокоенных родителей». На специальном заседании Совета образования штата Южная Каролина было заявлено, что ее книги — это «пропаганда смерти,

ненависти, неуважения и зла». Но Джоанна на подобные упреки в свой адрес всегда говорила, что Гарри — это отражение современного мира. Он «полукровка»: его отец — потомственный волшебник, а мать — волшебница, «рожденная в семье маглов». Артур А. Левин из «Схоластик» решительно опроверг слухи о якобы планирующейся «санобработке» «Гарри Поттера».

В Австралии в христианском колледже «Аутрич» и частной школе в Квинсленде даже изъяли книги Джоанны из библиотеки, объявив их опасными. Группа школ Христианской общины решила, что следует снабдить их постерами о вреде оккультизма, а директор южно-австралийского колледжа «Кедр» Питер Томпсон заявил, что «книги представляют оккультизм в выгодном свете, и не известно, куда это может нас завести».

В Соединенных Штатах один специалист по вопросам образования утверждал, что «Гарри Поттер» вызывает у детей неверные ассоциации, будто бы мальчики лучше, чем девочки. По словам доктора Элизабет Хейлман из штата Индиана, Гарри всегда вызволяет Гермиону из беды, а сама она при этом выглядит абсолютно беспомощной; получается, что все без исключения девочки «глупые плаксы или хохотушки, которые только и знают что сплетничать», а мальчики «сильные, храбрые и умные». Однако в плане интеллектуального развития Гермиона намного превосходит Гарри и Рона, не говоря уже о морали и нравственности. В каждой книге именно ее несокрушимая логика и аналитические способности помогают Гарри в борьбе со злом. У Джоанны Ролинг на этот счет свое мнение: «Мой герой — мальчик, девочки в его возрасте, как правило, еще не очень развиты. С годами, конечно, они берут свое. Но в одиннадцать лет, как мне кажется, трудно представить себе, чтобы девочка одновременно разбиралась во всем — от математики до автомобилей. Это был бы надуманный образ». И тем не менее в «Гарри Поттере» все же есть три девочки, которые играют в команде по квиддичу за факультет Гриффиндор и ни в чем не уступают ребятам.

В конце концов все эти обвинения в адрес Джоанны нисколько не повредили ее общественному имиджу. Напротив, поклонники «Гарри Поттера» сплотили ряды в борьбе за своего кумира.

А поклонников множество. К моменту выхода «Кубка огня» первые три книги разошлись тиражом в 8 миллионов экземпляров в Великобритании и почти в 24 миллиона в США. Причем в Соединенных Штатах было распродано 55 процентов объема книг, поступивших на международный книжный рынок. Повести переведены на тридцать пять языков, и Кристофер Литтл

убежден, что уровень продаж в ближайшем будущем значительно возрастет именно за счет переводных версий. Даже в Китае заинтересовались приключениями мальчика-волшебника: летом 2000 г. издательский дом Народная Литература, некогда выпустивший сборник стихотворений великого Мао, отпечатал 600 000 комплектов из трех книг «Гарри Поттера» в китайском переводе. Это — самый крупный тираж литературного произведения с момента провозглашения там в 1942 г. коммунистического режима.

Джоанна неохотно дала согласие на серию «больших интервью» в целях повышения читательского интереса к четвертой книге, «Гарри Поттер и кубок огня». Никогда еще в газетах не отводилось столько места обсуждению заглавия будущей книги, как будто это каким-то образом могло повлиять на объем продаж. Юные поклонники Гарри с тем же нетерпением, что и прежде, ждали выхода следующей части, как бы она ни называлась. Сначала долго муссировалась информация о том, что книга будет называться «Гарри Поттер и Кубок международного чемпионата по квиддичу». Потом поползли слухи, что в четвертой книге один из героев погибнет. Шок! Неужели Рон или Гермиона? Маленькие читатели заволновались. Оказалось, что это Седрик Диггори, до четвертой книги всего лишь эпизодический персонаж. Но это не умаляло переживаний по поводу его гибели.

Сюжет будущей книги был окутан туманом секретности — самый верный способ подстегнуть интерес читателей. Оригинальная рукопись хранилась в банковском сейфе; против обыкновения, представителям литературных кругов даже не были разосланы копии. Говорят, что руководитель проекта в «Блумсбери», Эмма Мэттьюсон, до смерти боялась, что кто-нибудь похитит бесценный манускрипт. В контрактах указывалось лишь кодовое название книги — «Поттер-IV». Одним из нескольких избранных, кому была вручена предварительная версия повести, был Крис Коламбус. Он оценил оказанную ему честь, но не имел права показать книгу даже своим детям, которые с нетерпением ждали продолжения приключений своего любимца, даже не подозревая, что предмет их вожделения хранится в запертом столе отца.

Публикация книги принесла «Блумсбери» более 2 миллионов фунтов (3 миллиона долларов) — сногсшибательную сумму. Вместо небольшого ажиотажа рекламщикам удалось вызвать настоящую истерию. 8 июля 2000 г. в книжных магазинах было такое столпотворение, будто там давали концерт «Битлз» или проводился финальный матч Международного кубка по футболу с участием сборной Англии. Причем люди приходили не для того,

чтобы взять автограф у автора, а просто чтобы купить книгу! Такого размаха не достигал еще ни один литературный проект.

Легкое головокружение вызывают уже одни только цифры. К моменту публикации книжный интернет-магазин «Amazon.com» принял 290 ООО предварительных заказов на нового «Гарри Поттера» . Для сравнения: в среднем тираж популярной детской книги составляет 20 ООО экземпляров. В Британии же было отпечатано более миллиона копий, что вместе с тиражом в Канаде, Австралии и США превысило 5,3 миллиона экземпляров. Только первый тираж в Америке принес Джоанне 7 миллионов фунтов (10,5 миллиона долларов). Когда в США пробило полночь,

9 ООО фургонов с книгами разъехались по всему континенту, где миллионы поклонников уже заждались встречи со своим кумиром.

В Англии «Блумсбери» организовало беспрецедентную рекламную акцию на станции «Кингс- Кросс», оборудовав знаменитую «платформу номер девять и три четверти». Мероприятие началось в одиннадцать часов — именно в это время, как известно всем поклонникам Поттера, отправляется в начале каждой учебной четверти экспресс «Лондон — Хогвартс». На специальном паровозе Джоанна и приглашенные гости совершили путешествие по окрестностям города. К немалому смущению Джоанны, представление на платформе превратилось в настоящий бедлам. Более 500 детей в сопровождении армии газетчиков поджидали Джоанну, которая прибыла на станцию, разумеется, в бирюзовом форде «Англия», и очень огорчилась, что ей так и не представилась возможность пообщаться со своими маленькими поклонниками, которые не могли пробиться к ней через полицейский кордон. На перроне было настоящее столпотворение. Рекламные агенты «Блумсбери» явно перестарались.

Амелия Хилл писала в «Обсервер»: «Два папаши с пищащими детьми на плечах, набили немало шишек, пока пробились сквозь толпу к ограждению». Один из родителей недоумевал: «Ну и где же волшебство?» Его маленький сын расстроился: он-то надеялся, что вокруг будут летать совы. Получить автограф Джоанны удалось лишь полицейским из охраны, стоявшим на страже порядка, а побеседовать с ней смогли только представители прессы под крики фотографов: «Сюда, Джоанна, посмотрите сюда!» На вопрос, довольна ли она акцией, писательница ответила: «Придумайте слово пожестче и помножьте на два».

Для Джоанны всегда на первом месте стояли дети, и она была смертельно оскорблена и обижена. После отправления хогвартского экспресса она, опустив окно, только и смогла, что прокричать толпе разочарованных ребят: «Извините!»

Вполне можно понять недовольство детей и родителей, что отмечала в своей статье для «Индепендент» писательница Пенелопа Лайвли: «А что касается взбунтовавшихся родителей на «Кингс-Кросс», рыдающих детей, семей, дежуривших у вокзала всю ночь... Что это, страсть к литературе или погоня за мыльным пузырем?»

Первое, на что все поголовно обратили внимание, это объем «Гарри Поттера и кубка огня» — 636 страниц, почти вдвое больше, чем в остальных книгах. Роберт Макарам, литературный редактор «Обсервер», свое первое впечатление выразил словами. Вороти Парке: это не та книга, которую можно спокойно положить на место, — ее хочется «швырнуть изо всех сил в угол». Он также добавил, что это «с умом сделанный коммерческий

блокбастер». Миссис Лайвли тоже считала, что повествование затянуто, а сюжет строится по шаблонной схеме: загадочная угроза, препятствия, которые приходится преодолевать, триумф добра и разоблачение коварства. Она выразила надежду, что «следующая книга будет более высокого уровня».

Через шесть дней после этой неудачной акции Джоанна в сопровождении рекламных агентов отправилась в университет Эксетера, свою alma mater, где планировалось вручить ей степень доктора литературы — honoris causa. Инициатива исходила от профессора классического отделения Дэвида Харви и его жены Фрэнсис. Профессор Харви — большой поклонник «Гарри Поттера»: «Мне шестьдесят один год, а я читал эти книги с не меньшим удовольствием, чем дети. У Джоанны настоящий талант: она как никто умеет строить динамичный сюжет, поддерживать интерес читателя до самой последней страницы». Он встретился с Ролинг после выхода первой книги, и она согласилась написать небольшую статью для «Пегаса», журнала, выпускаемого его отделением.

Джоанне не верилось, что спустя тринадцать лет после окончания Эксетера, со средним баллом 2:2 по французской специальности, ей оказывают здесь такие почести. Гленде Джексон, которая благодаря упорству и целеустремленности сумела изменить свою судьбу и преуспеть в мире мужчин (что всегда так восхищало писательницу), было около пятидесяти, когда в 1987 г., в один день с выпуском Джоанны, ей была присвоена эта почетная степень. И вот уже сама она, Джоанна Ролинг, выпускница Уайдена, оказалась на ее месте за две недели до своего тридцать пятого дня рождения.

Одно из величайших достижений университетов — это редкостное постоянство. Меняются лица студентов, стиль их одежды, количество потребляемых ими сигарет и кофе, но образ жизни обитателей университета остается прежним. И университетская обстановка все та же — и учебные корпуса, и аудитории, и, конечно, лекторы и профессора. Со времени выпуска Джоанны в Эксетере тоже мало что изменилось. Ухоженные лужайки, аккуратно подстриженные деревья, театр «Норткотт» и кофе-бар «Девоншир-Хаус» — все было вполне узнаваемо, в том числе и библиотека (хотя теперь у нее другое название: средства, выделенные неким арабом на пополнение фондов библиотеки «Мактум», давно иссякли, и теперь она называется просто Новая библиотека). Среди встречавшего ее преподавательского состава Джоанна сразу же узнала Мартина Соррелла и подбежала к нему поздороваться. Она припомнила постановку «Сельского космонавта», работу над костюмами.

Мартин был польщен тем, что бывшая студентка, к которой он всегда хорошо относился, не забыла его. Джоанну ждал приятный сюрприз: на церемонию из Чепстоу приехал ее отец Пит со своей второй женой Дженет. Глядя на свою дочь, он испытывал не меньшую гордость, чем в прошлый раз, когда ей вручали свидетельство об образовании. Все семейные обиды были забыты, и Джоанна упомянула имя отца в посвящении к четвертой книге.

Церемонии выпуска всегда проходят в напыщенно-торжественной обстановке. Академики и важные персоны в экзотических мантиях напускают на себя серьезный вид. Иногда кажется, если вдруг кто-то ненароком хихикнет, от дружного хохота содрогнется помост — настолько все это ***riddikulus***[22] . Джоанна выглядела удрученной. Как почетную выпускницу, ее облачили в ярко-алую мантию с «голубыми кантами и широкими рукавами», поверх черного платья. В тот день она надела красивые модельные туфли на высоком каблуке, чтобы из-за маленького роста не потеряться на общем торжественном фоне. Капюшон тоже был алый, с серой и голубой отделкой, а сверху — черная бархатная шапочка с голубым шнуром и кисточкой. В этом наряде она была похожа на придворного из какой-нибудь шекспировской пьесы. Но что бы Джоанна ни чувствовала, перед началом церемонии выглядела она явно взволнованной. Строго говоря, до вручения свидетельства Джоанна продолжала считаться почетным выпускником университета.

Торжественная процессия напоминала стаю расфуфыренных райских птиц. Президент университета, лорд Александр Уидон, был в мантии из черного дамасского шелка с золотой вышивкой и в шапочке с золотой кисточкой. Процессия под предводительством университетского обер-церемониймейстера, за которым следовала Джоанна Ролинг, вошла в Главный холл с торца корпуса и сквозь толпу студентов и гордых родителей медленно прошествовала к сцене. Затем явились декан аспирантского отделения, декан студенческого отделения, декан факультета академического сотрудничества, общественный оратор, заместитель вице-президента, казначей, про-президент, вице-президент, хранитель университетских регалий, президент, регистратор, секретарь, библиотекарь и капеллан. Университетский жезл из чистого серебра, символ королевской власти, как нельзя более соответствовал случаю: среди студентов-выпускников был Питер Филлипс, сын старшей дочери английской королевы. Ему была присвоена степень бакалавра наук в области физкультуры и спорта.

Университетский библиотекарь Алистер Паттерсон вспоминает, что Джоанна вся тряслась от волнения. Пытаясь

снять напряжение, он завел разговор о своей первой школе, Академии Лейта, где в свое время проходила практику Джоанна. Для застенчивой от природы Джоанны каждое появление на публике — настоящая пытка. Куда свободнее она чувствовала себя в компании детей. Но в каком-то плане почетная степень университета Эксетера была осуществлением мечты другой Джоанны — Джоанны-Гермионы, которая всегда стремилась быть первой ученицей. Правда, в настоящий момент ее больше заботила шапочка, которая была на два размера больше и постоянно сползала на лоб.

Общественный оратор — это член университетской коллегии, в обязанности которого входит представлять почетных выпускников. В тот день эта роль была поручена доктору Питеру Уайзмэну с факультета современного языкознания, профессору классической литературы. Свою речь он начал с цитаты из «Гарри Поттера и кубка огня»: «У меня ужасные новости. Тот-Кого-Нельзя-Называть избежал гибели в лесах Албании...» Поразительно, насколько популярен «Гарри Поттер»: даже маститые академики не подумали, что доктор Уайзмэн сошел с ума. Далее профессор вкратце обрисовал жизненный путь Джоанны (общеизвестные факты, сообщавшиеся в газетах и на радио): «воплощение «книжного» ребенка: маленькая, сутулая, в очках с толстыми линзами, живущая в мире собственных грез, без конца что-то сочиняющая».

Доктор Уайзмэн, не вдаваясь в подробности биографии писательницы, выделил, однако, три важных составляющих ее успеха: «Во-первых, природное дарование и стремление его использовать — девочка с богатым воображением, сочиняющая истории. Во-вторых, жизненная школа — трудности, закалившие ее характер. И наконец, третье: упорный труд, самодисциплина, целеустремленность, желание во что бы то ни стало добиться признания». Вышесказанное чем-то напоминает любимую буддистскую поговорку Джоанны: «Жизнь — это страдания», но есть здесь один существенный момент, который редко принимают во внимание: едва научившись говорить, Джоанна стала сочинять истории.

Оратор подчеркнул также важность образования: «В мире по крайней мере тридцать миллионов человек знают хотя бы одну латинскую поговорку, даже если она означает «Не будите спящего дракона» («*Draco Dormiens Nunquam Titillandus*»).

Речь профессора, выдержанная в шутливом тоне, немного успокоила Джоанну. Под шум рукоплесканий она прошла на сцену, чтобы получить из рук лорда Александра сертификат о присвоении почетной степени доктора. С ответным словом перед

собравшимися ей пришлось подождать, пока через сцену не пройдет каждый из выпускников, которым не терпелось получить свои дипломы. Распределяющая Шляпа, наверное, перегрелась бы от такого количества студентов. Джоанне вспомнилась собственная церемония вручения свидетельств об образовании, когда в числе прочих было названо ее имя: «*…Тимоти Джон Отуэй, Хитер Джейн Рейд, Джоанна Ролинг, Бенджамин Уильям Тарринг…*»

Наконец Джоанна смогла начать выступление, и эта речь была лучшей в ее жизни. Ребекка Рэмптон, президент Студенческой гильдии, вспоминает: «Она произнесла лучшую на моей памяти речь. Под ней могли подписаться все присутствовавшие выпускники». Джоанна начала с того, что рассказала аудитории о поздравительной открытке от однокурсницы, где говорилось: «Полагаю, ты еще докажешь всем нам, что можешь чего-то добиться в жизни, даже несмотря на то, что три университетских года просидела в «Черной лошади».

Джоанна решила затронуть три близкие ее сердцу темы: ошибки, риск и удача. С обезоруживающей искренностью она поведала о годе несчастий в Манчестере, о нудной офисной работе, о неудачной попытке написать роман для взрослых, о том, как страшилась потерпеть фиаско после окончания университета — «боялась рискнуть, оказаться в нищете, пережить горькое разочарование, если без остатка посвящу жизнь единственной своей мечте — стать писательницей».

Джоанна призналась: только узнав, что такое бедность и одиночество, она обрела мужество испытать себя в творчестве. У нее не было ни денег, ни работы, ни мужа, следовательно, терять ей было нечего. «Я была намного счастливее в роли безвестной, нищей писательницы, чем преуспевающей и богатой заурядности», — сказала она.

С присущей ей скромностью и сознательностью Джоанна напомнила присутствующим, что им очень повезло: они получили университетское образование, а ведь в мире столько одаренных людей, у которых нет и никогда не будет такой возможности. Образованные люди — привилегированный класс, и они должны стремиться изменить мир к лучшему, а не превозносить свои таланты. И с ее стороны это не пустые слова: с тех пор как к ней пришел успех, писательница оказывает активную поддержку различным благотворительным организациям.

Свою речь Джоанна завершила словами, обращенными к студентам: «Я надеюсь, вас не остановит боязнь неудач, вы поймете, что всегда нужно надеяться только на себя, и найдете свое призвание, а значит, будете жить полной и интересной

жизнью».

Это выступление произвело неизгладимое впечатление на выпускников, которые наградили Джоанну бурными аплодисментами. Ее отец сказал, что это был великий день. После этого Джоанна смогла вздохнуть свободно и раствориться в толпе. Церемония завершилась торжественным обедом. Наконец-то можно было снять эту ***riddikulus*** шапочку.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Благотворительность

«Приходится прилагать вдвое больше усилий, чтобы получить хотя бы половинный результат»

Д

жоанна, твердо встав на ноги, почувствовала себя достаточно уверенно, чтобы заставить других считаться со своим мнением. Теперь она была богатой и знаменитой (несмотря на все старания избежать гласности), и у нее сложился определенный общественный имидж, который она могла использовать в своих целях. Джоанна принимает активное участие в деятельности трех благотворительных организаций, а также сделала, как писали, самый крупный единовременный благотворительный взнос (для «Комик Релиф»).

Ее первым актом филантропии было пожертвование 500 000£ (750 000$) в фонд Национального совета по делам неполных семей, штаб-квартира которого находилась в Лондоне. В сентябре 2000 г. она согласилась стать официальным представителем этой благотворительной организации. Джоанну всегда возмущало негативное отношение к больным раком и их семьям, на что обыкновенно не хватает либо времени, либо финансов у государственных больниц. Джоанна, столкнувшаяся с этой проблемой, когда у ее подруги обнаружили рак груди, провела в Шотландии несколько благотворительных встреч с читателями с целью сбора средств для открытия подобных центров в Глазго и Данди.

Третья благотворительная организация, в деятельности которой принимает участие Джоанна, — Шотландское общество помощи больным рассеянным склерозом. Эта проблема особенно ей близка, поскольку от той же болезни умерла ее мама. В качестве мецената Джоанна организовала также несколько благотворительных общественных мероприятий. В апреле 2001 г. она вложила 250 000£ (375 000$) в новый центр помощи больным в Абердине: «Надеюсь, скоро придет время, когда подобные центры станут скорее нормой, чем исключением. Принимая участие в деятельности Шотландского общества помощи больным

рассеянным склерозом, я была ошеломлена недопустимо низким качеством медицинских услуг, оказываемых людям с таким заболеванием, и теперь горжусь вдвойне, что являюсь попечителем этой организации», — заявила писательница. В Шотландии, как ни грустно, самый высокий в мире процент больных рассеянным склерозом.

И снова Джоанна взялась за перо. Эксклюзивная статья, волнующая и вместе с тем призывающая к активным действиям, предназначалась для «Скотланд он Санди», а впоследствии была опубликована и в «Обсервер». Джоанна подсчитала, что за все десять лет болезни ее мама видела физиотерапевта, врача, который хоть как-то мог облегчить ее страдания, менее десяти раз. Бедная женщина была практически лишена медицинской помощи, потому что жила в провинции. Она не имела возможности часто ездить к врачу сама. А физиотерапевт перестал посещать ее на дому, несмотря на то что она уже и дома передвигалась с огромным трудом. Джоанне страдания матери причиняли почти физическую боль и переполняли ее гневом.

Среди единичных лекарств, способных тормозить развитие рассеянного склероза, — бета-интерферон, который в Шотландии трудно достать даже по рецепту. «В Финляндии, — говорит Джоанна, — этот препарат получают 15 процентов больных рассеянным склерозом, в Германии и Италии — тринадцать, во Франции и Греции — двенадцать, в Ирландской республике и Северной Ирландии — восемь процентов. В Шотландии же, где самый высокий в мире уровень заболеваемости, — всего 2,4 процента. Легче заказать это лекарство в Турции».

Государство практически не обращает внимания на нужды больных рассеянным склерозом. Средства, выделяемые для обеспечения бета-интерфероном всех больных в Шотландии (около 10 400 человек), по мнению Джоанны, недопустимо малы, и помощь государства в этой сфере столь же «вопиюще ничтожна», как и десять лет назад, когда общество еще недооценивало серьезность этой проблемы.

Писатель Ричард Кертис поинтересовался у Джоанны, собирается ли она в 2001 г. принимать участие в деятельности «Комик Релиф». Она согласилась написать для этой организации, которая, по словам того же Кертиса, «за своей внешне беззаботной упаковкой скрывает очень серьезные благотворительные цели», две небольшие книги, по сорок страниц в каждой. (Это те самые, уже упоминавшиеся книги, якобы из списка учебной литературы, изучаемой Гарри в Хогвартсе: «Фантастические животные и места их обитания» и «Квиддич сквозь века».) Будучи проданными на волне

популярности «Гарри Поттера», они принесли бы «Комик Релиф» по меньшей мере по 2 фунта с каждого проданного экземпляра. Джоанна в рекламных целях даже выступила в передаче «Блю Питер», чтобы подстегнуть читательский интерес. Писала она с удовольствием, а вся затея в целом еще на один шаг приблизило ее к миру шоу-бизнеса.

В настойчивом ожидании помощи и сотрудничества с Джоанной находится и такая организация, как лейбористская партия. Гордон Браун восхищается писательницей и ее умением противостоять трудностям. 5 декабря 2000 г. он поддержал ее на конференции Национального совета по делам неполных семей, и вместе они отразили нападки оппонентов. Браун предложил Джоанне вступить в лейбористскую партию (об этом писали все газеты), но она отказалась из собственных политических убеждений. Как заметил журналист А. Н. Уилсон, «писатели, стремящиеся в политику, ставят себя в глупейшее положение».

Однако в том, что касается социальных проблем, Джоанна отнюдь не скрывает своего мнения. Ее первая речь в качестве официального представителя Национального совета по делам неполных семей была открытым обвинением в адрес тогдашнего теневого министра внутренних дел, чье заявление, будто общественная «норма» — исключительно семейные пары, задело мать-одиночку Джоанну. Приводя неутешительную статистику, показывающую, что около четверти детей в Британии растут в неполных семьях, писательница возмущенно заметила: «Энн Уиддкомб, оправдывая свои критические высказывания об одиноких родителях, обмолвилась в интервью журналу «Гуд Хаускипинг», что ей кажется, будто обществу нужны «предпочтительные нормы». Может быть, мы и не соответствуем чьим-то там предпочтительным нормам, но мы есть. Уровень цивилизованности общества определяется не тем, что оно считает нормой, а его отношением к самым незащищенным слоям населения. Если из этого уравнения изъять нищету, то в подавляющем большинстве неполных семей растут такие же нормальные дети, как и в благополучных семьях».

Джоанна, хоть и отклонила предложение Брауна, тем не менее согласилась написать что-нибудь для сборника рассказов с волшебной тематикой, составлением которого занималась его жена, Сара Браун (деньги от продажи сборника предполагалось перечислить в фонд Национального совета по делам неполных семей). Сью Таунсенд пишет для сборника повесть, которая будет готова к весне 2002 г. Джоанна же сказала, что ее вкладом в этот благотворительный проект вряд ли станет следующая книга «Гарри Поттера». Возможно, настал момент вспомнить о «Семи

проклятых алмазах».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

«И победителем становится...»

«Постараюсь не уподобляться Гвинет»

З

а четыре года, с лета 1997-го, Джоанна получила немало наград, причем только двадцать одну за «Гарри Поттера и философский камень». Она три раза номинировалась на Медаль Карнеги, самый престижный приз за вклад в детскую литературу. В январе 2000 г. произошла неприятная история: Джоанна не получила литературную премию «Уайтбрэд», которую отдали ирландцу Симусу Хини, лауреату Нобелевской премии, за блестящий перевод англосаксонского эпоса «Беовульф». Справедливость присуждения наград вызвала сомнения с самого начала, еще когда одним из членов жюри была назначена фотомодель Джерри Холл (она и объявляла имя главного лауреата). Джоанна все-таки тоже была удостоена премии «Уайтбрэд» — за лучшую детскую книгу («Гарри Поттер и узник Азкабана»), но на сцену за наградой так и не поднялась: ушла с церемонии до того, как объявили ее имя.

Премию от ее лица получил актер и романист Стефен Фрай. Они с Джоанной очень сдружились с тех пор, как он согласился озвучивать аудиоверсию ее книг. Радиомарафон «Боксинг Дэй», во время которого был зачитан «Гарри Поттер и философский камень», продолжался без перерыва восемь часов и собрал аудиторию 3,5 миллиона человек.

Конечно, обидно, что Джоанна не получила главный «Уйатбрэд», но очень многое говорит уже сам факт, что всего лишь три года назад начавший публиковаться автор детской книги был номинирован на престижную награду наряду с лауреатом Нобелевской премии, одним из величайших представителей современной литературы. Брайони Эвене вспоминает, что никто в литературном агентстве Кристофера Литтла «не воспринимал повесть исключительно как детскую литературу. Это была очень хорошая книга — неважно, детская она или нет. Да и сама Джоанна, когда у нее родился замысел книги, не думала, что будет писать только для детей».

Неделя — долгий срок даже для простуды, а для испытания нервов в ожидании присуждения литературных премий — тем более. На девятый день Джоанне уже все порядком надоело, когда актер Том Куртнэй наконец назвал имя Автора года на британской церемонии вручения «Ниббис» в отеле «Гросвенор-Хаус» на Парк-Лэйн в Лондоне. Жаль, что он неправильно произнес ее фамилию[23] . Поднимаясь на сцену, Джоанна

чувствовала себя немного скованно в черном вечернем платье. «Ниббис» — литературный эквивалент «Оскара», и Джоанна сказала аудитории: «Постараюсь не уподобляться Гвинет [Пэлтроу][24] ... Это такая честь. Спасибо. Спасибо большое. Я хочу поблагодарить «Блумсбери», и в особенности Эмму Мэттьюсон и Розамунд де ла Хэй. Мне так страшно. Если бы вам всем было девять лет, я бы чувствовала себя намного свободнее. Я также хотела бы поблагодарить «Максимум Стренге Лемсип». Я, как вы, наверное, догадываетесь, совершенно потрясена. Хочу поздравить Жаклин Уилсон, потому что это изумительная книга. И еще хочу сказать: как хорошо, что не придется фотографироваться рядом с Джерри Холл».

Джоанна, говоря о том, что чувствовала бы себя свободнее, выступая перед детской аудиторией, была абсолютно искренна. Ей всегда было проще и интереснее общаться с детьми. Родители, приводившие своих детей на встречи с Дж. К. Ролинг, замечали, что она говорит с ними не свысока, а как с равными. И она все так же стремится не отдаляться от своих читателей. Конечно, не всегда все получается, как было задумано (например, во время акции на вокзале «Кингс-Кросс» по случаю презентации «Гарри Поттера и огненной чаши»). Но часто это происходит из-за того, что

Джоанна недооценивает уровень интереса читателей, который разгорается все больше при каждой встрече с писательницей. Литературный агент Жиль Гордон до сих пор вспоминает, как после выхода первой книги Джоанна ставила автографы в книжном магазине в Стокбридже — никто не ожидал, что соберется столько народа. Прошел час, но толпа не убывала, и все были, мягко говоря, недовольны, когда объявили, что Дж. К. Ролинг уезжает, потому что ей нужно забирать из школы Джессику. Протиснувшись вперед, Жиль попросил Джоанну надписать книгу его сына. Она задержалась без единой жалобы и поставила еще один автограф.

Первый год нового тысячелетия принес Джоанне удачу. Помимо звания Автора года и почетной докторской степени в Эксетере, она была награждена Орденом Британской империи за вклад в детскую литературу по случаю дня рождения королевы. Джоанна должна была получить награду из рук самой королевы в Букингемском дворце в декабре месяце, но не присутствовала на церемонии, «потому что заболела Джессика». По крайней мере, она так сказала. А на самом деле сидела в зале начальной школы Крейглокхарт и вместе с остальными родителями смотрела рождественскую пьесу, в которой участвовала ее дочь: Джоанна всегда ставила на первое место все, что касается Джессики.

Болезнь дочери была лишь вежливой отговоркой, ибо того требовали правила приличия, но если вдуматься, что может служить более уважительной причиной отсутствия на официальной встрече, чем школьный спектакль с участием твоего ребенка? Тема нежной привязанности между матерью и ребенком, столь близкая самой Джоанне, нашла отражение и в « Гарри Поттере ».

Королевская семья не выказала недовольства по поводу отсутствия Джоанны на официальной церемонии, и после Рождества принц Уэльсский пригласил писательницу в Бэлморал. Принц сам был автором детской книги, «Старик из Лохнагара», которая, хотя и классом ниже «Гарри Поттера», тоже пользовалась достаточной популярностью. Кроме того, у них с Джоанной был общий друг, Стефен Фрай, частый гость в Хайгроуве. Орден Британской империи Джоанне вручал принц Чарльз, но ей все же довелось встретиться с королевой, когда Ее Величество побывала в главном офисе «Блумсбери» на Сохо-сквер в центральной части Лондона.

Королева сказала Джоанне: «В детстве я была жадной до книг. Это сослужило мне хорошую службу, потому что сейчас я читаю довольно быстро, а читать мне приходится много». Ее внучка принцесса Евгения, добавила она, тоже большая поклонница «Гарри Поттера». Королева с радостью согласилась сфотографироваться с Джоанной. Снимок улыбающихся знаменитостей был сделан на фоне полки, уставленной томами «Гарри Поттера» с корешками, обращенными к объективу фотокамеры — на всякий случай: вдруг пригодится для рекламы.

Чрезмерная популярность неизбежно вызывает у публики отрицательную реакцию. Даже сэр Ричард Брэнсон на собственном опыте убедился, что нельзя постоянно оставаться национальным героем. Если все время находиться на гребне славы, обязательно найдется кто-нибудь, кто захочет свергнуть тебя с пьедестала. В мире литературы вряд ли можно стать более масштабной фигурой, чем Джоанна Ролинг, чье имя значится в официальном списке «Бук Мэгэзин» десяти самых влиятельных в книгоиздательстве людей. Что-то должно было остановить этот головокружительный взлет. Судьба нанесла свой удар в лице до того мало кому известной американской писательницы Нэнси Стоуффер (Н. К. Стоуффер), которая заявила, что «Гарри Поттер» — плагиат с ее книги «Легенда о Рахе и маглах», изданной в 1984 г.

Главный герой Стоуффер — Ларри Поттер, мальчик с черными волнистыми волосами, который носит очки; маму его зовут Лилли Поттер (а маму Гарри — Лили). У Стоуффер есть

персонаж — Хранитель садов (а у Ролинг — Хранитель ключей); и, разумеется, маглы — маленькие безволосые существа, которые заботятся о двух осиротевших мальчиках (в «Поттере» маглы — это обычные люди, не волшебники). С 1984 по 1988 гг. Стоуффер написала двенадцать книг, и ни в одной не было никакой магии. Однако ее мнение таково: «Да, согласна, случаются совпадения, и все же если что-то выглядит как утка и ведет себя как утка... то это и есть утка».

Как заметил Роберт МакКрам, литературный редактор «Обсервер», «это один из непреложных законов литературного мира: стоит только какому-то писателю добиться признания, как кто-то другой, не столь удачливый, тут же закричит: «Плагиат!» Так было и с Шекспиром, так происходит и по сей день».

Дело грозило судебным разбирательством. Джоанна никогда не скрывала влияния на ее книги творчества других писателей, и в «Гарри Поттере» явственно прослеживаются параллели с литературным наследием Толкиена, Джейн Остин, Элизабет Гудж или К. С. Льюиса. «Все талантливые писатели, если они честны, — считает Роберт МакКрам, — признают, что, обнаружив нечто ценное в работах другого автора, сознательно или бессознательно хранят это в своей памяти до момента творческого кризиса». Джоанна утверждает, что слово «маглы» пришло ей на ум совершенно непроизвольно.

Средства массовой информации, разумеется, с готовностью ухватились за возможность посмаковать историю с плагиатом. Жирный заголовок в «Сан» гласил: «1984 г. — Нэнси пишет книгу о Ларри Поттере и маглах; 1997 г. — Дж. К. Ролинг пишет книгу о маглах и Гарри Поттере». Джоанна далеко не первая и не последняя, кому предъявляли обвинения в литературном воровстве. Подобным нападкам подвергались П. Д. Джеймс, Ян МакИван, Грэхем Свифт, Роберт Стоун. «Мне кажется, — говорит МакКрам, — пришло время талантливым писателям без всякого стыда заявить о своем праве заимствовать черты творчества других авторов».

Так почему же Джоанна и ее издатели просто не замяли это дело? В конце концов, что такое миллион-другой, если речь идет о «Гарри Поттере»? Возможный ответ на этот вопрос дал Найджел Рейнолдс из «Дэйли Телеграф»: «В жизни ей [Джоанне] пришлось нелегко, и в ее характере есть что-то пуристическое[25] ». Джоанна очень гордится «Гарри Поттером» и никому не позволит посягать на свои авторские права.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Форт Нокс

«Она меня раздражает, потому что мы с ней чем-то похожи»

Б

огатство Джоанны стало предметом всеобщего любопытства, наверное, вызванного тем, что слишком быстро она стала одной из самых состоятельных женщин Великобритании. Ее лицо то и дело мелькает среди фотографий теневых магнатов, стареющих рок-звезд и баскетболистов. Рядом со списком самых богатых людей Британии 2001 г. «Санди Таймс» поместила портрет Джоанны, втиснув его между бывшим чемпионом по боксу в тяжелом весе Ленноксом Льюисом и влиятельной фигурой киноиндустрии Ридли Скоттом. Джоанна, чье состояние оценивается в 65 миллионов фунтов (97,5 миллиона долларов), занимает в этом списке 526-е место. Разумеется, только сама писательница да ее бухгалтер знают истинное положение вещей, но ее книги все так же расходятся огромными тиражами, а доходы от кинопроката и продажи рекламной продукции наверняка в 2002 г. поднимут ее не на одну строку в рейтинге миллионеров. Ей недостает всего 15 миллионов фунтов (22,5 миллиона долларов), чтобы сравняться с Барбарой Тейлор Брэдфорд, уже давно считающейся самой высокооплачиваемой писательницей в мире. «Санди Таймс» даже признает, что размер ее доходов определялся «по самым скромным подсчетам». В 2001 г. Джоанна стала 36-й из самых богатых женщин Соединенного Королевства и 42-й из состоятельных людей Шотландии.

Когда заметили ее отсутствие на Британской литературной церемонии награждения 2001 г., в зале пустили шутку, что Ролинг в это время покупает себе недвижимость — Канаду. Джоанна действительно приобрела новую недвижимость, пусть и не Канаду, но очень респектабельную лондонскую резиденцию в Кенсингтоне, оценивавшуюся в 4,5 миллионов фунтов (6,75 миллионов долларов). Дом в стиле времен короля Георга, с подземным бассейном, полами с подогревом и круглосуточной охраной, — один из двадцати пяти роскошных особняков в квартале. Одно время здесь арендовала апартаменты Мадонна, и как следствие, этот район стал еще престижнее. «Это станет ее [Джоанны] вторым домом, — говорит Кристофер Литтл. — Она не собирается перебираться в Лондон насовсем, но, когда она будет приезжать на встречу со мной или издателями, ей больше не придется останавливаться в отелях, и так намного удобнее». Как и большинство бедствовавших в прошлом людей, которые поэтому знают цену деньгам, Джоанна не склонна к расточительству, и эта резиденция — не просто причуда богатой женщины. Но если даже сама она никогда не переступит порога этого дома, все равно его приобретение — очень выгодное капиталовложение: вряд ли в случае перепродажи цена его

упадет.

Кроме того, Джоанна может инкогнито прогуливаться по фешенебельным кварталам Лондона, что в Эдинбурге удается все реже, особенно теперь, когда деньги изменили и внешность писательницы. Она стала выглядеть дорого. Теперь Джоанна платиновая блондинка — с рыжим оттенком она решила распрощаться навсегда. Как у Гермионы на балу в «Гарри Поттере и кубке огня», волосы теперь у нее «не как пышный куст, а гладкие и блестящие». Ухоженная кожа, одежда с ярлыками ведущих модельеров, настоящие бриллианты, когда она идет мимо витрин магазинов по Принцесс-стрит, прохожие невольно смотрят ей вслед, и даже не потому, что она знаменитость. Если Джоанна отправляется в ресторан, ее узнают и встречают с почестями, а имена ее спутников, особенно если она ужинает с мужчиной, наутро, можно не сомневаться, появятся в газетной светской хронике. Она, конечно, не Мадонна, но оставаться на Хейзелбэнк-Террас было по меньшей мере неподобающе.

Джоанна нашла наконец достойное жилье, в двадцати минутах ходьбы, в благоустроенном районе города, Мерчистоне. Заросший плющом особняк, тоже в стиле времен короля Георга, напоминает цитадель: каменная стена в восемь футов высотой и 250 футов длиной, внушительные черные ворота с короной наверху, система сигнализации, внутренняя селекторная связь. Вокруг дома с огромными окнами в нишах — большой парк с высокими дубами и елями. Здесь пристало бы жить иностранному послу.

Друзья Джоанны поклялись никому не сообщать ее новый адрес. Но во всем этом есть что- то грустное. Представьте: маленькая Джессика возвращается из школы, и, чтобы попасть домой, ей приходится каждый раз набирать сверхсекретный код. Стремление оградиться от окружающего мира может превратить дом в настоящую тюрьму.

Джоанна не единственная, кто сделал себе состояние на «Гарри Поттере». Мальчик-волшебник приносит колоссальную прибыль. Круглые очки и зигзагообразный шрам стали своего рода торговым знаком, столь же привычным, как Микки-Маус. «Кока-кола» заплатила «Уорнер Бразерс» 150 000 миллионов долларов (100 000 миллионов фунтов) за эксклюзивное партнерство в международном прокате «Гарри Поттера и колдовского камня». «Принципиально важно, — говорит Брэд Болл, президент отдела внутреннего маркетинга «Уорнер Бразерс», — было найти партнера, который мог бы оказать глобальную поддержку магической силе Гарри Поттера».

Согласно отчетам, годовой доход от голливудских тендеров

на лицензирование и право использования торгового знака может составить около биллиона долларов (667 миллионов фунтов). В Британии переживавшая кризис розничная сеть «Маркс эйд Спенсер», спасти которую могло разве что чудо, вновь оказалась на гребне коммерческой волны после подписания контракта на продажу верхней одежды, постельного белья, оберточной бумаги, канцтоваров, футболок, носков, купальников, бейсболок и бандан со знаком Гарри Поттера. Как заявил представитель «Маркс энд Спенсер», «всем известно, что Гарри Поттер — очень выигрышный вариант. Для нас это настоящий клад». Тендеры на детские товары (от шампуней и кукол до фишек а-ля По- кемоны и настольных игр) выиграли «Маттел», «Хазбро» и «Лего». В кондитерских магазинах можно купить леденцы «Нимбус-2000» и шоколадные «сикли». Британская компания «Электроник Артс» приобрела международные исключительные права на разработку компьютерных игр на основе сюжета «Гарри Поттера». Поскольку компания также является эксклюзивным поставщиком программ для игровой сети «Америка Он-лайн», в их распоряжении уже готовая 25-миллионная аудитория пользователей.

Издательство «Блумсбери» тоже не осталось в стороне, подписав двухгодичный контракт на продажу дневников, календарей, записных книжек и закладок со знаком Гарри Поттера. Их коммерческий успех стал предметом зависти других издателей, особенно тех, кто в свое время упустил шанс прославиться за счет Дж. К. Ролинг. Пять директоров во главе с Найджелом Ньютоном, 45-летним председателем, уже стали миллионерами благодаря резкому взлету стоимости акций компании. Ньютон родом из Калифорнии, сын журналиста из «Файнэншл Таймс», занимается виноделием и владеет крупным виноградником. Он считается одним из самых успешных предпринимателей в этой, как иногда полагают, непристойной сфере, хотя это нисколько не вредит имиджу Гарри Поттера. Может быть, сам он и не настолько похож на мальчика-волшебника, но со своими черными вьющимися волосами, да надев круглые очки в тонкой оправе, он мог бы приблизиться к экранному образу Гарри. Ньютон вместе с бывшим главным редактором Лизой Калдер основал «Блумсбери» в 1986 г., а до этого стал влиятельной фигурой в издательствах «Сидвик и Джексон» и «Лив Эйд», где помог Бобу Гелдофу издать одну из книг в рекордно короткие сроки.

Мистер Ньютон, однако, отмечает, что деятельность издательства не сводится лишь к «Гарри Поттеру» и у них есть и другие талантливые авторы, включая Майкла Ондаатье, Уилла Селфа и Джоанну Троллоп. Тем не менее, хотя «Блумсбери»

выпускает в среднем 250 книг в год, именно «Гарри Поттер» составляет двадцать процентов товарооборота. В розничную продажу «Кубок огня» поступил по 14,99£ (22,49$). Таким образом, «Блумсбери», получающее 35 процентов от общей прибыли, на каждом проданном экземпляре зарабатывает больше 5£ (7,50$).

«Блумсбери» заключило контракт на издание всех семи книги «Гарри Поттера» и пока об этом не лсалеет. Проект, похоже, продолжает набирать обороты. В июне 2001 г. «Блумсбери» открыло детский отдел в Америке, благодаря чему стоимость одной акции компании сразу же возросла с 60 пенсов (0,90$) до 845 пенсов (12,70$). Мистер Ньютон заработал почти 500 000£ (750 000$), сделав одно лишь заявление об открытии американского филиала. Большая часть акций «Блумсбери» принадлежит крупнейшим и известнейшим международным компаниям.

Но самое большое состояние на имени Джоанны Ролинг сделал Кристофер Литтл, который, по очень скромным подсчетам, заработал более

10 миллионов фунтов (15 миллионов долларов). Мистер Литтл теперь один из самых богатых людей в книжном бизнесе. Однако он не забывает, чему обязан своим достатком, и говорит всем и вся, что «Гарри Поттер» стал наибольшей удачей в его жизни, которая едва его не миновала: ведь он чуть не сказал «нет» Джоанне, потому что детские книги не приносят большого дохода. У Литтла теперь целая сеть офисов и новенький «Мерседес» последней модели, и, как заметил один из злоязычных конкурентов, «он ест, спит и пьет за счет Дж. К. Ролинг».

Сам Кристофер Литтл говорит, что «Гарри Поттер изменил жизнь всех, кто имел к нему хоть какое-то отношение. Мы думали, он будет иметь успех, но даже не представляли, что до такой степени. Но Джоанна — настоящий профессионал и при этом очень практичный человек».

Те, кто знает Кристофера и Джоанну, считают, что их отношения напоминают, скорее, отношения дочери и отца, однако между ними не существует особой душевной близости. Джоанна уже вполне освоилась в сфере бизнеса, а Кристофер ограждает ее от бумажной рутины, заведуя приемом и отправкой факсов и электронной почты. К моменту выхода в 1999 г. «Гарри Поттера и узника Азкабана» он начал сужать круг своих интересов, постепенно сократив список клиентов агентства до полудюжины человек. Среди них Дженет Гисон, автор нашумевшей книги «Колдовское зелье», Джон Уотсон,

специализирующийся на триллерах, и ирландский писатель Даррен Шэн (настоящее имя — Даррен О'Шогнесси), который пишет занимательные истории про вампиров, пользующиеся популярностью среди подростков.

Литтл даже отказался представлять интересы А. Дж. Квиннелла и упустил возможность издать «Дичь Артемиды» Эойн Коллинз, которая стала международным бестселлером и, как и «Гарри Поттер», обещает принести немалую прибыль в экранизированной версии.

Не сложились отношения у Кристофера Литтла и с Патриком Уолшем, который в 2000 г. подписал соглашение с другим агентством. Этот разрыв грозит повлечь за собой судебный процесс по делу о распределении доходов коммерческой империи Дж. К. Ролинг.

Между Кристофером и Джоанной продолжает, однако, сохраняться стабильное партнерство, хотя еще в 2001 г. ходили слухи, что у них не все гладко и писательница ищет нового литературного агента. Но только Джоанна и Кристофер знают, как оно есть на самом деле.

Главная же привязанность Джоанны — Джессика, хотя в их доме явно не хватает мужчины. После развода Джоанна, борясь с нищетой и депрессией, на время забыла о личной жизни. Она довольствовалась компанией друзей и часто сравнивала себя с мисс Эммой Вудхаус, героиней романа Джейн Остин «Эмма», которая постоянно вмешивается в любовные дела своих подруг. «Она меня раздражает, потому что мы с ней чем- то похожи», — сказала Джоанна в гостях у радиопередачи «С большим удовольствием».

Джейн Остин всегда была любимой писательницей Джоанны. Она вновь и вновь перечитывает ее романы, и часто влияние Остин угадывается и в книгах о Гарри Поттере. Взять, например, миссис Норрис, ненавистную всем кошку хогвартского смотрителя Филча, — «тощее, пыльно-серое создание с выпученными горящими глазами». М-с Норрис — персонаж «Парка Мэнсфилд» Остин, сварливая тетка Фанни Прайс.

Еще одна общая черта Остин и Ролинг — полная непредсказуемость развязки. Так, совершенно неожиданно выясняется, что Снейп — вовсе не такой злодей, каким считал его Гарри, а настоящий враг — с виду совсем безобидный человек. О сюжете «Эммы» Джоанна как-то заметила: ♦ Настолько искусно сплетенной интриги я не встречала ни в одном произведении» (имея в виду тайную помолвку Фрэнка Черчилля и Джейн Фэйрфакс). Читая роман в первый раз, она, как и большинство ее знакомых, упустила эту деталь. «Задумывая неожиданную

развязку «Гарри Поттера», я отдавала себе отчет, что в этом мне никогда не сравниться с «Эммой» Джейн Остин».

В радиопередаче Джоанна зачитала свой любимый эпизод: после пикника на Бокс-Хилл, во время которого Эмма отпустила жестокую шутку в адрес старой девы мисс Бэйтс, мистер. Найти упрекает героиню: «Если бы она была богата, я бы оставил без внимания любую безобидную колкость и не бранил бы тебя за вольные манеры. Если бы она была в равном с тобой положении, но, Эмма, только подумай, насколько далеко это от истины. Она бедна, она лишена того, что полагалось ей от рождения; а когда доживет до преклонного возраста, лишится еще большего. Ее положение должно вызывать сострадание. Ты поступила очень, очень дурно!»

Как типичная героиня Джейн Остин, Джоанна гордится своей независимостью, хотя, по ее собственному признанию, ей хотелось бы иметь еще детей — она всегда восхищалась большими семьями. Но после неудачного опыта первого брака она, что вполне естественно, крайне осторожна в выборе нового партнера. Доктору Нейлу Мюррею, по-поттеровски привлекательному, спокойному, трудолюбивому человеку, на шесть лет младше Джоанны, похоже, удалось разрушить воздвигнутый ею барьер.

Они встретились в гостях у общего знакомого, и Джоанна была тут же сражена. Нейл в то время собирался разводиться с женой Фионой, тоже врачом, с которой он познакомился во время учебы на медицинском факультете в университете Глазго. Поженились они в 1996 г., а через три года решили расстаться. Фиона работала в Глазго, а Нейл был главным анестезиологом в больнице Св. Иоанна в Ливингстоне, в пятнадцати милях к западу от Эдинбурга.

Доктор Мюррей — хороший специалист со стабильным заработком. Родители Джоанны наверняка одобрили бы ее выбор: уж конечно, он был более подходящей партией, чем португалец, с которым она познакомилась в баре. Загруженный работой, как и любой врач, он покорил Джоанну тем, что согласился отказаться от хорошего места с годовым жалованием 32 000£ (48 000$) ради путешествий по миру. Друзья считают, что он не хотел, чтобы неудачный брак и трудная работа сужали его горизонты. Поначалу Джоанну и Нейла видели гуляющими и проводящими время вместе (они постоянно держались за руки и целовались, как нормальная влюбленная пара). Они ужинали в ресторанах вроде бистро «Скиппере» на набережной в Лейте, завтракали с друзьями в «Пицца Экспресс» в Стокбридже. Нейл иногда приглашал Джоанну на вечеринки, где собирались его коллеги.

Они очень удачно дополняют друг друга. Нейл довольно замкнутый человек, а Джоанна, наоборот, в компании хорошо знакомых и приятных людей всегда живая и общительная, ее заразительный смех слышен по любому поводу. Постепенно они стали все больше времени проводить вдвоем, уединяясь в новом роскошном доме Джоанны, и соседи все чаще начали примечать припаркованный у ворот красный спортивный автомобиль Нейла.

Вездесущие газетчики сразу же усмотрели сходство Нейла с Дэниэлом Рэдклиффом, юным актером, сыгравшим Гарри Поттера, не оставив без внимания его очки и челку (хорошо еще, у него не было зигзагообразного шрама на лбу). Так что, наверное, клеймо «похожего на Гарри Поттера любовника» Дж. К. Ролинг пристало к нему раз и навсегда.

3 мая 2001 г. Нейл подал на развод. В конце июля он вслед за Джоанной и Джессикой улетел на красивый тропический остров Маврикий, где их ждал сказочный отдых. 29 июля, за двое суток до тридцать шестого дня рождения Джоанны (который, кстати, у нее в один день с Гарри Поттером), фотографии пары — добыча пронырливых папарацци — появились в британской прессе. Джоанна вся светится от счастья, не подозревая, что за ней наблюдает зоркий глаз объектива. Время покажет, сумеет ли она вновь избежать расставленного капкана — на этот раз уже славы, а не нищеты.

Послесловие

К

огда я только начинал эту книгу, у меня уже было ощущение, что сама Дж. К. Ролинг как личность намного интереснее, чем Гарри Поттер, ее персонаж. Думаю, я не ошибся. Конечно, вы можете не согласиться со мной, если борьба со злом и полеты на метле кажутся вам увлекательнее реальных человеческих драм и переживаний. В книге я попытался коснуться событий в жизни Джоанны, повлиявших на ее формирование как личности и как автора. Богатство и слава настолько пленяют воображение многих людей, что они часто забывают о том, что Джоанна прежде всего талантливая писательница. «Я поражен, что кто-то может так красиво писать», — заметил принц Уэльсский.

Писатели, наверное, в большей степени, чем представители других видов искусства, вкладывают в творчество свой жизненный опыт, и лично мне было интересно проследить связь между биографией Джоанны и «Гарри Поттером». Перечитывая повести, я радовался каждой новой находке. Например, в «Гарри Поттере и философском камне» Хагрид рассказывает главному герою, что Волан-де-Морт «таких сильных волшебников убил — МакКиннонов, Боунзов, Прюиттов...». Во время своего

«детективного расследования» я обнаружил, что фамилию МакКиннон носила одна из однокурсниц Джоанны по имени Катрина, а Джилл Прюитт была ее подругой в Порто. Я, правда, еще не выяснил, кто такие Боунзы. Джоанна часто повторяла, что пишет «Гарри Поттера» для себя — воображаю, как она забавлялась, награждая персонажей именами и фамилиями своих знакомых.

На мой взгляд, «Гарри Поттер» несколько затмевает образ своей создательницы, Джоанны Ролинг. Историю о «матери-одиночке без гроша в кармане» пересказывали настолько часто, что многие стали воспринимать ее скорее как вымысел, чем как биографическую деталь. Я был поражен, обнаружив, насколько мало мы знаем о реальной жизни Джоанны, помимо ряда общеизвестных фактов и неверной информации. Давно проверено: если ошибка просочится в печать, то уже навсегда. Самое интересное, что это действительно так — сужу по собственному опыту, приобретенному во время работы над книгой. В «Гардиан» , например, упоминалось, что я учился в той же школе, что и Джоанна, хотя этот вымысел отделяют от правды около ста миль. Вообразите себе мое изумление, когда во время поездки в Португалию я обнаружил ту же дезинформацию в одной из местных газет. Помнится, несколько лет назад одна актриса, которой была посвящена очередная моя статья, умоляла меня не писать, что она ходила в одну школу с принцессой Анной, — так пишут все, а это неправда. Я заверил ее, что не допущу ошибки, но в следующее воскресенье открыл газету и, к полному своему замешательству, в первом же абзаце статьи увидел слова: «...которая ходила в школу с принцессой Анной». Редактор приписал эту ложь без моего ведома. Так что можно себе представить, почему знаменитости на дух не выносят СМИ.

Сегодня одна из главных проблем в жизни Джоанны — сохранение конфиденциальности, что вовсе не так-то просто для настоящей знаменитости. Нелли Мельба, известная австралийская певица-сопрано, как-то заметила: «Один из недостатков славы — что никто не может ее избежать». Джоанна Ролинг теперь важная персона, звезда первой величины, которая в рекордно короткие сроки настолько круто изменила свою судьбу, что сразу оказалась в центре внимания публики, которая хочет знать о ней все: куда она ездит отдыхать, что покупает в магазинах и с кем ходит по ресторанам. Сама же писательница, что вполне понятно, стремится по возможности, особенно в интересах дочери, скрывать свою личную жизнь, но слава, как хитрый джин: если выпустишь его из бутылки, уже не упрячешь обратно.

Публика никогда не считается с известными людьми, которые хотят, «чтобы их оставили в покое» хотя бы после того, как им пришлось пройти через все вехи гласности на тернистом пути к славе. И не важно, что Джоанна как никогда активно сопротивляется вторжению в ее личную жизнь. Поначалу всегда так: тебе льстит любое проявление интереса, каждая невзначай услышанная фраза, что кому-то понравился твой фильм/песня/книга; ты волнуешься, тщательно выбираешь вечернее платье в предвкушении триумфа на церемонии награждения, а потом не знаешь, как укрыться от посторонних глаз, когда заходишь в магазин за бутылкой молока. Слава никого не щадит.

Джоанна на удивление стойко выдержала первый напор популярности и продолжает твердо стоять на ногах. Зато теперь она имеет возможность использовать обретенное влияние в собственных целях, в частности для поддержки различных благотворительных проектов. Менее чем за четыре года в мире было продано более ста миллионов экземпляров «Гарри Поттера». Я всегда со здоровым скептицизмом относился к цифрам и статистике, но не следует недооценивать масштаба феномена Гарри. Как заметил Кристофер Литтл, «вообразите, что у каждого мужчины, женщины и ребенка в Британии есть по две книги « Гарри Поттера »...».

Другое дело — вклад Джоанны в детскую художественную литературу. Одни говорят, что ее книги настолько заполонили рынок, что на нем не осталось места для произведений других авторов. Другие, напротив, полагают, что «Гарри Поттер» способствовал росту популярности детской литературы, как среди писателей, так и среди юных читателей.

«Мне кажется, — говорит Линдси Фрэзер, — остается только аплодировать автору, чья книга нашла путь к сердцам стольких ребят. Отрадно наблюдать, как взрослые, видя искренний интерес детей, тоже начинают более серьезно относиться к детской литературе. Я работаю в этой сфере вот уже почти двадцать лет и знаю, что детские книги редко привлекают к себе то внимание, какого они заслуживают. Ведь это не просто материал для развития навыков чтения. Однако беспрецедентный ажиотаж вокруг какой-либо книги и, что чаще, личности его автора заслоняет тот факт, что существует еще множество талантливых писателей и произведений для детей. Джо всегда старается при каждом удобном случае напоминать об этом своим поклонникам».

Чрезмерное превознесение чьих-либо заслуг неизбежно вызывает отрицательную реакцию окружающих. Иногда доходит даже до смешного. Взять хотя бы слова Рэймонда Бриггса: «Это

большая наглость, когда какой-нибудь дилетант-выскочка обходит опытных профессионалов и в мгновение ока завоевывает колоссальную популярность. Это несправедливо». Другие, что уже, скорее, грустно, заявляют, будто Дж. К. Ролинг занимается пережевыванием избитых тем и шаблонных сюжетов, тем самым совершенно не воздавая должного оригинальности идей и воображению писательницы. Как заметила Пенелопа Лайвли, «в саге о Поттере есть все: и богатый мир фантазии, и неистощимый запас остроумия и изобретательности, и захватывающий, непредсказуемый сюжет. Все эти разглагольствования, что в книге нет ничего оригинального, будто бы это эксплуатация избитых тем и уже существующих персонажей детской литературы — совершенно беспочвенны. С этой точки зрения, в мире вообще нет ничего абсолютно оригинального».

Лично я вижу в «Гарри Поттере» два минуса. Во-первых, книга напоминает мне «Звездные войны». Волан-де-Морт — это Дарт Вейдер, Гарри — Люк Скайуолкер, Гермиона — принцесса Лея, Рон — Хан Соло, а Дамблдор — Оби Ван Кеноби. Во-вторых, квиддич — довольно скучная игра, которая никогда не завоюет признания истинного любителя спорта. В ней нет настоящей интриги: если через десять секунд золотой снитч оказывается в руках ловца, игра заканчивается. Мне кажется, квиддич имеет большие перспективы в плане экранных спецэффектов, но сам бы я ни за что не пошел на подобный матч в Уэмбли. Больше того, почему во всем Хогвартсе в квиддич играют только несколько учеников? Какими физическими упражнениями занимаются Рон, Гермиона, Невилл и все остальные, помимо походов в школьную оранжерею и разминки на уроке ухода за волшебными животными? Ведь должна же существовать хоть какая-нибудь спортивная секция и для менее тренированных школьников? По моим подсчетам, в квиддич играют всего двадцать восемь учеников Хогвартса.

Всем известно, что в «Гарри Поттере» будет семь частей, что, конечно, налагает на Джоанну большую ответственность. Будет очень грустно, если развязка не оправдает ожиданий читательской аудитории. Остается столько всего невыясненного. Мне лично хотелось бы знать, какие еще детали биографии Джоанны найдут отражение в ее будущих книгах. Постигнет ли кого-либо из героев судьба мамы Джоанны? Поймет ли Гермиона, что жизнь — это не только учеба? Переживет ли Гарри горькое разочарование? Не станет ли Рита Москита личным биографом Гарри Поттера? Но больше всего мне любопытно, чем закончится битва между Гарри и Волан-де-Мортом, между добром и злом. Сгинет ли навсегда побежденный Темный Лорд, раскается ли он

перед смертью в своих злодеяниях, искупит ли свою вину, подобно Дарту Вейдеру? Сага о Гарри Поттере уникальна тем, что ее персонажи не застрахованы от гибели. Волшебство не в силах победить смерть.

Одна лишь Джоанна знает ответы на все эти вопросы. Теперь ей предстоит нелегкая задача — не разочаровать своих поклонников. И еще мне интересно: что напишет Дж. К. Ролинг после завершения «Гарри Поттера»? Ее ничто не обязывает в будущем к публикации своих произведений. Если даже она не напишет больше ни строчки, «Гарри Поттер» навсегда останется свидетельством ее непревзойденного дарования. Ральф Вальдо Эмерсон писал: «Чтобы стать писателем, одного таланта недостаточно. За книгой должна стоять личность». За Дж. К. Ролинг — автором стоит Джоанна Ролинг — женщина. Возможно, немного робкая и временами несдержанная, но очень страстная женщина со стальной волей. Годы лишений — нищета, депрессия, неудавшийся брак, болезнь и смерть матери — закалили ее личность и придали отточенность ее таланту.

И в конце концов, благодаря любви и поддержке друзей и семьи, благодаря дочери Джессике и мальчику-волшебнику по имени Гарри Поттер она одержала победу.

Библиография

ROWLING, J. K., *Harry Potter and the Philosopher's Stone,* **Bloomsbury, 1997 ROWLING, J. K.,** *Harry Potter and the Chamber of Secrets,* **Bloomsbury, 1998 ROWLING, J. K.,** *Harry Potter and the Prisoner of Azkaban,* **Bloomsbury, 1999 ROWLING. J. K.,** *Harry Potter and the Goblet of Fire*, **Bloomsbury, 2000 WHISP, KENNILWORTHY,** *Quidditch Through the Ages,* **Bloomsbury, 2001 SCAMANDER, NEWT,** *Fantastic Beasts & Where to Find Them,* **Bloomsbury, 2001 ATTENBOROUGH, JOHN, "Goudge, Elizabeth de Beauchamp",** *Dictionary of National Biography* **AUSTEN, JANE, Emma, Penguin, 1996 BARR, ANN & YORK, PETER,** *The Official Sloane Ranger Handbook,* **Ebury Press, 1982 CLAPP, BRIAN, The University of Exeter: A History, University of Exeter, 1982 DICKENS, CHARLES,** *A Tale of Two Cities,* **Penguin, 2000 FRASER, LINDSEY,** *Telling Tales: An Interview with J. K. Rowling,* **Mammoth, 2000 GOUDGE, ELIZABETH,** *The Little White Horse,* **Lion, 2000 LEIGHTON, CHRISTINE, Tutshill C of E School 150 Years in Education, 1999**

Leith Academy prospectus 2001

LEWIS, C. S., *The Lion, the Witch and the Wardrobe,* **Collins, 2001**

MITFORD, JESSICA, *Hons and Rebels,* **Quartet, 1979 POTTER, DENNIS,** *The Changing Forest,* **Minerva, 1996 TOLKIEN, J. R. R.,** *The Lord of the Rings,* **Harper Collins, 1991** *Who's Who* **2001**

WISEMAN, DR PETER, "Honorary Degree Oration", University of Exeter, 14 July 2001

Wyedean School and Sixth Form Centre prospectus 2001 BOSHOFF, ALISON, "Bringing Harry to Life", *Daily Mail,* **6 January 2001 BOWNESS, MARK, "US Author Sues",** *Sun,* **16 March 2001 BROCKLEBANK, JONATHAN, 'J. K.'s Magic Moments',** *Daily Mail,* **18 December 2000 BROWN, ANNIE, "Joanne Will Earn £8om . .** *Daily Record,* **6 March 2000 BUCKWELL, ANDREW, "Potty Over Mrs Potter",** *Sunday Mirror,* **25 June 2000 CARRELL, SEVERIN, "Harry Potter and the Horrible Hackette",** *Independent,* **5 September 2000 CARTER, SIMON, "Wizard Author Honoured",** *Exeter Express & Echo,* **14 July 2000 CLEAVE, MAUREEN, "Wizard with Words", Daily Telegraph, 3 July 1999 COCHRANE, LYNNE, "Harry's Home",** *Sunday Times,* **2 July 2000**

CORMACK, JOHN and TODD, STEPHANIE, "For Sale . . . the Harry Potter Cafe", *Edinburgh Evening News,* **28 April 2001**

COWELL, ALAN, "All Aboard the Potter Express", *New York Times,* **10 July 2000 DAVIES, HUGH, "Harry Potter Actor Proves a Wizard",** *Daily Telegraph,* **24 August 2000 ENGLISH, REBECCA, "I Loved and Lost the Woman who Created Harry Potter",** *Daily Mail,* **10 July 2000**

FORD, MATTHEW, "Potter Scenes to be Filmed in City", *Gloucester Citizen,* **7 August 2000 GIBBS, EDDIE, "Tales from a Single Mother",** *Sunday Times,* **29 June 1997**

GORDON, GILES, "Egg-citing News", *Edinburgh Evening News,* **6 January 2001 GRAY, PAUL, "The Magic of Potter",** *Time Magazine,*

25 December 2000 HAMILTON, ALAN, "Monarch Meets the Queens of Fiction", *The Times,* **23 March 2001 HARDY, JAMES, "Brown Slams Old Boy Universities Network",** *Daily Mirror,* **26 May 2000 HARRISON, DAVID, "Harry Potter and the Lost Profits of M&S",** *Sunday Telegraph,* **24 December 2000 HATTENSTONE, SIMON, "Harry, Jessie and Me",** *Guardian,* **8 July 2000**

HENDERSON, PAUL, "Harry Potter Helped Wreck Our Marriage", *Mail on Sunday,* **14 November 1999 HILL, AMELIA, "Harry Potter and the Small Snubbed Fans",** *Observer,* **9 July 2000 JENKINS, SIMON, "It's Yesterday Once More",** *The Times,* **13 October 1993 KNOWLES, MATTHEW, "Sad Final Chapter",** *Daily Mail,*

19 December 2000 KNOWLES, MATTHEW, "J. K. Rowling, her Handsome Doctor...", *Mail on Sunday,* **13 May 2001 LEVIN, ANGELA, "She Scribbled her First Book ...",** *Daily Mail,* **10 October 1998 LEWIS, TAMZIN and McGiLL, CRAIG, "Magic Hols for J. K.",** *Sunday Mirror,* **6 May 2001 LIVELY, PENELOPE, "Harry's in Robust Form",** *Independent,* **13 July 2000**

LLOYD DAVIES, MEGAN, "Wizard of a Book", *Exeter Express & Echo,* **9 July 1999 McCRUM, ROBERT, "It is High Time Writers Reclaimed** *Observer,* **25 March 2001**

MULFORD, SARAH, "Meet Harry Potter", *Daily Record,* **3 July 2000**

PALTA, LISA, "The Universal Popular Phenomenon Harry Potter", *OK! Magazine,* **23 February 2001 POOR, SALLY, "J. K. Rowling Given Honorary Degree",** *Daily Telegraph,* **15 July 2000 PURVES, LIBBY, "All Aboard for Hogwarts",** *Times Education Supplement (TES),* **8 October 1999 REYNOLDS, NIGEL, "Harry Potter Rides to Author's Rescue",** *Daily Telegraph,* **7 July 1997 REYNOLDS, NIGEL, "Children's Book of Magic",** *Daily Telegraph,* **8 July 1998 RICE, DENNIS, "Lost Love who First Saw Harry Potter",** *Express on Sunday,* **14 November 1999 RICE, DENNIS, "Potter Millions Mean Nothing",** *Daily Express,* **15 November 1999 RICE, DENNIS, "Harry Potter and the Dark Family Secret",** *Sunday Express,* **21 January 2001 ROSSER, NIGEL, "Harry's Bloomsbury Set",** *Evening Standard,* **30 March 2001 ROWLING, J. K., "J. K. Rowling's Diary",** *Sunday Times,*

26 July 1998

ROWLING, J. K., "Did They All Think I was a Scrounger?", *Sun,* **4 October 2000 ROWLING, J. K., "All About My Mother",** *Scotland on Sunday,* **22 April, 2001**

SEATON, MATT, "The Magic Touch", *In Style Magazine,* **May 2001**

SMITH, DAVID, "Rowling Tells Little White Lie", *Daily Express,* **26 December 2000** *Sunday Times* **Rich List 2001**

SMITH, EMILY, "Harry Potter Drugs Shock", *Sun,* **8 January** 2001

THOMPSON, TANYA, "First Attempt at Fantasy Becomes £100,000 Reality", *Scotsman* **8 July 1997**

TRENEMAN, ANN, "Harry and Me", The Times, 30 June, 2000

WALSH, JOHN, "Simply Mad About the Girls", *Independent,* **31 January 2001 WEINRAUB, BERNARD, "New Potter Book Casts Spell",** *New York Times,* **3 July 2000 WEIR, MARGARET, "Of Magic and Single Motherhood",** *Salon on-line magazine,* **31 March 1999 WILLIAMS, ALEXANDRA, "J. K. Rowling Conjures up new £4.5m Pad",** *Daily Record,* **13 July 2000 WILSON A. N., "A Wizard Way with Politics",** *Evening Standard,* **8 January 2001 WOODS, JUDITH, "Coffee in One Hand** *Scotsman,*

20 November 1997 *Desert Island Discs,* **BBC Radio 2, 10 November 2000** *With Great Pleasure,* **BBC Radio 4, 25 May 2000** *The Magical World of Harry Potter: The Unauthorized Story of J. K. Rowling,* **DVD, Eaton Entertainment, 2000** *Congregation for the Deferment of*

Degrees, University of Exeter, **Visions Unlimited, 2000**

Заметки

[
←1
]

Приложение для женщин.

[
←2
]

Музыкальная радиопередача.

[
←3
]

Имена и названия из «Гарри Поттера» и других детских книг встречаются в российских изданиях в различных переводах.

[
←4
]

Популярный биографический справочник.

[
←5
]

Measly (англ.) - корь.

[
←6
]

Украшенный цветами и лентами столб, вокруг которого танцуют на празднике в первое воскресенье мая (прим. переводчика).

[
←7
]

Военно-воздушный патруль (англ.).

[
←8
]

«Brown Owl» - начальник отряда девочек-скаутов 7—10 лет (скауты в Англии - «брауни-гайды» - названы по имени фольклорного «коричневого человечка» - доброго домового).

[
←9
]

Шоколадные драже.

[
←10
]
В оригинале «Little White Horse» - «Маленькая белая лошадка».
[
←11
]
Игра с мячом для девочек.
[
←12
]
Gwent - графство в Уэльсе.
[
←13
]
Оксфорд и Кембридж.
[
←14
]
Одинокий странник *(англ.).*
[
←15
]
Английская пивная.
[
←16
]
В художественной литературе - прием, заключающийся в повторе сочетаемых звуков в словах.
[
←17
]
Непобежденная (лат.).
[
←18
]
Потеря аппетита, отвращение к пище.
[
←19
]
В оригинале «Shan't* - что можно перевести как отри Цание «Не-а!», которое и «словом» не назовешь.
[

←20
]

Затруднения в обучении чтению и письму у некоторых людей, **неспособность научиться правильно читать даже отдельные слова.**

[
←21
]

Дело чести *(лат.)*.

[
←22
]

Смешно, комично.

[
←23
]

Rowling - возможны разные варианты произношения.

[
←24
]

Актриса не смогла сдержать рыданий при вручении ей «Оскара».

[
←25
]

Пуристы - сторонники чистоты нравов.